

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

№ 3 / 2018

Журнал издается совместно с Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

НАУЧНО-ПРАВОВОЕ ИЗДАНИЕ. Федеральная служба по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Рег. ПИ № ФС77-30776 от 25 декабря 2007 г. Издается с 1998 г., выходит ежемесячно.

Главный редактор:

Исаев И.А., д.ю.н., профессор

Редакционный совет:

Аронов Д.В., д.и.н., профессор;
Бабич И.Л., д.и.н.;
Жильцов Н.А., к.ю.н., к.пед.н., профессор,
Почетный работник юстиции России;
Мельников С.А., д.ю.н.;
Милушенко О.Н., д.ю.н., профессор;
Нигматуллин Р.В., д.ю.н., профессор;
Покровский И.Ф., д.ю.н., профессор;
Расказов Л.П., д.ю.н., д.и.н., профессор;
Ромашов Р.А., д.ю.н., профессор;
Сафонов В.Е., д.ю.н., профессор;
Туманова А.С., д.ю.н., д.и.н., профессор;
Хабибулин А.Г., д.ю.н., профессор;
Чердаков О.И., к.и.н., д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия:

Бодунова О.Г., к.ю.н., доцент;
Зенин С.С., к.ю.н.;
Клименко А.И., д.ю.н., доцент;
Недобежкин С.В., к.ю.н., доцент;
Сигалов К.Е., д.ю.н., к.ф.н., доцент

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:

Бабкин А.И.,
Белых В.С.,
Ренов Э.Н.,
Платонова О.Ф.,
Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование

и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Власть и закон: функция насилия

Исаев И.А. Учредительное насилие: мечь и жертвоприношение... 3
Гарбатович Д.А. Непреступные уголовно-правовые деяния в соответствии с Соборным Уложением 1649 г..... 9
Егоров А.А. Понятие и признаки правонарушения в советской теоретико-правовой мысли 12
Антонович Е.К., Антонович Б.А. Законодательный опыт участия в уголовном судопроизводстве лиц, имеющих психические расстройства: от Устава уголовного судопроизводства и до наших дней..... 17
Волчанская А.Н., Худяков А.В. Юридическая природа возникновения коррупции и исторические аспекты формирования антикоррупционного законодательства в дореволюционной России 23

Право и политика

Беляева О.М. Проект государственных реформ М.М. Сперанского..... 28
Бердникова Е.В. История развития общественного контроля в дореволюционной России 33
Ищенко О.А. Разногласия политического руководства страны и деятельность лидеров партии меньшевиков накануне корниловского мятежа 1917 г. 38
Игнатьев С.К. Обстоятельства создания Временного комитета членов Государственной Думы 43
Левчук С.В. Российская государственность на изломе 1917 года (политико-правовой аспект)..... 48
Лавицкая М.И., Буреев А.А. Отражение революционных событий 1917 года в российском общественном сознании 53
Савченко Д.А. «Господарь вся Руси»: титул великого князя Московского в XVI в. 58
Айвазидис А.К. Анализ историко-правового процесса формирования понятия эмиссионного института государственной власти в контексте евразийской интеграции 62
Андреев И.В., Лебедев И.М., Мезавцов А.М. Правовые основы и историческое многообразие органов МСУ в России до 1917 г. От Петра I до Николая II 69
Каракотов Р.М., Константиныди М.Ф. Правовые аспекты реализации прав беженцев и лиц, ищущих убежище на территории Российского государства..... 74

Рецензия

Хабибулин А.К. Рецензия на монографию Мирашевой Екатерины Владимировны «От колоний к штатам: опыт синтетического исследования американского федерализма и судебной власти США (историко-правовые и конституционно-правовые проблемы)» 79

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва,
Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.
E-mail: avtor@lawinfo.ru
Центр редакционной подписки:
(495) 617-18-88 (многоканальный).
Формат 170x252 мм. Печать офсетная.
Бумага офсетная № 1. ISSN 1812-3805.
Физ. печ. л. 6,25. Усл. печ. л. 6,25.
Номер подписан в печать 15.02.2018.
Номер вышел в свет 15.03.2018.
Тираж 3000 экз. Цена свободная.

Подписные индексы: Роспечать — 47643;
Каталог российской прессы — 10866;
Объединенный каталог — 85492 (на полуг.).
Также можно подписаться на www.gazety.ru
Отпечатано в типографии
«Национальная полиграфическая группа».
248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.
Тел.: (4842) 70-03-37.
Журнал включен в базу данных
Российского индекса научного цитирования
(РИНЦ).

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Учредитель:
Издательская группа «Юрист».

HISTORY OF STATE AND LAW

№ 3 / 2018

Published in association with the Kutafin Moscow State Law University

RESEARCH AND LAW JOURNAL. The Federal Service for Supervision in the Sphere of Mass Communication, Communications and Protection of Cultural Heritage.
Reg. Pl № ФЦ77-30776 from December 25, 2007. Published since 1998. Published monthly.

Editor in Chief:

Isaev I.A., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Board:

Aronov D.V., doctor of historical sciences, professor;
Babich I.L., doctor of historical sciences;
Zhil'tsov N.A., candidate of juridical sciences,
candidate of pedagogical sciences, professor,
Honorary Worker of Justice;
Mel'nikov S.A., doctor of juridical sciences;
Migushhenko O.N., doctor of juridical sciences, professor;
Nigmatullin R.V., doctor of juridical sciences, professor;
Pokrovskij I.F., doctor of juridical sciences, professor;
Rasskazov L.P., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Romashov R.A., doctor of juridical sciences, professor;
Safonov V.E., doctor of juridical sciences, professor;
Tumanova A.S., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Khabibulin A.G., doctor of juridical sciences, professor;
Cherdakov O.I., candidate of historical sciences,
doctor of juridical sciences, professor

Editorial Staff:

Bodunova O.G., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Zenin S.S., candidate of juridical sciences;
Klimenko A.I., doctor of juridical sciences,
assistant professor;
Nedobezhkin S.V., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Sigalov K.E., doctor of juridical sciences,
candidate of sciences in philosophy, assistant professor

Editor in Chief of Publishing Group "Jurist":

Grib V.V., doctor of juridical sciences, professor

Deputy Editors in Chief of Publishing Group "Jurist":

Babkin A.I.,
Belykh V.S.,
Renov E.N.,
Platonova O.F.,
Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., candidate of jurisprudence

Tel.: (495) 953-91-08

Authors shall not pay for publication of their articles.

Power and law: violence function

- Isaev I.A.* Constituent Violence: Vengeance and Sacrifice..... 3
Garbatovich D.A. Non-Felonious Criminal Legal Acts
Pursuant to the Council Code of 1649 9
Egorov A.A. The Offence Notion and Attributes in the Soviet
Theoretical and Legal Thought 12
Antonovich E.K., Antonovich B.A. Legal Experience
of Participation of Persons Suffering from Mental Disorders
in Criminal Proceedings: from the Statute
of Criminal Procedure to the Present Days..... 17
Volchanskaya A.N., Khudyakov A.V. The Legal Nature
of the Origination of Corruption and Historical Aspects
of Anti-Corruption Law Establishment
in Pre-Revolutionary Russia..... 23

Law and politics

- Belyaeva O.M.* The Project of M.M. Speransky's
Government Reforms..... 28
Berdnikova E.V. History of Public Control Development
in Pre-Revolutionary Russia..... 33
Ischenko O.A. Disagreements within the Political Administration
of the Country and the Activities of the Menshevik Party Leaders
on the Eve of the Kornilov Revolt of 1917 38
Ignatyev S.K. Peculiarities of Establishment
of the Provisional Committee of the State Duma..... 43
Levchuk S.V. The Russian Statehood on the Verge of 1917
(the Political and Legal Aspect) 48
Lavitskaya M.I., Bureev A.A. Reflection of the Revolutionary
Events of 1917 in the Russian Public Conscience..... 53
Savchenko D.A. 'Hospodar of All Rus':
the Title of the Grand Prince of Moscow in the XVI Century 58
Ayvazidis A.K. Analysis of the Historical and Legal Process
of Origination of the Emission State Power Institution Notion
within the Framework of the Eurasian Integration 62
Andreev I.V., Lebedev I.M., Mezavtsov A.M. Legal Bases
and Historical Variety of Local Self-Government Bodies
in Russia till 1917. From Peter I to Nicholas II 69
Karakotov R.M., Konstantinidi M.F. Legal Aspects of Exercising
of Rights of Refugees and Persons Seeking Asylum
in the Territory of the Russian State 74

Review

- Khabibulin A.G.* Review of the Monograph From Colonies
to States: Experience of Synthetic Research of the American
Federalism and the US Judicial Power (Historical Legal
and Constitutional Legal Issues) by Ekaterina Vladimirovna
Miryasheva..... 79

Address publishers / editors:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 115035.
E-mail: avtor@lawinfo.ru
Editorial Subscription Centre: (495) 617-18-88
(multichannel).
Size 170x252 mm. Offset printing.
Offset paper № 1. ISSN 1812-3805.
Printer's sheet 6,25.
Conventional printed sheet 6,25.
Passed for printing 15.02.2018.
Issue was published 15.03.2018.

Circulation 3000 copies. Free market price.

Subscription:

Rospechat' — 47643;
Catalogue of the Russian press — 10866;
United Catalogue — 85492 (for 6 months)
and on www.gazety.ru
Printed by "National Polygraphic Group".
Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.
Tel.: (4842) 70-03-37.

Journal is included in the database
of the Russian Science Citation Index.

Complete or partial reproduction of materials without
prior written permission of authors or the Editorial
Office shall be prosecuted in accordance with law.

Recommended by the Higher Attestation Commission
of the Ministry of Education and Science of the Russian
Federation for publication of basic results
of candidate and doctor theses.

Founder:
Publishing Group "Jurist".

DOI: 10.18572/1812-3805-2018-3-3-8

Учредительное насилие: месть и жертвоприношение

*Исаев Игорь Андреевич,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
заведующий кафедрой истории государства и права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, профессор
kafedra-igr@yandex.ru*

В статье дается анализ действия важнейшего политического фактора — учредительного насилия. Оно используется властью для формирования нового правового порядка. В то же время в целях и структуре такого насилия содержатся иррациональные элементы мести и даже жертвоприношения. Посредством уголовного наказания и судебных процедур власть превращает иррациональные мотивы и факторы в политические институты. Этим обеспечиваются важные социальные задачи и функции по сохранению общественного и государственного единства.

Ключевые слова: насилие, наказание, репрессия, закон, казнь, преступление, суверенитет, легальность, месть, суд, жертва, законность, процедура.

Constituent Violence: Vengeance and Sacrifice

*Isaev Igor A.
Honored Scientist of the Russian Federation
Head of the Department of History of State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Doctor of Law
Professor*

The article analyzes the effect of an extremely important political factor: constituent violence. It is used by the government to establish new law and order. At the same time, the objectives and structure of such violence contain irrational elements of vengeance and even sacrifice. The government transforms its irrational motives and factors into political institutions by means of criminal punishment and judicial procedures. This ensures fulfillment of significant social tasks and functions, preservation of public and national unity.

Keywords: violence, punishment, repression, law, execution, crime, sovereignty, legality, vengeance, court, victim, legitimacy, procedure.

В «Насилии и священном» Рене Жирар подчеркивает наличие странного состояния «неузнавания», проявляющегося в процессе нагнетания миметического насилия, обмена враждебными действиями, и в бесконечной цепи взаимного возмездия. Участники процесса, «враги» (в шмиттовском понимании этого термина) совершают одинаковые акты в отношении друг друга, даже не осознавая собственного сходства. Общество же, пораженное таким миметическим насилием, становится безличным и бесформенным образованием, ведь всякий культурный порядок — это прежде всего упорядоченная система различий, и их исчезновение порождает опасную аморфность: «Кризис описывается то как расшатывание, то как сокрытие различий... Любые вещи, встречаясь, спорят». Здесь даже нельзя говорить о противниках в

прямом политическом смысле слова, но только о чуть ли не безымянных вещах... Поэтому именно метафора потопы, «разжижающего все вещи, превращающего твердую вселенную в кашу, часто обозначает насилие, не знающее различий»¹. Тогда-то и наступают аномия и полная дезинтеграция. Только язык чистого священного сохраняет истинную суть мифологии и религии и отрывает насилие от человека и делает само насилие отдельной расчеловеченной сущностью, «флюидом», который может пропитывать вещи посредством даже простого с ними контакта». С этим связывается идея «заразности», по сути мифическая, поскольку отнимает у насилия взаимность: «она слишком буквально овеществляет живое насилие человеческих взаимоотношений,

¹ Жирар Р. Насилие и священное. М., 2004. С. 66–67.

превращая его в квазисубстанцию»². (Жертвуют самым ценным и дорогим, лишь тогда возможно предположить, что жертва не превратится в сделку: уничтожение сакрального всегда имеет оттенок жертвенности, даже в акте богохульства и иконоборства. («Священное — это все, что господствует над человеком, и тем надежнее, чем больше сам человек надеется над этим господствовать... подлинное сердце и тайную душу священного составляет насилие»). (Рене Жирар.)

Попытки остановить насилие всегда принимают насильственные формы. Приходится жертвовать самым дорогим — жизнью, свободой, ценностями — чтобы восстановить порядок. Но порядок — синоним принуждения, т.е. насилия. Останавливая стихийное насилие, порядок устанавливает, порождает свое собственное. В правовой истории кровная месть, стихийная и бесконечная, останавливалась посредством другой, уже формализованной и нормированной мести, для которой вполне произвольно был установлен ценностный эквивалент. Уже здесь смутно просвечивает идея «переноса», поиска объекта и субъекта, прямо не связанных с угрозой стихийного беспредела.

Но формализованный запрет стихийной ярости и континуальности в свою очередь преодолевается нарушением, латентно заложенным уже в структуре самого запрета: «трансгрессия — это не отрицание запрета, а только его преодоление и дополнение» (Ж. Бодрийяр). В жертвоприношении странным образом совмещаются элементы ритуала и разгула; элементы рациональности и заблуждения здесь соседствуют друг с другом.

(У Чезаре Беккариа есть одно замечание о коварном характере насилия: при некоторых правлениях, имеющих всю видимость свободы, скрытно господствует тирания или же она непредвиденно проникает в какой-либо забытый законодателем уголок и там незаметно усиливается и распространяется. «Против явной тирании люди воздвигают обычно самые прочные преграды. Но они не обращают внимания на незаметного червя, подтачивающего плотину и открывающего разрушительному потоку путь, тем более надежный, чем он более скрыт»³.)

Скрытое насилие еще более опасно потому, что оно обращено на невиновных. Однако возникает вопрос: связаны ли вообще насилие и вина, возможно ли придать насилию как таковому, «голому» насилию юридические

формы и действует ли причинно-следственная связь между совершаемым преступлением (т.е. насилием) и наказанием (тоже насилием)? Жозеф де Местр уверял: «мы заблуждаемся, когда обвиняем человеческое правосудие, якобы пощадившее преступника: ведь тот, кого мы считаем преступником, может и не быть таковым на самом деле. Но, с другой стороны, столь же вероятно, что человек, осужденный на казнь за преступление, которого не совершал, действительно заслуживает наказания — но за другое злодеяние, неизвестное... хотя вина судей в данном случае громадна. Провидение, для которого все, даже препятствие, служит средством, не преминуло воспользоваться преступлением или поведением для того, чтобы исполнить то самое земное правосудие...⁴ Работа юстиции подобна обращению к «переносу» вины и основана на системе вероятностных решений. Однако всякое величие, всякая власть, всякое повиновение покоятся на исполнителе правосудия: он есть ужас и связь человеческих сообществ». (На старинной эмблеме, изготовленной в XVII в., написано: «маленький камень, когда он падает с небесной высоты, наносит более тяжелый удар. Не иначе обстоит дело, когда гнев оскорбленного государя медлит с расправой: наказание, назначенное спустя некоторое время после проступка, оказывается тяжелей. Ведь негодование все это время подпитывает раздраженные силы и причиненное зло кажется большим, чем прежде»⁵.)

Однако иррациональные силы мщения все же проявляются в самом акте формализованного наказания даже при соблюдении самых необходимых юридических форм: публичная казнь как церемониал, посредством которого восстанавливается нарушенная власть суверена, прежде всего выполняет свою юридико-политическую функцию. Но вслед за наказываемым преступлением, «унизившим» суверена, казнь разворачивает перед наблюдающими еще и свою непобедимую мощь, ведь «ее цель — не столько восстановить равновесие, сколько ввести в игру... асимметрию между подданным, осмелившимся нарушить закон, и всемогущим государем, демонстрирующим свою силу». В почти сакральной литургии наказания утверждаются власть и ее превосходство, обязанное не только праву, но и фактической физической силе монарха, «который обрушивается на тело противника и завладевает им». Публичная казнь не восстанавливает справедливость, она лишь реактивирует власть, и именно асимметрия

² Жирар Р. Указ соч. С. 312–313.

³ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 2004. С. 117.

⁴ Де Местр Ж. Санкт-Петербургские вечера. С. 35–36.

⁵ Махов А.Е. Эмблематика. М., 2014. С. 152.

составляет существенный признак наказания, — в этом акте власть делегирует свою мощь закону⁶: Мишель Фуко заметил физический предел уголовного правосудия (при монархическом режиме) именно в акте «бесконечного расчленения тела цареубийцы, асимметричном проявлении сильнейшей власти над телом величайшего преступника».

Идеальной точкой и методом позднейшего правосудия становятся «бесконечная дисциплина», углубляющийся, детализированный и все более расчлененный надзор. Карательно-му правосудию в качестве точки приложения, «полезного объекта» предлагается уже не тело преступника, противостоящее телу короля, и не правовой субъект идеального договора, а некий «дисциплинарный индивид»⁷.

И власти, и закону традиционно было свойственно «физическое» представление о том, что преступник — это тот, кто оскорбляет индивидуальную телесную персонификацию государства. И в обоих случаях персону монарха оказывалась точкой пересечения границ публичного и приватного пространства, в которой сближалась физическая мощь с общим порядком.

Жрец и жертва в древних мистериях составляли одно целое, суверен, обрушивающий свой гнев и мощь на преступника, тоже оказывалась другой ипостасью собственной жертвы — один без другого не существовал — подобно тому как «закон возбуждает грех» — чтобы появился преступник, нужен закон, который преступают.

Как заметил Дж. Вико, божественное провидение расположило дела человеческие посредством «вечного порядка так, что в государствах пользующиеся сознанием — повелевают, а пользующиеся телом — повинуются». Но государство достаточно скоро превратилось в систему, не склонную только к физическому олицетворению, и стало абстрактным и тяжеловесным в своей организации, неким умпостигаемым источником «основополагающего принципа». Расширение и умножение администрирующих систем способствовало появлению новых принципов идентичности. Королевское тело утрачивало свой «символический капитал»: теперь появляются новые лица, складываются новые государственные и политические идентичности, а конституция позволила каждому сословию номинировать и представлять самих себя⁸.

Коллективное учредительное насилие продемонстрировало, каким образом из хаоса рождается порядок. Сопровождающее это превращение насилие активно искало свой объект, опираясь на рационально, верно или ошибочно, выбранную форму: из гоббсова «естественного состояния» общество должно было перейти к упорядоченным конвенциональным структурам. И режим такого перехода определялся ритуалом: в конечном счете форма определяла содержание.

В революции неписанный закон побеждает закон писанный и восстанавливает полноту своего присутствия в насилии, которое обретает логику в терроре (Вальтер Беньямин): «Коллективное убийство, якобы восстанавливающее общественный порядок, заданное числом проецирует простейшую ритуальную рамку на дикое желание резать друг друга, овладевшее членами группы». (Вот тогда-то убийство и превращается в жертвоприношение, а вся предшествующая неразбериха превращается в «ритуальный диспут по выбору наилучшей жертвы»⁹: общество пытается сохранить единство против «злых духов», т.е. сохранить решимость не впадать в пугающее его нескончаемое насилие.)

Для этого общество хочет усвоить те жесты, которые приносят спасение. Выходит, что именно ритуал пытается закрепить абсолютную спонтанность, он не желает спонтанного насилия, ибо сам направлен к порядку и спокойствию и воспроизводит лишь один тип насилия — тот, который насилие изгоняет: чтобы держать насилие в отдалении, его следует мыслить как сверхчеловеческое. Ритуал и «расчеловечивает» насилие, и превращает его в некую трансцендентную угрозу, которую следует отражать надлежащими, т.е. ритуальными, средствами. Если же рассеять неведение людей, то тем самым можно подвергнуть их большей опасности, лишив их защиты, которую всегда составляло их непонимание. Поэтому жертвенный кризис оказывается не чем иным, как знанием, растущим по мере того, как ожесточается взаимное насилие, но так и не доходящим до истины — ведь именно эта истина отторгается вовне путем изгнания жертвы. Демистификация же разрушает благотворное недопонимание, т.е. настоящую основу, на которой и держится ритуал, который направлен не к насилию, а к миру¹⁰.

Священная жертва восстанавливает в мире имманентную стихию «взаимоперетекания всего сущего», некогда утраченную сокровенность, которую люди пытаются подменить ра-

⁶ См.: Фуко М. Надзирать и наказывать. М., 1999. С. 72–75.

⁷ Там же. С. 333.

⁸ Цит. по: Вигарелло Ж. Тело короля // История тела. Т. 1. М., 2012. С. 300. Подробнее см.: Канторович Г. Два тела короля. М., 2013. С. 310–315.

⁹ Жирар Р. Указ. соч. С. 154–155.

¹⁰ Там же. С. 168–169.

циональным и ритуальным порядком, «порядком покорных объектов, чье назначение лежит вне их самих». Поэтому разрушительная работа этого действия обращена прежде всего на вещественность (телесность) жертвы: и де Местр, и Батай были уверены, что в жертву не годится что-либо природное¹¹. Ведь жертвенный обряд стремится уничтожить в жертве именно вещь, жертвоприношение разрушает реальные узы подчиненности объекта, «выводит жертву из мира пользы и водворяет ее в мир, не доступный разуму прихоти» (Ж. Батай). Но если для де Местра жертва — освобождение от греховного чувственного бытия, то для Батая — она возвращение к такому бытию. «Жертвенность — безумие, отречение от всякого деяния, падение в пустоту, и ничто не открывается ни в падении, ни в пустоте, но откровение пустоты есть не что иное как средство пасть еще ниже, в бездну отсутствия»¹²: по сути в жертву приносятся не объект, а нематериальные «знания» и «мораль».

Умерщвление жертвы множеством психических нитей связано с переживанием священного: оказывается, что насилие составляет саму душу священного (Р. Жирар), и к числу таких связей относятся множественные «юридические парадигмы типа эквивалентности и взаимности, дозволение и запрет, парадигмы обмена, имеющие определенно правовой аспект». Жертвоприношение неожиданно становится формой договора, заключенного между человеком и трансцендентными силами, это жесткий «договор-связка». (Здесь же проявляется и тенденция к превращению этого акта в сугубо юридический, при утрате элементов сакральности: в космическом изначальном правопорядке идея жертвенности и жертвы выражена в юридической форме «кто отдает свое, свое и получает»¹³.) Над божествами и людьми нависает некий мировой закон или авторитет правовой нормы, из которого проистекают производные нормы «религиозно-карательного права» (Леон Пётрацкий).

В стихийной мести господствует инстинкт подражания, неосознанный, а потому действительный и устойчивый (с юридической точки зрения, субъект преступления и его объект непрерывно обмениваются ролями). Остановить этот процесс берется государство со своими законами, т.е. новый субъект, который не может стать объектом посягательства

уже ни в коем случае. Всякое посягательство на него, более того — на сферу его компетенций и прерогатив — должно быть жестоко наказано. Месть приобретает ассиметричный характер — с одной стороны преступные посягательства, с другой — мощная, все подавляющая кара. Теперь преступник не мститель, а жертва, приносимая порядку, продиктованному государством.

У Канта наказание утверждалось как цель, у Фихте оно было уже только средством, первый понимал наказание как возмездие, второй — как предупреждение и исправление, т.е. укрепление закона. Государство убивает лишь по необходимости, и убийство убийцы не подпадает под публичное право, но входит в категорию необходимых зол. Возмездие же есть понятие моральное, но не юридическое¹⁴.

Жертвоприношение есть «технология производства и управления причинными связями в окружающем мире» (Марсель Энафф), позволяющая защититься от жертвенного кризиса. Последний же возникает вследствие бесконтрольной игры миметических желаний, когда соперники ожесточенно подражают друг другу во враждебных действиях, когда наступает хаотическая неразличимость и исчезает различие между законным и незаконным насилием. В этой ситуации жертвенное насилие способно вернуть порядок: насилие должно обрушиться на предполагаемого виновника общей беды и воплощение абсолютного зла.

Единодушное «революционное» само себя устраняющее насилие считается и выглядит учредительным именно потому, что все различия, которые оно стабилизирует, уже проявились и присоединились к нему: мир как бы «раскачивается» по прихоти этого насилия, и пока «оно остается одновременно тотальной и нулевой ставкой, идентичной божеству, его нельзя остановить» (Р. Жирар). У ритуального действия только одна цель — полная неподвижность, ведь согласиться на перемену — «значит приоткрыть дверь, за которой бродят насилие и хаос». Поэтому все ритуалы сводятся к повторению изначального разрешения, к новым родам дифференцированного порядка: «образ исключает все виды расчета, умысла и планированности, которые мы любим воображать за типами социальной организации, если их работа нам непонятна»¹⁵.

В ритуале бесконечное повторение моделирует институции, которые люди позже будут считать своими изобретениями. «Ри-

¹¹ См.: Батай Ж. Проклятая часть. Сакральная социология. М., 2006. С. 72.

¹² Батай Ж. Внутренний опыт. СПб., 1997. С. 102.

¹³ См.: Мальцев В. Месть и возмездие в древнем праве. М., 2012. С. 40–41.

¹⁴ См.: Фишер К. Фихте. СПб., 2004. С. 428–429.

¹⁵ Жирар Р. Указ. соч. С. 345–347.

туализация убийства есть первая и наиболее фундаментальная институция, мать всех остальных институций» (Р. Жерар).

Проблема замещения предполагает поиск жертвенной защиты для всех членов общества от его же собственного насилия путем обращения его уже против посторонних жертв. Поэтому механизм замещения включает в себя феномен «неузнавания», «когда сознательно не хотят узнать настоящее лицо жертвы: верующие не осознают, да и не должны осознавать истинную роль насилия». В ставшем традиционным ритуале такое забывание как раз и осуществляется. «Ритуальное жертвоприношение основано сразу на двойном замещении: первое, всегда остающееся незамеченным, — это замещение всех членов общины только одним; в его основе — механизм жертвы отпущения. Второе — ритуальное в собственном смысле, накладываемое на первое: оно замещает изначальную жертву жертвой из удобоприносимой категории. Жертва отпущения — внутри общины, ритуальная жертва — вне ее¹⁶.

Жозеф де Местр утверждал, что религиозное жертвоприношение обладает четко артикулированным нравственным смыслом, поскольку оно совершается из чувства долга, чем и подтверждает наличие врожденной моральности у человека. При этом происходит «обращение», т.е. перенос, как расплаты за грехи, так и их прощения с одних лиц на других, и это находит в праве свое место в виде переноса ответственности или приобретательной способности на третьих лиц. Ж. де Местр был уверен, что догмат об обращении и породил теорию о том, что «невинный может оплатить долг виновного», и поскольку виновной часто является сама жизнь, то менее ценная жизнь может быть жертвенно отдана и принята в приношение вместо другой.

Представление об имманентной греховности человека, требующей искупления, подтверждало правильность такого толкования. Сама телесная природа человека коренится в его чувственном начале, жизни и душе, отличной от духа, поэтому освобождение от порочной материальной природы становилось целью первичных жертвенных обрядов: для Ж. де Местра даже самые гуманные жертвоприношения всегда остаются по-настоящему жестокими, поскольку они направлены на жизнь и душу человека, их цель — символически, через ритуальное удалить из людей животное начало. И здесь кровь уже символизирует это жизненное и животное начало:

«Тождество крови и жизни коренится в самых глубинах человеческой природы»¹⁷.

Жертвенное сакральное пространство определенным образом структурировано. Его разметка чаще всего сводится к изображению набора магических концентрических кругов. На внешнем круге находится жертвователь, по направлению к центру размещаются жрец, жертвенник и столб. «На периферии религиозность слаба, минимальна; «религиозность повышается по мере того как сужается само пространство для ее проявления». Жизнь жертвенной среды концентрируется вокруг одного центра — все стягивается к жертве¹⁸. Сакральное место — это место особой концентрации, расположенное посреди смутного и децентрализованного профанного мира, с которым у него нет ничего общего: эту оппозицию вполне можно соотнести и сопоставить с такими семантическими парами как «добро-зло» или «друг-враг» в области политического.

«Жертвующий сотрудничает в образовании нового мирового порядка», поэтому жертвенное насилие имеет выраженный политический характер, а массовые преступления неявным образом часто совершаются по более выдержанным ритуальным процедурам, чем это может показаться: будучи составной частью властных стратегий, жертвенное насилие не было бы эффективным без жертвенного дискурса и жертвенного мышления, обособивающего совершаемое насилие: жертве нужна идеология, которая эстетизирует сам акт убийства либо подготавливает разгул массового насилия, демонизируя его потенциальных жертв заранее¹⁹.

Говоря о жертвенном замещении, Рене Жирар утверждает: обращаясь на приносимую жертву, насилие теряет из виду первоначально намеченный объект, и это предполагает определенное непонимание — верующие не осознают, да и не должны осознавать настоящую роль насилия: жертвоприношение как бы концентрирует на индивидуальной жертве все начатки раздора и насилия, назревающего в обществе, и предлагает им частичное удовлетворение. (Несомненно, что жертвоприношение укрепляет единство нации: в китайской «Книге образов» говорится, что «у жертвоприношений, музыки, наказаний и законов одна и та же цель — объединять сердца и устанавливать порядок»²⁰.)

¹⁷ См.: Зенкин С. Небожественное сакральное. М., 2012. С. 205–206.

¹⁸ См.: Мосс М. Социальные функции священного. СПб., 2000. С. 37–38.

¹⁹ См.: Зенкин С. Указ. соч. С. 241.

²⁰ Жирар Р. Указ. соч. С. 14–16.

¹⁶ Там же. С. 127.

По мере того, как происходит переход от религиозной жертвенной профилактики — ведь насилие и священное нераздельны — к формализованным и секулярным механизмам судебного воздаяния, непонимание, до этого всегда охранявшее институт жертвоприношения, переходит на сами эти механизмы и окутывает их тайной, кстати говоря, по мере увеличения их эффективности. И тогда сама система уже начинает соответствовать архаическому принципу мести: вместо того чтобы ослаблять месть, подобно традиционным религиозным процедурам, система ее только рационализирует и превращает в актуальную и более эффективную технику.

Но исправительные процедуры по-прежнему, пусть неосознанно, остаются религиозно окрашенными, поэтому и судебные процедуры для сокращения «голового» насилия,

которое им сопутствует, и его подавления так и остаются окутанными «мраком, который покрывает судебную систему, когда она приходит на смену жертвоприношению. Этот мрак есть трансцендентность священного, законного, легального насилия, в отличие от имманентного насилия греховного и незаконного». Подобно жертвам в ритуале, приносимым божеству, судебная система опирается на собственную теологию, гарантирующую истинность ее справедливости. Демистификация системы, ее разоблачение чреват ее разложением, и чтобы избежать этого, приходится уже по ту сторону практического и мифического различия постулировать неразличимость, фактическое тождество мести, жертвоприношения и судебного наказания²¹.

²¹ Жирар Р. Указ. соч. С. 32–34.

Литература

1. Батай Ж. Внутренний опыт / Ж. Батай. СПб.: Аxiома/Мифрил, 1997. 336 с.
2. Батай Ж. Проклятая часть. Сакральная социология / Ж. Батай. М.: Ладомир, 2006. 742 с.
3. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / Ч. Беккариа. М.: ИНФА-М, 2004. 184 с.
4. Де Местр Ж. Санкт-Петербургские вечера / Де Местр Ж. М.: Алетейя, 1998. 736 с.
5. Жирар Р. Насилие и священное / Р. Жирар; пер. с фр. Г. Дашевского. Изд. 2-е, испр. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 448 с.
6. Зенкин С.Н. Небожественное сакральное / С.Н. Зенкин. М.: РГГУ, 2012. 536 с.
7. История тела : в 3 т. / под ред. Ал. Корбена, Ж.-Ж. Куртина, Ж. Вигарелло. Т. I: От Ренессанса до эпохи Просвещения; пер. с франц. М.С. Неклюдовой, А.В. Стоговой. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 480 с.
8. Канторович Э.Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии / Э.Х. Канторович; пер. с англ. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. 744 с.
9. Мальцев В. Мест и возмездие в древнем праве / В. Мальцев. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. 736 с.
10. Махов А.Е. Эмблематика / А.Е. Махов. М.: Intrada, 2014. 600 с.
11. Мосс М. Социальные функции священного / М. Мосс. СПб.: Евразия, 2000. 448 с.
12. Фишер К. История новой философии. Том 6. Фихте. Жизнь, сочинения и учения / К. Фишер. СПб.: РХГИ, 2004. 743 с.
13. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.

References

1. Bataille G. Vnutrenniy opyt [Inner Experience] / G. Bataille. Sankt-Peterburg: Axioma/Mifril — Saint Petersburg: Axioma/Mifril, 1997. 336 s.
2. Bataille G. Proklyataya chast. Sakralnaya sotsiologiya [The Cursed Part. Sacred Sociology] / G. Bataille. Moskva: Ladomir — Moscow: Ladomir, 2006. 742 s.
3. Beccaria C. O prestupleniyakh i nakazaniyakh [On Crimes and Punishments] / C. Beccaria. Moskva: INFRA-M — Moscow: INFRA-M, 2004. 184 s.
4. De Maistre J. Sankt-Peterburgskie vechera [St. Petersburg Dialogues] / De Maistre J. Moskva: Aleteyya — Moscow: Aleteyya, 1998. 736 s.
5. Girard R. Nasilie i svyashchennoe [Violence and the Sacred] / R. Girard; per. s fr. G. Dashevskogo. 2-e izd., ispr. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie — Moscow: New Literary Overview, 2010. 448 s.
6. Zenkin S.N. Nebozhestvennoe sakralnoe [The Undivine Sacred] / S.N. Zenkin. Moskva: RGGU — Moscow: the Russian State University for the Humanities, 2012. 536 s.
7. Istoriya tela : v 3 t. / pod red. Al. Korbena, Zh.-Zh. Kurtina, Zh. Vigarello. T. I. Ot Renessansa do epokhi Prosvescheniya; per. s frants. M.S. Neklyudovoy, A.V. Stogovoy [History of the Body : in 3 vol. Vol. I : From the Renaissance to the Age of Enlightenment] Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie — Moscow: New Literary Overview, 2012. 480 s.
8. Kantorowicz E.H. Dva tela korolya. Issledovanie po srednevekovoy politicheskoy teologii [The Two Bodies of the King. Research of the Medieval Political Theology] / E.H. Kantorowicz; per. s angl. Moskva: Izd-vo Instituta Gaydara — Moscow: publishing house of the Gaidar Institute, 2013. 744 s.
9. Maltsev V. Mest i vozmezdie v drevnem prave [Vengeance and Retaliation in the Ancient Law] / V. Maltsev. Moskva: Norma: INFRA-M — Moscow: Norm: INFRA-M, 2012. 736 s.
10. Makhov A.E. Emblematika [Emblem Studies] / A.E. Makhov. Moskva: Intrada — Moscow: Intrada, 2014. 600 s.
11. Mauss M. Sotsialny'e funktsii svyashchennogo [Social Functions of the Sacred] / M. Mauss. Sankt-Peterburg: Evraziya — Saint Petersburg: Eurasia, 2000. 448 s.
12. Fischer K. Istoriya novoy filosofii. Tom 6. Fikhte. Zhizn', sochineniya i ucheniya [History of Modern Philosophy. Vol. 6. Fichte. Life, Works and Doctrines] / K. Fischer. Sankt-Peterburg: RKhGI — Saint Petersburg: RCAH, 2004. 743 s.
13. Foucault M. Nadzirat i nakazyvat. Rozhdenie tyurmy' [Supervision and Punish. The Birth of a Prison] / M. Foucault. Moskva: Ad Marginem — Moscow: Ad Marginem, 1999. 480 s.

DOI: 10.18572/1812-3805-2018-3-9-11

Непреступные уголовно-правовые деяния в соответствии с Соборным Уложением 1649 г.

*Гарбатович Денис Александрович,
заместитель директора по научной работе
Уральского филиала Российского государственного
университета правосудия,
кандидат юридических наук, доцент
garbatovich@mail.ru*

В статье рассматриваются виды непреступных уголовно-правовых деяний в соответствии с Соборным Уложением 1649 г. Видами указанных непреступных деяний были: 1) необходимая оборона; 2) причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление; 3) крайняя необходимость; 4) неоконченное уголовно-правовое деяние; 5) пытки как способ получения доказательства при расследовании уголовного дела; 6) неосторожное, случайное причинение вреда.

Ключевые слова: *непреступное деяние, убийство, причинение вреда здоровью, уничтожение или повреждение чужого имущества.*

Non-Felonious Criminal Legal Acts Pursuant to the Council Code of 1649

*Garbatovich Denis A.
Deputy Director for Research of the Ural Branch of the Russian State University of Justice
Candidate of Legal Sciences
Assistant Professor*

The article discusses the types of non-criminal criminal-legal acts in accordance with the Council code of 1649. Views of these non-criminal acts were: 1) self-defense; 2) causing of harm at detention of the person who committed the crime; 3) emergency; 4) incomplete criminal act; 5) torture as a way of obtaining evidence in the investigation of the criminal case; 6) careless, accidental harm.

Keywords: *criminal act, murder, causing of harm to health, destruction or damage of another's property.*

Соборное Уложение 1649 г. представляло собой акт, регулирующий разнородную совокупность общественных отношений, относящихся к различным отраслям права. В Уложении были также уголовно-правовые нормы, которые определяли, какие деяния признавались преступными и наказуемыми. Одновременно Соборное Уложение предусматривало деяния, относящиеся к предмету уголовного права, но совершение которых при определенных условиях не считалось преступным и наказуемым.

Рассмотрим непреступные уголовно-правовые деяния в соответствии с Соборным Уложением 1649 г.

Необходимая оборона. Соборное Уложение в процессе необходимой обороны допускало убийство при: 1) самообороне; 2) защите имущества; 3) защите соседа; 4) защите хозяина¹.

В соответствии со ст. 105 Соборного Уложения (гл. X «О суде») лицо не подлежало на-

казанию, если в процессе судебного разбирательства при защите себя от избиения со стороны участника процесса причиняло ему вред здоровью или убивало его².

Уложение закрепляло право защищать жилище от насильственного вторжения, разбойного нападения посредством причинения смерти посягающим лицам. Так, в ст. 200 Соборного Уложения было предусмотрено, что тот, кто убьет «воровских людей, насильством» пришедших в его дом, подлежал освобождению от уголовной ответственности. Было условие, в соответствии с которым на защищавшегося возлагалась обязанность представить убитых судьям, которые должны были установить, что убийство учинено «по неволе, от себя обороняся»³.

Объясняться перед судебными органами, нести ответственность за вред, причинен-

² Хрестоматия по истории государства и права России: учеб. пособие / сост. Ю.П. Титов. М.: Проспект, 2010. С. 62.

³ Российское законодательство X–XX веков. Т. 3 / отв. ред. А.Г. Маньков; под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1985. С. 134.

¹ Исаев И.А. История государства и права России. М.: Юристъ, 2004. С. 183.

ный при защите от посягательства, не всегда должно было само лицо, непосредственно причинившее вред нападающему. При защите хозяина от какого-либо посягательства, если крестьянин, холоп причиняли вред здоровью нападавшего или убивали его в процессе обороны, отчитываться за указанный вред должен был сам хозяин⁴.

Причинение вреда здоровью в случае обоюдной драки зачинщику указанной ссоры, т.е. первому нападшему, считалось ненаказуемым (ст. 201 гл. X. «О суде» Соборного Уложения)⁵.

Есть мнение, что Уложение в сравнении с Русской Правдой расширило пределы необходимой обороны граждан при защите имущества⁶. Русская Правда признавала правомерным убийство ночного вора лишь в момент совершения кражи из помещения. Соборное Уложение допускало возможность убийства вора как в момент совершения кражи, так и после ее окончания, но в момент его задержания (ст. 88 гл. XXI «О разбойных и татинных делах» Соборного Уложения)⁷.

Принимая во внимание тот факт, что Уложение признавало возможным умышленно причинить смерть лицу уже после совершенной им кражи, когда общественно опасное посягательство уже отсутствовало, представляется не совсем точным говорить о расширении пределов необходимой обороны, которая имеет место только при наличности и реальности общественно опасного посягательства. Мы считаем, что в положениях о праве причинить смерть вору после совершения им преступления, на самом деле зарождаются признаки иного обстоятельства, исключающего преступность деяния, а именно, причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление. Убив вора при задержании или причинив ему определенный вред здоровью, необходимо было доставить его в судебные органы для регистрации произошедшего (ст. 89 гл. XXI «О разбойных и татинных делах» Соборного Уложения)⁸.

Положения о крайней необходимости впервые в истории российского законодательства было предусмотрено Соборным Уложением как об обстоятельстве, исключающем преступность деяния. Статья 283 Уложения закрепляла: «... а будет кто собаку уьет руч-

ным боем не из ружья, боронясь от себя, и ему за эту собаку цены не платить, и в вину ему того не ставити»⁹. Крайняя необходимость была ненаказуема только при соблюдении соразмерности реальной опасности преступного деяния, нарушение соразмерности означало ее превышение и было наказуемо¹⁰.

Неоконченные уголовно-правовые деяния. Так, покушение не всегда считалось преступным, а только в тех случаях, когда виновный пытался совершить преступление против личных и государственных интересов¹¹.

Пытки как непреступное уголовно-правовое деяние были способом получения доказательств в ходе проведения расследования и судебного разбирательства. Пыткам могли быть подвергнуты ответчик, истец, а также все лица, на которых могли указать как на виновных лица, участвующие в процессе (ст. 163 гл. X «О суде» Соборного Уложения)¹².

Решающее значение Соборное Уложение придавало признанию обвиняемым своей вины. Пытки были одним из способов получения признания своей вины в совершении преступного деяния (ст. 17 гл. XXI «О разбойных и татинных делах»)¹³. Пытка обвиняемого применялась: 1) при сознании обвиняемого в совершении основного преступления; 2) при оговоре, сделанном под пыткой; 3) при извете (доносе), подтвержденном свидетельскими показаниями; 4) при извете, сделанном помещиком или вотчинником на своего холопа или крестьянина¹⁴.

Уложение делило преступления на умышленные, неосторожные и случайные, за совершение неосторожного преступления виновный наказывался так же, как и за совершение умышленного преступного деяния, так как применялся принцип объективного вменения: наказание следовало не за мотив преступления, а за его результат¹⁵.

За уничтожение и повреждение чужого имущества вследствие пожара закон дифференцировал уголовную ответственность не только в зависимости от формы вины, но и учитывал наличие или отсутствие вины, когда она была доказана, а также принимал во внимание место пожара. Если «запаление» бы-

⁴ Хрестоматия по истории государства и права России. С. 90.

⁵ Там же. С. 79.

⁶ Бытко Ю.И., Бытко С.Ю. Сборник нормативных актов по уголовному праву России X–XX веков. Саратов : Изд-во «Научная книга», 2006. С. 21.

⁷ Хрестоматия по истории государства и права России. С. 87.

⁸ Там же. С. 87.

⁹ Российское законодательство X–XX веков. Т. 3. С. 150.

¹⁰ Исаев И.А. Указ. соч. С. 186.

¹¹ Бытко Ю.И., Бытко С.Ю. Указ. соч. С. 19.

¹² Хрестоматия по истории государства и права России. С. 75.

¹³ Там же. С. 80.

¹⁴ История суда и правосудия в России : в 9 т. Т. 2 / отв. ред. В.В. Ершов, Н.М. Золотухина, В.М. Сырых. М. : Норма, 2017. С. 549.

¹⁵ Исаев И.А. Указ. соч. С. 183.

ло «безхитростным», «учинилось изволением Божиим», то лицо освобождалось от ответственности вне зависимости от места пожара (гл. X, ст. 223, 225. 226). Если пожар произошел по вине лица в лесу или в поле, то форма вины, в принципе, не имела значения: в первом случае лицо подвергалось наказанию, во втором случае отвечало в гражданско-правовом порядке (гл. X, ст. 223, 224)¹⁶.

В Соборном Уложении отсутствовало четкое разделение между неосторожным и случайным (невиновным) причинением вреда, поэтому имелись случаи, когда уничтожение имущества по неосторожности признавалось ненаказуемым. Например, если кто-то жег траву на своем поле, было безветренно, но затем ветер раздул огонь и перенес его на чужое поле или имущество, причинение указанного ущерба считалось ненаказуемым, лицо также освобождалось от обязанности по его возмещению при наличии исков со стороны потерпевших (ст. 225 гл. X «О суде» Соборного Уложения). «А будет у кого загорится двор ненарошным делом, и от того и иных людей дворы погорят, и на том, чей двор наперед загорится, никому ничего не правити потому, что дому его запаление учинилось не по его умышлению» (ст. 226 гл. X)¹⁷.

Причинение лицу смерти или вреда здоровью по неосторожности или по случайности также оценивалось как уголовно-ненаказуемые деяния. «А будет кто, стреляю ис пищали, или из лука по зверю, или по птице, или по примете, и стрела или пулька всплвет, и убьет кого за горою, или за городьбою, или кто каким-ни-

будь обычаем кого убьет до смерти деревом, или камнем, или чем-нибудь не нарочным же делом, а недружбы и никакие вражды наперед того и того, кто убьет, с кем кого убьет, не бывало, и сыщется про то допряма, что такое убийство учинилось ненарочно, без умышления, и за такое убийство никого смертию не казнити, и в тюрьму не сажати потому, что такое дело учинится грешным делом без умышления» (ст. 20 гл. XXI Соборного Уложения)¹⁸.

Нормы Соборного Уложения характеризовались казуистичностью, в них описывались конкретные ситуации с соответствующей уголовно-правовой оценкой, какие деяние подлежали наказанию, какие уголовно-правовые деяния являлись ненаказуемым.

Таким образом, Соборное Уложение 1649 г., помимо преступлений, предусматривало ряд следующих непроступных уголовно-правовых деяний: 1) уголовно-правовые деяния, совершаемые при так называемых обстоятельствах, исключающих их преступность (указанный институт еще не был известен Соборному Уложению, но уже содержал некоторые нормы, предоставляющие возможность безнаказанно причинить вред здоровью, убить или повредить чужое имущество: необходимая оборона, крайняя необходимость, причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление); 2) уголовно-правовое деяние, не являющееся преступным по причине его незавершенности; 3) уголовно-правовое деяние, используемое при расследовании преступлений (пытки); 4) уголовно-правовое деяние, не являющееся преступным по причине совершения его неумышленно (неосторожно, случайно, невиновно, без хитрости, без умышления).

¹⁶ История суда и правосудия в России : в 9 т. Т. 2. С. 509–510.

¹⁷ Хрестоматия по истории государства и права России. С. 83.

¹⁸ Там же. С. 88.

Литература

1. Бытко Ю.И. Сборник нормативных актов по уголовному праву России X–XX веков / Ю.И. Бытко, С.Ю. Бытко. Саратов : Изд-во «Научная книга», 2006. 786 с.
2. Исаев И.А. История государства и права России : учебник / И.А. Исаев. М. : Юрист, 2004. 797 с.
3. История суда и правосудия в России : в 9 т. Т. 2 / отв. ред. В.В. Ершов, Н.М. Золотухина, В.М. Сырых. М. : Норма, 2017. 688 с.
4. Российское законодательство X–XX веков. Т. 3. / отв. ред. А.Г. Маньков; под общ. ред. О.И. Чистякова. М. : Юридическая литература, 1985. 512 с.
5. Хрестоматия по истории государства и права России : учебное пособие / сост. Ю.П. Титов. М. : Проспект, 2010. 480 с.

References

1. Bytko Yu.I. Sbornik normativny'kh aktov po ugovolnomu pravu Rossii X–XX vekov [Collection of Statutory Acts on the Russian Criminal Law of the X to the XX Century] / Yu.I. Bytko, S.Yu. Bytko. Saratov : Izd-vo «Nauchnaya kniga» — Saratov : Scientific Book publishing house, 2006. 786 s.
2. Isaev I.A. Istoriya gosudarstva i prava Rossii : uchebnik [History of the Russian State and Law : textbook] / I.A. Isaev. Moskva : Yurist — Moscow : Lawyer, 2004. 797 s.
3. Istoriya suda i pravosudiya v Rossii : v 9 t. Т. 2 / отв. ред. V.V. Ershov, N.M. Zolotukhina, V.M. Strykh [History of the Russian Court and Justice : in 9 vol. Vol. 2] Moskva : Norma — Moscow : Norm, 2017. 688 s.
4. Rossiyskoe zakonodatelstvo X–XX vekov. Т. 3. / отв. ред. A.G. Mankov; pod obsch. red. O.I. Chistyakova [Russian Laws of the X to the XX Century. Vol. 3] Moskva : Yuridicheskaya literatura — Moscow : Legal Literature, 1985. 512 s.
5. Khrestomatiya po istorii gosudarstva i prava Rossii : uchebnoe posobie / sost. Yu.P. Titov [Anthology of History of the Russian State and Law : textbook] Moskva : Prospekt — Moscow : Prospect, 2010. 480 s.

Понятие и признаки правонарушения в советской теоретико-правовой мысли

*Егоров Александр Александрович,
преподаватель кафедры теории государства и права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Egorov.a90@mail.ru*

В статье исследуются дефиниции правонарушения, представленные в трудах классиков советской теоретико-правовой мысли. Анализируются такие важнейшие качественные признаки правонарушения как противоправность, общественная опасность и вредоносность. На основе сопоставления тезисов советских исследователей с достижениями современной теоретико-правовой науки делается вывод о степени разработанности понятия и признаков правонарушения в советской теоретико-правовой мысли.

Ключевые слова: правонарушение, противоправность, общественная опасность, вредоносность.

The Offence Notion and Attributes in the Soviet Theoretical and Legal Thought

*Egorov Aleksandr A.
Lecturer of the Department of Theory of State and Law of the Kutafin Moscow State Law University*

The article examines definitions of the offenses presented in the works of classics of the Soviet theoretical legal thought. Examines such important qualitative evidence of the offense as the wrongfulness of public danger and harmfulness. On the basis of a comparison of the theses of Soviet researchers with the achievements of modern theoretical and legal science concludes about the degree of elaboration of the concept and characteristics of the offense in the Soviet legal-theoretical thought.

Keywords: offence, wrongfulness, danger to the public, harmfulness.

Возникновение и развитие советской теоретико-правовой мысли, исследующей категорию правонарушения, традиционно представляет интерес для ученых. Это обстоятельство вполне объяснимо ввиду ряда причин. Во-первых, возникновение советского государства ознаменовало отказ от достижений правовой науки предшествующих эпох, прервав, по сути, процесс преемственности права. Во-вторых, в ряде случаев достижения практики опережали развитие теории. Так, именно благодаря практике применения права на начальном этапе существования советского государства начинает утверждаться понимание объекта правонарушения как общественных отношений. Наконец, нельзя не отметить идеологическую составляющую теоретико-правовых исследований советской эпохи, что, несомненно, позволяет говорить об уникальности опыта социализма в исследовании правонарушений. Достаточно вспомнить о том, что УК РСФСР 1922 и 1926 гг. закрепляли отдельную главу, посвященную контрреволюционным преступлениям. Причем данная глава знаменовала собой начало особенной части, что говорит о ее первоочередном характере

применительно к остальным главам кодекса. Термин «контрреволюционные преступления» является уникальным, так как свое закрепление он получил лишь в советском законодательстве.

Первоначально правонарушения понимались лишь в контексте юридических фактов, влекущих возникновение, изменение или прекращение тех или иных правоотношений¹. Признаки, юридический состав и причины правонарушений в первых теоретических работах своего отражения не нашли. В дальнейшем исследователи стали раскрывать понятие правонарушения посредством перечисления характерных для данного явления признаков.

Так, О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородский писали: «Правонарушение — это определенное деяние, акт поведения находившегося под контролем воли и разума субъекта»². И.С. Самошенко в своем диссертационном исследовании, посвященном понятию правонарушения по советскому законодательству, сформулиро-

¹ См.: Теория государства и права : учебник / под ред. М.П. Каревой и Г.И. Федькина М., 1955. С. 423–425.

² Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М., 1960. С. 330.

вал два ключевых вывода. Во-первых, правонарушения — это виновные противоправные деяния людей (отдельных индивидов или организаций). Во-вторых, правонарушения чужды социализму по их корням³. Как можно увидеть, ученый в своем первом тезисе отразил признаки противоправности и виновности, а также разграничил виды субъектов правонарушения. Второй тезис следует признать излишне идеологизированным, так как противоправные деяния чужды не только любому общественно-экономическому строю, но и противоречат интересам любой общности людей. Не стоит думать, что идеологическая подоплека в понимании правонарушения свойственна лишь данному исследователю. Правонарушением по социалистическому праву является виновное противоправное поведение лица⁴.

Достаточно развитую дефиницию правонарушения предложил Н.С. Малеин, который понимает правонарушение «как антисоциальное (общественно опасное, вредное), противоправное деяние, влекущее юридическую ответственность»⁵. Данная дефиниция выступает апогеем понимания правонарушения на советском этапе. Недостатком данной дефиниции стоит признать отсутствие указания на субъект деяния, а также использование формулировки «влекущее юридическую ответственность». Очевидно, что сам факт совершения правонарушения не всегда влечет наступление юридической ответственности вследствие ряда объективных и субъективных причин. Правильнее было бы говорить о предусматриваемости юридической ответственности за совершение правонарушения. Советская теоретико-правовая мысль значительное внимание уделила признакам правонарушения. В первую очередь речь идет о противоправности деяния, его общественной опасности и наступлении вредных последствий.

Признак противоправности правонарушения становится очевиден даже при поверхностном анализе этимологии термина «правонарушение». Однако было бы неверно сводить признак противоправности исключительно к нарушению нормы права. Понимание объекта правонарушения как нормы права было известно еще дореволюционной теоретико-правовой мысли⁶. Данное направление получило

название нормативистской теории. Этот тезис впоследствии был опровергнут реалиями общественно-политического развития нашего государства, когда стало очевидно, что норма права как знак, обозначение чего-то не может выступать объектом правонарушения. Нормативную теорию объекта правонарушения видоизменил Н.С. Таганцев, который анализировал норму права в ее реальном бытии⁷. Бытие нормы права возможно лишь в контексте общественных отношений, так как в противном случае она превращается в бездействующий, не имеющий социальной ценности инструментарий. Н.С. Таганцев по сути предвосхитил современное понимание объекта правонарушения.

И.С. Самощенко пишет: «Правонарушение — это посягательство не на закон, а на те условия, которые его породили, на те классовые интересы, которые наши в нем свое выражение, на те общественные порядки, которые закрепляются и охраняются им»⁸. Как мы видим, категория противоправности советскими учеными не сводилась лишь к посягательству на норму права, а рассматривалась в контексте посягания правонарушителем жизненных обстоятельств, ее породивших. Наиболее ярко этот тезис подтверждается уже упомянутыми контрреволюционными преступлениями, нашедшими свое закрепление в УК РСФСР 1922 и 1926 гг. Совершение данных деяний посягало на сам факт существования рабоче-крестьянской власти. Понимание противоправности как несоблюдение установленного и охраняемого государством правила поведения также конкретизировалось советскими исследователями. Для них было очевидно, что несоблюдение правила поведения, содержащегося в норме права, не всегда является противоправным. Так, отказ работника воспользоваться своим правом на отпуск или выйти на пенсию не является противоправным. Поэтому О.Э. Лейст справедливо отмечает: «Правонарушение — это отступление не от любой юридической обязанности, а только от той, которая носит императивный характер, снабжена юридической санкцией»⁹. Таким образом, норма права, не содержащая юридической санкции, носит рекомендательный характер и сводится к усмотрению индивида. В случае же наличия санкции можно с уверенностью говорить о том, что несоблюдение данного правила поведения является про-

³ Самощенко И.С. Понятие правонарушения по советскому законодательству : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1964. С. 4, 6.

⁴ Социалистическое право. М. : Юридическая литература, 1973. С. 540.

⁵ Малеин Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М., 1985. С. 18.

⁶ См.: Лясс Н.В. Нормативная теория в современном буржуазном уголовном праве. Л., 1963. С. 45.

⁷ Таганцев Н.С. Русское уголовное право : Лекции. Часть Общая. Т. 1. М., 1994. С. 33–34.

⁸ Самощенко И.С. Правонарушения и юридическая ответственность. М., 1966. С. 9.

⁹ Лейст О.Э. Санкции в советском праве. М., 1962. С. 47–48.

тивоправным и предполагает наступление для субъекта неблагоприятных последствий. Еще одним важным аспектом для советских исследователей явился объем противоправности.

При сопоставлении правомерного и противоправного поведения становится очевидно, что правомерное поведение безгранично в своих конкретных проявлениях. Им может быть признано любое социально активное или пассивное поведение, не противоречащее требованиям норм права. Иначе дело обстоит с противоправным поведением. Как справедливо пишет С.С. Алексеев, «В отношении неправомерного поведения всегда должна быть конкретная норма»¹⁰. Разумеется, недопустимость аналогии закона, предусмотренной УК РСФСР 1922 г., стала очевидной в процессе развития советской теоретико-правовой мысли. Таким образом, при определении объема противоправности необходимо исходить из буквального толкования норм права. Наконец, нельзя не сказать о том, что противоправность не стоит рассматривать как какую-то постоянную, неизменную единицу. Ее объем и конкретные проявления напрямую зависят от множества факторов, на первый план среди которых выдвигается конкретная историческая ситуация. Так, если обратиться к содержанию норм Соборного Уложения 1649 г., можно увидеть установление непомерно суровых наказаний за ряд религиозных деяний (возложение хулы на святых угодников, срыв богослужения, непристойные речи в церкви и т.д.). Советское законодательство пошло по диаметрально противоположному пути, по сути легализовав государственное насилие по отношению к церкви (закрытие церквей, репрессирование священнослужителей, запрет на совершение религиозных обрядов в общественных местах и т.д.). Как мы видим, характер и объем противоправности в различные исторические эпохи может кардинально видоизменяться. Анализ признака противоправности неизбежно подводит исследователей к осмыслению общественной опасности деяния.

Было высказано мнение об их глубоком различии. Так, В.И. Кофман писал, что «между «осознанием противоправности» и «осознанием общественной опасности» лежит глубокое качественное различие»¹¹. С данной точкой зрения согласиться нельзя ввиду того, что противоправность отражает юридический запрет на совершение того или иного деяния, а общественная опасность акцентирует вни-

мание на его недопустимости для общества. В советской теоретико-правовой мысли были сформулированы различные точки зрения на общественную опасность.

Ряд ученых считали, что общественной опасностью обладают лишь преступления, а все остальные правонарушения хотя и вредны для интересов социалистического общества, но элемента опасности в себе не содержат¹². Данная точка зрения высказывалась и на закате советской эпохи. Так, А.И. Марцев пишет: «В сущности преступления представлена его основная, определяющая черта, которая даже в единичном своем выражении дает целостное представление о явлении. Если мы говорим, что данное правонарушение общественно опасно, то сразу же констатируем, что в наличии преступление»¹³. Сторонники данной точки зрения есть и сейчас. Их основной аргумент заключается в том, что только дефиниция понятия преступления содержит в себе термин «общественная опасность». Таким образом, они используют сугубо формальный подход. В советское время было высказано мнение, согласно которому спор о признаке общественной опасности (вредоносности) носит сугубо терминологический характер.

Так, Н.Ф. Кузнецова считает, что в советской литературе слишком много внимания уделяется вопросу о том, является ли общественная опасность признаком, присущим только преступлению либо и иным правонарушениям. При этом все авторы видят материальную сущность правонарушений как антиобщественных, антисоциальных явлений. В силу этого спор по существу давно принял терминологический характер¹⁴. Представляется, что данный подход слишком упрощает понимание основного материального признака правонарушения.

Существовала своего рода компромиссная позиция, заключающаяся в том, что общественная опасность присуща не только преступлениям, но и некоторым видам административных проступков¹⁵. Данная точка зрения не лишена логики, так как ряд административных проступков по своей природе близки к преступлениям. Однако представляется, что указанная позиция может привести к смешению понятий и неопределенности на практике. Наконец, имела место точка

¹⁰ Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М., 1989. С. 5.

¹¹ Кофман В.И. Соотношение вины и противоправности в гражданском праве // Правоведение. 1957. № 1. С. 74.

¹² См.: Самощенко И.С. Понятие правонарушения по советскому законодательству. М., 1963. С. 162.

¹³ Марцев А.И. Преступление: сущность и содержание. Омск, 1986. С. 32–33.

¹⁴ Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М., 1969. С. 123.

¹⁵ См. Коваль Л.В. Ответственность за административные правонарушения. Киев, 1975. С. 13.

зрения, согласно которой общественной опасностью обладают нарушения всех социальных норм¹⁶. В строгом смысле слова такая позиция бесспорно верна, так как социальные нормы представляют собой модели поведения людей, несоблюдение которых, безусловно, опасно для общества. Однако эта позиция чересчур абстрактна. Наиболее верной стоит признать позицию советских ученых, которые считают, что общественной опасностью обладают все правонарушения. При этом степень такой опасности различна.

Так, П.К. Блажко считает, что общественно опасными являются все виды правонарушений, т.е. преступления и проступки, отмечая при этом принципиальную разницу между теми или иными нарушениями. Общественная опасность, по его мнению, выступает тем материальным признаком, который позволяет достаточно объективно отграничить правонарушения от нарушения других социальных норм¹⁷. Можно не согласиться с П.К. Блажко в том, что он абсолютизирует общественную опасность как признак, отграничивающий правонарушения от нарушения других социальных норм. Так, например, моральные нормы вырабатываются в процессе общественного развития, упорядочивают отношения между людьми и служат ориентиром для человека в повседневной жизни. Говорить о том, что нарушение моральных норм не представляет опасности для общества, было бы неправильно, так как, создавая любой социальный регулятор, общество вкладывает в него прогрессивную гуманистическую идею, игнорирование которой посредством ее нарушения представляет опасность для основ человеческой организации. Вместе с тем вряд ли стоит оспаривать главенствующую роль права в системе социальных норм.

Анализируя признак общественной опасности, нельзя не сказать о его оценочном характере, так как степень общественной опасности определяется индивидуально в каждом конкретном случае. Применительно к советской эпохе общественная опасность правонарушения носила ярко выраженный идеологический характер. Это подтверждается и наличием контрреволюционных преступлений, и теоретическими исследованиями, в которых нередко акцентировалось внимание на опасности деяния для интересов социалистического общества. Признак общественной опасности тесно переплетается с причинением вреда в результате совершения право-

нарушения. В советской теоретико-правовой мысли существовала позиция, согласно которой вред не включается в число обязательных признаков правонарушения.

Так, Б.М. Лазарев пишет: «Большинство составов административных проступков можно назвать, используя терминологию науки уголовного права, «формальными»: административная ответственность наступает, как правило, независимо от того, есть ли непосредственные отрицательные последствия от данного нарушения или их нет; достаточно самого факта нарушения правил, охраняемых мерами административной ответственности»¹⁸. В данном случае ученый связывает наступление отрицательных последствий с причинением материального, так сказать, «видимого» вреда. Действительно в ряде случаев в результате несоблюдения модели поведения, предписанной нормой права, видимого материального вреда общественным отношениям не причиняется. Например, если работодатель не обеспечивает условий труда, отвечающих требованиям безопасности и гигиены в процессе трудовой деятельности работника, материальный ущерб в виде причинения вреда жизни, здоровью или имуществу работника может и не наступить. Означает ли это, что в данном случае отсутствует вред? Однозначно, нет, так как несоблюдением требования, содержащегося в норме права, работодатель уже причинил вред общественным отношениям. Эту позицию занимает и П.К. Блажко.

Он пишет: «Если встать на указанную выше позицию, то пришлось бы признать возможность безвредных нарушений правовых норм и стало бы непонятным, почему указанные действия запрещаются законом»¹⁹. Данная позиция представляется наиболее верной, но требующей некоторого уточнения. Очевидно, что вред, причиняемый совершением правонарушения, весьма многообразен по своим проявлениям. Он может быть материальным и моральным, восполнимым и невосполнимым, физическим и духовным и т.д. Советские исследователи предложили оригинальные концепции вреда. Были предложены концепции «социального» вреда и вреда в «общем смысле». Однако более четкой и понятной для практики стоит признать позицию «нематериального» вреда.

С.С. Алексеев пишет: «Любое правонарушение причиняет «нематериальный» вред,

¹⁶ См.: Коган В.М. Социальные свойства преступлений. М., 1977. С. 13–19.

¹⁷ Блажко П.К. Совокупность правонарушений по советскому праву. Казань, 1988. С. 7.

¹⁸ Лазарев Б.М. Административная ответственность. М., 1976. С. 11.

¹⁹ Блажко П.К. Совокупность правонарушений по советскому праву: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1983. С. 39.

так как вносит дезорганизацию в социалистические общественные отношения, подрывает общественную дисциплину и авторитет права, препятствует достижению целей правового регулирования»²⁰. Данная точка зрения, несмотря на ее идеологизированность, бесспорно, соответствует действительности.

Рассмотрев понятие и признаки правонарушения в советской теоретико-правовой мысли, можно сделать несколько обобщающих выводов. Во-первых, дефиниции правонарушения, несмотря на их идеологическую подоплеку, содержали в себе ряд важнейших

признаков данного социально-правового явления. Во-вторых, советские исследователи достаточно глубоко исследовали признак противоправности деяния, а также предложили ряд интересных точек зрения на признаки общественной опасности и вреда. Наконец, нельзя не отметить, что именно достижения советской теоретико-правовой мысли стали надежным фундаментом для современных исследований категории правонарушения. Можно с уверенностью утверждать, что без советской эпохи были бы невозможны современные дефиниции правонарушения, учения о его юридическом составе, причинах совершения, а также выделение множества отраслевых видов деяний.

²⁰ Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. Свердловск, 1964. С. 210.

Литература

1. Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве / С.С. Алексеев. М. : Юридическая литература, 1989. 288 с.
2. Блашко П.К. Совокупность правонарушений по советскому праву (Понятие и юридическое значение) / П.К. Блашко. Казань : Издательство Казанского университета, 1988. 97 с.
3. Блашко П.К. Совокупность правонарушений по советскому праву : дис. ... канд. юрид. наук (Понятие и юридическое значение) / П.К. Блашко. Казань, 1983. 194 с.
4. Иоффе О.С. Вопросы теории права / О.С. Иоффе, М.Д. Шаргородский. М. : Госюриздат, 1961. 380 с.
5. Коваль Л.В. Ответственность за административные правонарушения / Л.В. Коваль. Киев, 1975.
6. Коган В.М. Социальные свойства преступлений / В.М. Коган. М. : Акад. МВД СССР, 1977. 91 с.
7. Кофман В.И. Соотношение вины и противоправности в гражданском праве / В.И. Кофман // Правоведение. 1957. № 1. С. 65–76.
8. Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность / Н.Ф. Кузнецова. М. : Издательство Московского университета, 1969. 232 с.
9. Лазарев Б.М. Административная ответственность / Б.М. Лазарев. М. : Знание, 1976. 64 с.
10. Лейст О.Э. Санкции в советском праве / О.Э. Лейст. М. : Госюриздат, 1962. 238 с.
11. Лясс Н.В. Нормативная теория в современном буржуазном уголовном праве / Н.В. Лясс. Л. : Изд-во Ленинградского университета, 1963. 78 с.
12. Малеин Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность / Н.С. Малеин. М. : Юридическая литература, 1985. 192 с.
13. Марцев А.И. Преступление: сущность и содержание / А.И. Марцев. Омск : Изд-во Ом. ВШ МВД СССР, 1986. 68 с.
14. Общая теория социалистического права: Нормы права и правоотношения. Курс лекций : учебное пособие. Вып. 2 / С.С. Алексеев; ред. Г.И. Петрищева. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1964. 226 с.
15. Самощенко И.С. Понятие правонарушения по советскому законодательству / И.С. Самощенко. М. : Юридическая литература, 1963. 263 с.
16. Самощенко И.С. Понятие правонарушения по советскому законодательству : автореф. дис. ... докт. юрид. наук / И.С. Самощенко. М., 1964. 32 с.
17. Самощенко И.С. Правонарушения и юридическая ответственность / И.С. Самощенко. Москва : [б. и.], 1966. 30 с.
18. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2 т. Том 1 / Н.С. Таганцев. М. : Наука, 1994. 380 с.
19. Теория государства и права : учебник / отв. ред.: Карева М.П., Федыкин Г.И. М. : Госюриздат, 1955. 460 с.

References

1. Alekseev S.S. *Obschie dozvoleniya i obschie zaprety' v sovetskom prave* [General Permissions and General Prohibitions in the Soviet Law] / S.S. Alekseev. Moskva : Yuridicheskaya literatura — Moscow : Legal Literature, 1989. 288 s.
2. Blazhko P.K. *Sovokupnost pravonarusheniy po sovetskomu pravu* (Ponyatie i yuridicheskoe znachenie) / P.K. Blazhko [The Complex of Offences under the Soviet Law (the Notion and Legal Significance)] Kazan : Izdatelstvo kazanskogo universiteta — Kazan : Publishing house of the Kazan University, 1988. 97 s.
3. Blazhko P.K. *Sovokupnost pravonarusheniy po sovetskomu pravu* : dis. ... kand. yurid. nauk (Ponyatie i yuridicheskoe znachenie) [The Complex of Offences under the Soviet Law : thesis of ... Candidate of Legal Sciences (the Notion and Legal Significance)] / P.K. Blazhko. Kazan — Kazan, 1983. 194 s.
4. Ioffe O.S. *Voprosy' teorii prava* [Issues of Law Theory] / O.S. Ioffe, M.D. Shargorodsky. Moskva : Gosyurizdat — Moscow : State Publishing House of Legal Literature, 1961. 380 s.
5. Koval L.V. *Otvetstvennost za administrativny'e pravonarusheniya* [Liability for Administrative Offences] / L.V. Koval. Kiev — Kiev, 1975.
6. Kogan V.M. *Sotsialny'e svoystva prestupleniy* [Social Attributes of Crimes] / V.M. Kogan. Moskva : Akad. MVD SSSR — Moscow : Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1977. 91 s.

7. Kofman V.I. Sootnoshenie viny' i protivopravnosti v grazhdanskom prave [Correlation between Guilt and Illegality in the Civil Law] / V.I. Kofman // Pravovedenie — Legal Studies. 1957. № 1. S. 65–76.
8. Kuznetsova N.F. Prestuplenie i prestupnost [Crime and Criminality] / N.F. Kuznetsova. Moskva : Izdatelstvo Moskovskogo universiteta — Moscow : Publishing house of the Moscow University, 1969. 232 s.
9. Lazarev B.M. Administrativnaya otvetstvennost [Administrative Liability] / B.M. Lazarev. Moskva : Znanie — Moscow : Knowledge, 1976. 64 s.
10. Leyst O.E. Sanktsii v sovetskom prave [Sanctions in the Soviet Law] / O.E. Leyst. Moskva : Gosyurizdat — Moscow : State Publishing House of Legal Literature, 1962. 238 s.
11. Lyass N.V. Normativnaya teoriya v sovremennom burzhuaznom ugovnom prave [Statutory Theory in the Modern Bourgeois Criminal Law] / N.V. Lyass. Leningrad : Izd-vo Leningr. un-ta — Leningrad : Publishing house of the Leningrad University, 1963. 78 s.
12. Malein N.S. Pravonarushenie: ponyatie, prichiny, otvetstvennost [Offence: Notion, Reasons, Liability] / N.S. Malein. Moskva : Yuridicheskaya literatura — Moscow : Legal Literature, 1985. 192 s.
13. Martsev A.I. Prestuplenie: suschnost i sodержanie [Crime: Essence and Contents] / A.I. Martsev. Omsk : Izd-vo Om. VSh MVD SSSR — Omsk : Publishing house of the Omsk Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1986. 68 s.
14. Obschaya teoriya sotsialisticheskogo prava: Normy' prava i pravootnosheniya. Kurs lektsiy : uchebnoe posobie. Vy'p. 2 / S.S. Alekseev; red. G.I. Petrisheva [The General Theory of Socialist Law: Legal Provisions and Legal Relations. Course of lectures : textbook] Sverdlovsk : Sred.-Ural. kn. izd-vo — Sverdlovsk : Middle Ural publishing house, 1964. 226 s.
15. Samoschenko I.S. Ponyatie pravonarusheniya po sovetskomu zakonodatelstvu [The Offence Notion under the Soviet Laws] / I.S. Samoschenko. Moskva : Yuridicheskaya literatura — Moscow : Legal Literature, 1963. 263 s.
16. Samoschenko I.S. Ponyatie pravonarusheniya po sovetskomu zakonodatelstvu : avtoref. dis. ... dokt. yurid. nauk [The Offence Notion under the Soviet Laws : author's abstract of thesis of ... Doctor of Law] / I.S. Samoschenko. Moskva — Moscow, 1964. 32 s.
17. Samoschenko I.S. Pravonarusheniya i yuridicheskaya otvetstvennost [Offences and Legal Liability] / I.S. Samoschenko. Moskva : [b. i.] — Moscow : [no publishing house indicated], 1966. 30 s.
18. Tagantsev N.S. Russkoe ugovnoe pravo. Lektsii. Chast obschaya. V 2 t. Tom 1 [Russian Criminal Law. Lectures] / N.S. Tagantsev. Moskva : Nauka — Moscow : Science, 1994. 380 s.
19. Teoriya gosudarstva i prava : uchebnik / otv. red.: M.P. Kareva, G.I. Fedkin [Theory of State and Law : textbook] Moskva : Gosyurizdat — Moscow : State Publishing House of Legal Literature, 1955. 460 s.

DOI : 10.18572/1812-3805-2018-3-17-22

Законодательный опыт участия в уголовном судопроизводстве лиц, имеющих психические расстройства: от Устава уголовного судопроизводства и до наших дней

*Антонович Елена Константиновна,
доцент кафедры уголовно-процессуального права
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук,
полковник внутренней службы в отставке
e.ant@inbox.ru*

*Антонович Богдан Александрович,
клинический ординатор
Федерального медицинского исследовательского центра
психиатрии и наркологии Министерства здравоохранения
Российской Федерации
e.ant@inbox.ru*

В работе анализируются проблемы законодательного регулирования участия в уголовном судопроизводстве лиц, страдающих психическими расстройствами

Ключевые слова: судебно-психиатрическая экспертиза, уголовное судопроизводство, психическое расстройство.

Legal Experience of Participation of Persons Suffering from Mental Disorders in Criminal Proceedings: from the Statute of Criminal Procedure to the Present Days

Antonovich Elena K.

Assistant Professor of the Department of Criminal Procedure Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Candidate of Legal Sciences

Retired Colonel of Internal Service

Antonovich Bogdan A.

Resident Medical Officer of the Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation

This paper analyzes the problems of legal regulation of participation in criminal proceedings persons with mental disorders.

Keywords: forensic psychiatric examination, criminal proceeding, mental disorders.

Проблемы участия в уголовном судопроизводстве лиц, имеющих психические расстройства, всегда вызывали интерес и у правоприменителей, и у ученых, и у законодателей.

Устав уголовного судопроизводства 1864 г. (далее — УУС), регламентируя порядок дачи показаний, выделял две группы лиц, имеющих отклонения в психическом здоровье: первая группа — слабоумные, а вторая — безумные и сумасшедшие.

Не допускались к свидетельству под присягой слабоумные, не понимающие святости присяги (ст. 706 УУС). Но что это означало? Абсолютный запрет допроса слабоумных и, соответственно, их участие в уголовном судопроизводстве? Или запрет допроса под присягой этой категории лиц? Или запрет допроса только тех из них, кто не понимает святости присяги? По мнению современников, не исключая возможности участия в уголовном судопроизводстве слабоумных, УУС не допускал к присяге только тех из них, кто не понимал святости присяги.

Безумные и сумасшедшие не допускались к свидетельству (ст. 704 УУС). По мнению Правительствующего Сената, не соответствовала идее правосудия возможность использования для его целей тех источников, которые явно ненадежны или даже опасны для общественной нравственности, к которым принадлежат и показания лиц, не способных по душевным недостаткам показать свидетельствуемого предмета. Однако единодушие в обществе по этому вопросу отсутствовало. Так, А.В. Скопинский отмечал: «... некоторые психически ненормальные лица могут давать осмысленные показания»¹. А.Ф. Кони обра-

щал внимание на проблему возможности допроса безумных и сумасшедших «во время так называемых светлых промежутков (lucida intervalla) о том, что им сделалось известным во время таких промежутков»². Применение безусловного запрета показаний безумных и сумасшедших, по мнению Л.Е. Владимировой, «не так просто с учетом тех неясных, скользких и почти неуловимых болезненных душевных состояний, которые сильно распространены в обществе»³. Этим лиц называли еще «полусумасшедшими». Суды, рассуждал далее автор, найдут выход в формальном акте признания человека сумасшедшим, что «... удобно для суда, но не решает правильно вопроса для правосудия... ст. 704 имеет в виду осязательные, мы бы сказали, формальные случаи сумасшествия; в случаях же сомнительных придется прибегать к психиатрической экспертизе для решения вопроса о допущении лица к даче свидетельского показания»⁴. В дальнейшем созданная для пересмотра положений УУС комиссия пришла к мысли о необходимости упразднить исключение из числа свидетелей психически больных, обосновывая свое решение тем, что не всегда возможно провести грань между слабоумными и безумными, а умалишенные могут иногда верно передать событие, с ними или при них случившееся. А в проекте новой редакции УУС появилось следующее: «...безумные, сумасшедшие и слабоумные не допрашиваются в качестве свидетелей; но для разъяснения дела судья, производящий следствие, может, по соображениям с состоянием их умственных спо-

¹ Скопинский А.В. Свидетели по уголовным делам. М., 1911. С. 28.

² Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. СПб.: Издание книжного магазина «Законоведение», 1910. СПС «Гарант».

³ Владимиров Л.Е. Указ. соч.

⁴ Там же.

собностей, расспрашивать этих лиц по возможности, при содействии врача, ни в каком случае не приводя их к присяге»⁵.

Хоть судебное преследование обвиняемого и могло быть прекращено по причине его сумасшествия или безумия, но не иначе как с разрешения окружного суда или судебной палаты (ст. 353–356 УУС).

Проблемы участия в уголовном судопроизводстве лиц, страдающих психическими расстройствами, и дальше оставались под пристальным взором нормотворца. Статья 65 УПК РСФСР 1922 г. запрещала допрашивать в качестве свидетелей тех, кто был не способен ввиду своих психических недостатков правильно воспринимать имеющие значение для дела явления и давать о них правильные показания. Для решения вопроса об их способности быть свидетелями приглашались эксперты. Такое предписание содержалось и в ст. 61 УПК РСФСР 1923 г.

Как и в УУС, согласно ст. 199 УПК РСФСР 1922 г., при наличии сведений о невменяемом состоянии обвиняемого при совершении преступления или о болезненном расстройстве душевной деятельности, возникшем после совершения преступления, на следователя возлагалась обязанность собирать сведения, необходимые для суждения о психическом состоянии обвиняемого путем освидетельствования его врачом-экспертом и опроса его, его близких и других лиц.

И в УПК РСФСР 1922 г., и в УПК РСФСР 1923 г. законодатель отступил от предусмотренной УУС классификации этой категории лиц на основании медицинского критерия. Принятие решений судом в отношении лиц, страдающих болезненным расстройством душевной деятельности, обуславливалось их вменяемостью в момент совершения деяния или наступлением его после совершения деяния (ст. 203–205 УПК РСФСР 1922 г., ст. 200 УПК РСФСР 1923 г.). Но УПК РСФСР 1923 г. исключил из числа решений, принимаемых судом, решение о признании подсудимого вменяемым, фактически лишив суд права выносить решение с учетом юридического критерия вменяемости.

Аналогичные предусматриваемым в УПК РСФСР 1922 г. и УПК РСФСР 1923 г. подходы об участии свидетелей сохранились и в УПК РСФСР 1960 г.: согласно ст. 72 не могли быть допрошены в качестве свидетелей те, кто не способен в силу своих психических недостатков правильно воспринимать обстоятельства, которые имеют значение для дела, и да-

вать о них правильные показания. А согласно ст. 79 УПК РСФСР 1960 г. проведение экспертизы было обязательно как для определения психического состояния обвиняемого или подозреваемого в тех случаях, когда возникает сомнение по поводу их вменяемости или способности к моменту производства по делу отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими; так и для определения психического или физического состояния свидетеля или потерпевшего, когда возникали сомнения в их способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания. Подробнее регламентировались порядок назначения и производства судебно-психиатрической экспертизы и основания применения принудительных мер медицинского характера. Предварительное следствие по таким делам завершалось вынесением постановлений о прекращении производства по делу или о направлении дела в суд при установлении оснований для применения к лицу, совершившему общественно опасное деяние, принудительных мер медицинского характера (406 УПК РСФСР 1960 г.). На следователя уже не возлагалась обязанность собирать сведения, подтверждающие невменяемость обвиняемого, так как основанием для производства судебно-психиатрической экспертизы стали сомнения по поводу вменяемости обвиняемого. Следователь должен был ознакомить обвиняемого с постановлением о назначении экспертизы, разъяснив его права. Но постановление о назначении судебно-психиатрической экспертизы и заключение экспертов не объявлялись обвиняемому, если его психическое состояние делало это невозможным. Если из-за психического состояния производства следственных действий с участием лица, совершившего общественно опасное деяние, было невозможным, следователь составлял об этом протокол. Участие защитника в таких делах было обязательно. В соответствии со ст. 410 УПК РСФСР 1960 г. законодатель связывал принятие решений судом по этой категории дел не только с наличием болезненного состояния лица, но и со степенью его проявления, допуская не только возвращение дела для производства дополнительного расследования, но и возможность его прекращения.

Сегодня отношение к проблеме психического здоровья в уголовном судопроизводстве исходит из принципа «презумпции психического здоровья»⁶. Уголовной ответ-

⁵ Проект новой редакции Устава уголовного судопроизводства, СПб., 1900. С. 225.

⁶ Татьяна А. Г. Процессуальные проблемы производства по уголовным делам с участием лиц, имеющих психические недостатки (вопросы теории

ственности подлежит только вменяемое физическое лицо или лицо с психическим расстройством, не исключаящим вменяемости. Спектр принимаемых судом решений в этой связи определен в ст. 443 УПК РФ с учетом юридического критерия определения вменяемости и особенности психического состояния лица.

Несмотря на наличие ведущихся дискуссий, связанных с производством судебных экспертиз, в т.ч. об отнесении к числу следственных действий⁷, значение заключения судебно-психиатрической экспертизы как для доказывания по делу, так и для принятия решений об участии в уголовном судопроизводстве лиц, страдающих психическим расстройством, не вызывает сомнений. «Вынесенный без принятия во внимание имеющихся оснований для производства судебно-психиатрической экспертизы в отношении обвиняемого приговор не может быть признан законным в связи с существенным нарушением уголовно-процессуального закона, повлиявшим на исход дела»⁸. Очевидна и «взаимосвязь правовой культуры врачей и реальности обеспечения прав и законных интересов граждан»⁹.

Наличие в УПК РФ ст. 437, гарантирующей право лично осуществлять принадлежащие лицу процессуальные права, если его психическое состояние позволяет это, означает, что в отличие от предшествующего современное законодательство рассматривает таких лиц как равноправные с обвиняемыми и подозреваемыми субъекты уголовно-процессуальных правоотношений. Перенос этих предписаний в практическую плоскость означал, что следователь, узнав о психическом расстройстве лица, никаких следственных действий с ним не проводил, и возможность личного участия не обеспечивалась, хотя вопрос о вменяемости принимал только суд. Дополнительно гарантируя их участие в уголовном судопроизводстве, УПК РФ сохранил не только прежний подход об обязательном участии защитника (ст. 51 УПК РФ), но и определил начальный момент его уча-

стия — с объявления постановления о назначении судебно-психиатрической экспертизы (п. 4 ч. 3 ст. 49 УПК РФ). Теперь только судебное решение обуславливает возможность помещения подозреваемого, обвиняемого, не находящегося под стражей, в медицинскую организацию для производства судебно-психиатрической экспертизы (с п. 3 ч. 2 ст. 29 УПК РФ). Такой подход законодателя, обусловленный положениями ст. 15 УПК РФ, не случаен. Стороны могут оказаться в положении «перед судом» и в досудебном производстве: при рассмотрении им ходатайств о помещении подозреваемого, обвиняемого, не находящегося под стражей, в соответствующую медицинскую организацию для производства судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы¹⁰. Этим лицам должны быть не только провозглашены их права, но и, как следует из ст. 11 УПК РФ, обеспечена возможность осуществлять их путем личного участия в уголовно-процессуальных правоотношениях. Ведь свой процессуальный статус они уже обрели до принятия решения о назначении экспертизы. Включению нормативных предписаний об их личном участии предшествовали решения Европейского Суда по правам человека (далее — ЕСПЧ) и Конституционного Суда Российской Федерации (далее — КС РФ). КС РФ обратил внимание на «необходимость дифференцированного регулирования прав тех, у кого такая способность, несмотря на заболевание, сохранена, и тех, кто действительно по своему психическому состоянию не может самостоятельно защищать свои права»¹¹. По мнению ЕСПЧ, присутствие в судебном заседании является необходимым условием для того, чтобы судья лично мог убедиться в психическом состоянии лица и принять справедливое решение; «рассмотрение дела в его отсутствие допустимо лишь при наличии особых обстоятельств (в случае агрессивного поведения или если физическое и психическое состояние не позволяет ему предстать перед судом)»¹².

Психические расстройства возможны как у потерпевшего, так и у свидетеля, проявляясь в особенностях их когнитивного и эмоционального поведения. Пациенты с эпизодическим

и практики) : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2004. С. 5.

⁷ Россинский С.Б. Понятие и сущность следственных действий в уголовном судопроизводстве: дискуссия продолжается // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 2. СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Антонович Е.К., Антонович Б.А. Некоторые особенности принятия решений о назначении судебно-психиатрической экспертизы подозреваемых и обвиняемых // Медицинское право. 2017. № 3. СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Сергеев Ю.Д. Роль медицинского права и экспертизы в обеспечении прав граждан // Проблемы экспертизы в медицине. 2001. Т. 1. № 1. С. 7.

¹⁰ Вилкова Т.Ю. Принципы уголовного судопроизводства и общие условия судебного разбирательства, характеризующие деятельность суда // Российская юстиция. 2017. № 1. СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 20 ноября 2007 г. № 13-П // СПС «КонсультантПлюс».

¹² См., напр.: Постановление ЕСПЧ от 20 октября 2005 г. по делу «Романов против России» // СПС «КонсультантПлюс».

течением и нарастающим дефектом параноидной шизофрении (F20.01) имеют большую вероятность достижения ремиссии по сравнению с другими вариантами диагноза (F20.00, F20.03, F20.3, F20.5, F20.6)¹³. Наличие психического расстройства может обуславливать неправильное восприятие происходящего: при алкогольных психозах могут наблюдаться обманы восприятия (иллюзии, галлюцинации)¹⁴; при злоупотреблении метилглендиоксиметамфетином (МДМА) — появление иллюзий и визуализации представлений; при наркоманиях, вызванных злоупотреблением производными лизергиновой кислоты, могут возникать нарушения восприятия времени, слуховые галлюцинации, бредовые идеи преследования, воздействия¹⁵. Психическое расстройство может влиять на запоминание информации, как при депрессивных расстройствах¹⁶. Возможны искажения в процессе воспроизведения запоминаемой информации, как при болезни Альцгеймера. Между тем, согласно УПК РФ, наличие психического расстройства у лица, являющегося свидетелем, не является основанием для того, чтобы создать запрет давать показания, а следовательно, и участвовать в уголовном судопроизводстве. УПК РФ «не предусмотрено проведение судебно-психиатрической экспертизы для определения вменяемости свидетеля»¹⁷. В отличие от потерпевшего, свидетель принудительно не может быть подвергнут судебной экспертизе или освидетельствованию, за исключением случаев, когда освидетельствование необходимо для оценки достоверности его показаний. Заключение врача должно быть гарантом не определения вменяемости свиде-

теля или потерпевшего, а достоверности их показаний и обеспечения прав допрашиваемых лиц, исключая возможность привлечения их к уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний. В юридической литературе уже высказывались предложения о внесении соответствующих изменений в п. 4 ст. 196 УПК РФ, предусмотрев в качестве одного из оснований «для обязательного назначения и производства судебно-психиатрической экспертизы при необходимости установления психического или физического состояния свидетеля, так же как это предусмотрено для потерпевшего, когда возникает сомнение в их способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать показания»¹⁸. И законодательный опыт судебной реформы 1864 г., и советского периода, и зарубежного законодательства (например, ч. 2 ст. 60 УПК Республики Беларусь, ч. 8 ст. 210 УПК Казахстана) делают эту идею небезосновательной.

Таким образом, позиция законодателя по вопросам участия в уголовном судопроизводстве лиц, страдающих психическими расстройствами, менялась на протяжении исследуемого исторического отрезка и не может рассматриваться без учета типа уголовного судопроизводства. Их участие в уголовном судопроизводстве нужно рассматривать не только как гарантию реализации их процессуального статуса, но и как гарантию справедливости правосудия. А обращение к дореволюционным и советским источникам дает нам не только поводы и основания для дискуссий, но и тот богатейший опыт, который не может быть не учтен в процессе совершенствования действующего процессуального законодательства. Ведь, несмотря на расширение международных обязательств и положительный опыт иностранного законодателя, российское законодательство всегда ориентировалось на национальные корни и культурные традиции, не допуская слепого копирования существующих шаблонов.

¹³ Мосолов С.Н., Потапов А.В., Шафаренко А.А., Костюкова А.Б. и др. Разработка и валидация стандартизированных критериев терапевтической ремиссии при шизофрении // Современная терапия психических расстройств. 2011. № 3. С. 5.

¹⁴ Гофман А.Г. Клиническая наркология. М., 2017. С. 173.

¹⁵ Там же. С. 316.

¹⁶ Ахапкин Р.В., Маслова М.А. Когнитивные нарушения при непсихотических депрессивных расстройствах // Российский психиатрический журнал. 2015. № 1. С. 43–50.

¹⁷ Определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18 апреля 2013 г. № 69-О13-4СП // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ См.: Антонович Е.К., Антонович Б.А. Некоторые вопросы назначения и производства судебно-психиатрической экспертизы свидетелей по уголовным делам // Медицинское право. 2015. № 4. СПС «КонсультантПлюс».

Литература

1. Антонович Е.К. Некоторые вопросы назначения и производства судебно-психиатрической экспертизы свидетелей по уголовным делам / Е.К. Антонович, Б.А. Антонович // Медицинское право. 2015. № 4. С. 30–35.
2. Антонович Е.К. Некоторые особенности принятия решений о назначении судебно-психиатрической экспертизы подозреваемых и обвиняемых / Е.К. Антонович, Б.А. Антонович // Медицинское право. 2017. № 3. С. 33–38.
3. Ахапкин Р.В., Маслова М.А. Когнитивные нарушения при непсихотических депрессивных расстройствах / Р.В. Ахапкин, М.А. Маслова // Российский психиатрический журнал. 2015. № 1. С. 43–50.

4. Вилкова Т.Ю. Принципы уголовного судопроизводства и общие условия судебного разбирательства, характеризующие деятельность суда / Т.Ю. Вилкова // Российская юстиция. 2017. № 1. С. 34–36.
5. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах / Л.Е. Владимиров. СПб. : Издание книжного магазина «Законоведение», 1910. 331 с. [Электронный ресурс]: СПС «Гарант».
6. Гофман А.Г. Клиническая наркология. 2-е изд. / А.Г. Гофман. М. : Изд-во «Медицинское информационное агентство», 2017. 376 с.
7. Мосолов С.Н. Разработка и валидация стандартизированных критериев терапевтической ремиссии при шизофрении / Мосолов С.Н., Потапов А.В., Шафаренко А.А., Костюкова А.Б. и др. // Современная терапия психических расстройств. 2011. № 3. С. 2–6.
8. Россинский С.Б. Понятие и сущность следственных действий в уголовном судопроизводстве: дискуссия продолжается / С.Б. Россинский // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 2. С. 16–31.
9. Свидетели по уголовным делам : пособие для практиков / А.В. Скопинский, тов. прокурора С.-Петерб. судеб. палаты. М. : Кн. маг. И.К. Голубева, п/ф «Правоведение», 1911. 198 с.
10. Сергеев Ю.Д. Роль медицинского права и экспертизы в обеспечении прав граждан. Проблемы экспертизы в медицине. 2001. Т. 1. № 1. С. 6–8.
11. Татьяна Л.Г. Процессуальные проблемы производства по уголовным делам с участием лиц, имеющих психические недостатки (вопросы теории и практики) : автореф. дис. ... докт. юрид. наук / Л.Г. Татьяна. Ижевск, 2004. 53 с.

References

1. Antonovich E.K. Nekotory'e voprosy' naznacheniya i proizvodstva sudebno-psikhiatricheskoy ekspertizy' svideteley po ugovolny'm delam [Some Issues of Commissioning and Carrying out of a Forensic and Psychiatric Examination of Witnesses in Criminal Cases] / E.K. Antonovich, B.A. Antonovich // Meditsinskoe pravo — Medical Law. 2015. № 4. S. 30–35.
2. Antonovich E.K. Nekotory'e osobennosti prinyatiya resheniy o naznachenii sudebno-psikhiatricheskoy ekspertizy' podozrevaemy'kh i obvinyaemy'kh [Some Peculiarities of Making Decisions on Commissioning of a Forensic and Psychiatric Examination of Suspects and the Accused] / E.K. Antonovich, B.A. Antonovich // Meditsinskoe pravo — Medical Law. 2017. № 3. S. 33–38.
3. Akhapiin R.V., Maslova M.A. Kognitivny'e narusheniya pri nepsikhoticheskikh depressivny'kh rasstroystvakh [Cognitive Impairments in Non-Psychotic Depressive Disorders] / R.V. Akhapiin, M.A. Maslova // Rossiyskiy psikhiatricheskii zhurnal — Russian Journal of Psychiatry. 2015. № 1. S. 43–50.
4. Vilkova T.Yu. Printsipy' ugovolnogo sudoproizvodstva i obshchie usloviya sudebnogo razbiratelstva, kharakterizuyuschie deyatel'nost' suda [Principles of Criminal Proceedings and General Terms of Judicial Proceedings Characterizing Court Activities] / T.Yu. Vilkova // Rossiyskaya yustitsiya — Russian Justice. 2017. № 1. S. 34–36.
5. Vladimirov L.E. Uchenie ob ugovolny'kh dokazatelstvakh [Criminal Evidence Doctrine] / L.E. Vladimirov. Sankt-Peterburg : Izdanie knizhnogo magazina «Zakonovedenie» — Saint Petersburg : publication of the Law Science bookstore, 1910. 331 s.
6. Gofman A.G. Klinicheskaya narkologiya. 2-e izd. [Clinical Addictology. 2nd edition] / A.G. Gofman. Moskva : Izd-vo «Meditsinskoe informatsionnoe agentstvo» — Moscow : Medical Information Agency publishing house, 2017. 376 s.
7. Mosolov S.N. Razrabotka i validatsiya standartizirovanny'kh kriteriev terapevticheskoy remissii pri shizofrenii [Development and Validation of Standardized Criteria of Medically Induced Remission in Case of Schizophrenia] / Mosolov S.N., Potapov A.V., Shafarenko A.A., Kostyukova A.B. et al. // Sovremennaya terapiya psikhicheskikh rasstroystv — Modern Treatment of Mental Disorders. 2011. № 3. S. 2–6.
8. Rossinsky S.B. Ponyatie i suschnost sledstvenny'kh deystviy v ugovolnom sudoproizvodstve: diskussiya prodolzhaetsya [The Notion and Essence of Investigative Actions in Criminal Proceedings: the Discussion Continues] / S.B. Rossinsky // Zakony' Rossii: opyt, analiz, praktika — Russian Laws: Experience, Analysis, Practice. 2015. № 2. S. 16–31.
9. Svideteli po ugovolny'm delam : posobie dlya praktikov / A.V. Skopinskiy, tov. prokurora S.-Peterb. sudeb. palaty' [Witnesses in Criminal Cases : textbook for practicing lawyers] Moskva : Kn. mag. I.K. Golubeva, p/f «Pravovedenie» — Moscow : I.K. Golubev's bookstore, Legal Studies printing office, 1911. 198 s.
10. Sergeev Yu.D. Rol meditsinskogo prava i ekspertizy' v obespechenii prav grazhdan [The Role of Medical Law and Examination in Protection of Civil Rights] / Yu.D. Sergeev // Problemy' ekspertizy' v meditsine — Issues of Examination in Medicine. 2001. Т. 1. № 1. S. 6–8.
11. Tatyana L.G. Protseessualny'e problemy' proizvodstva po ugovolny'm delam s uchastiem lits, imeyuschiikh psikhicheskie nedostatki (voprosy' teorii i praktiki) : avtoref. dis. ... dokt. yurid. nauk [Procedural Issues of Proceedings in Criminal Cases with Participation of Persons Suffering from Mental Disorders (Issues of Theory and Practice) : author's abstract of thesis of ... Doctor of Law] / L.G. Tatyana. Izhevsk — Izhevsk, 2004. 53 s.

DOI : 10.18572/1812-3805-2018-3-23-28

Юридическая природа возникновения коррупции и исторические аспекты формирования антикоррупционного законодательства в дореволюционной России

*Волчанская Алена Николаевна,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Московской академии Следственного комитета Российской Федерации,
кандидат юридических наук
alyena.87@mail.ru*

*Худяков Андрей Вячеславович,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Московской академии Следственного комитета Российской Федерации,
кандидат юридических наук
vois13@mail.ru*

В статье рассмотрены природа возникновения коррупции и исторические аспекты антикоррупционного законодательства в дореволюционной России. Авторами проанализированы такие правовые памятники как Псковская судная грамота, Судебники 1497 и 1550 гг., Соборное уложение 1649 г. и некоторые другие. Кроме того, рассмотрено, как правители российского государства в дореволюционный период пытались противодействовать коррупции, различным ее проявлениям.

Ключевые слова: коррупция, правовые памятники, Псковская судная грамота, преступления коррупционной направленности.

The Legal Nature of the Origination of Corruption and Historical Aspects of Anti-Corruption Law Establishment in Pre-Revolutionary Russia

*Volchanskaya Alena N.
Assistant Professor of the Department of State and Legal Disciplines
of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation
Candidate of Legal Sciences*

*Khudyakov Andrey V.
Assistant Professor of the Department of State and Legal Disciplines
of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation
Candidate of Legal Sciences*

The article reviews the nature of corruption origins and historical aspects of establishment of the anti-corruption legislation in pre-revolutionary Russia. The authors analyzed such legal artifacts as the Pskov Judicial Charter, Law Books for the years of 1497 and 1550, Council Code of 1649 and some other documents. Apart from that, the article discusses how sovereigns of the pre-revolutionary Russian state tried to fight corruption, its various forms.

Keywords: corruption, legal artifacts, Pskov Judicial Charter, crimes of corruptive nature.

Коррупция как социально-негативное явление в обществе присуща любой публичной власти на любом этапе ее существования.

Согласно Повести временных лет Киевское (Древнерусское) государство возникло в IX в. с призванием варяг. По свидетельству

Нестора, новгородское посольство, приглашая князей, говорило им: «Вся земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет; идите княжить и управлять нами». А перед этим новгородцы, по летописи, говорят: «поищем себе князя, чтобы владел нами и судил

по праву и рядил по ряду»¹. Именно князь со своей дружиной совместно с боярами и вече представлял публичную власть. Вольный князь, призванный народом, поставленный в силу призвания в определенные отношения к целой волости, должен был служить и действительно служил самым верным органом господствующей идеи права². По мнению В.Е. Рубаника, уже к XII в. сформировались основные принципы княжеского правосудия. Князь должен был вершить «суд истинен и нелицемерен, не обинуя лица сильных своих бояр, обидящих меньших и роботящих сироты и насилье творящих»³.

Однако единолично осуществлять правосудие князь не мог. Так, в летописях указывается на тиунов, посадников, чуть позже — наместников и волостелей, которые по его поручению выполняли административные, судебные, следственные и иные функции на основе системы кормления. Жалование кормленщики не получали, а жили за счет доходов от сборов с населения, большую часть которых составляли судебные штрафы и пошлины. Со временем сложилась ситуация, когда тиуны, посадники, наместники и волостели, представляя великого князя, были заинтересованы лишь в собственном обогащении.

Знаменитый церковный деятель Максим Грек обличал бояр-наместников в злоупотреблениях. В своей работе «Слово» (1537) он писал, что «страсть иудейского сребролюбия и лихоимства» владеет судьями и властителями, которые, «будучи объаты величайшим неистовством несътого сребролюбства, обижают, лихоимствуют, грабят имения и стяжания вдовиц и сирот, придумывая всякие вины против неповинных»⁴.

В первом памятнике письменного русского права, «Русской правде» ничего не сказано о деяниях должностных лиц, которые бы квалифицировались как коррупционные. Но уже Псковская судная грамота — памятник права, созданный в период удельной раздробленности, закрепляет запрет на «взимание взятки» князю и посаднику (ст. 4). Примечательно, что Псковская судная грамота не устанавливает наказания за получение взятки, ограни-

чиваясь лишь формулировкой: «и псковским судьям, и посадникам, и старостам из пригородов (следует) также присягнуть в том, что они будут судить действительно в соответствии с присягой; а если (они) не будут судить справедливо, то пусть осудит Бог в страшный день второго пришествия Христа» (ст. 77).

В период централизации русского государства происходит формирование центральных органов управления — приказов. Денежное жалование приказных служащих складывалось из основного денежного оклада и различного рода вознаграждений. Но далеко не все приказные люди получали жалование. Это зависело прежде всего от принадлежности приказного человека к определенному чину и от приказа, в котором он служил.

Вызывает интерес и тот факт, что законодательство того времени разрешало чиновникам «кормиться от дел», т.е. получать подарки от просителей за выполнение дополнительных услуг. Однако наряду с закрепленными возможностями «кормиться от дел» законодатель устанавливает запрет на получение «посулов», т.е. взяток. При таком подходе отделить «кормление от дел» от «посула» — взятки, на наш взгляд, достаточно сложно, тем не менее С.М. Соловьев в своем исследовании приводит интересные примеры коррупционных преступлений из следственной практики XVI в., позволяющие нам приблизительно представить характер «взятничества» того времени. Так, например, в 1621 г. посадские люди Устюжского уезда предлагали взятку думному дьяку Т.И. Луговскому в размере 100 рублей, 3 серебрянных кубков и 2 золотых перстней. Принял ли данные материальные средства Т.И. Луговский и какое наказание понес, историк не указывает. В 1694 г. думный дьяк Е.И. Украинцев за взятку в размере 200 золотых монет освободил из тюрьмы Ф. Дашкова, впоследствии бежавшего за границу. После чего Е.И. Украинцев подвергся длительной опале со стороны царя⁵.

В Судебнике 1497 г. была окончательно закреплена централизация и установлена единая система органов Московского государства. Юридической гарантией эффективной деятельности всего государственного аппарата стали появившиеся в данном источнике нормы права, направленные на пресечение коррупционных проявлений. В отличие от Псковской судной грамоты Судебник 1497 г. запрещает не только получать посулы и вознаграждения (ст. 1, 31, 33), но и «обещает судьям, приставам взятки за разбирательство дела»

¹ Повесть временных лет / ред. В. Адрианова-Перетц. Л. : Наука. Ленинградское отделение, 2007.

² Дювернуа Н.А. Источники права и суд в древней России / Н.А. Дювернуа. М. : Университетская тип., 1869.

³ Рубаника В.Е. Государство, право и суд в Киевской Руси: историко-юридический очерк. М. : Юрлитинформ, 2013.

⁴ Борисов А.В. Полиция Российской империи : монография / А.В. Борисов, А.Я. Малвгин, Р.С. Мулукаев. М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2014.

⁵ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1962. Кн. VII.

(ст. 67). Однако обращенные к взяткополучателю и взяткодателю запреты, направленные на борьбу с коррупционными преступлениями, не содержали никаких санкций.

В XVI в. российское законодательство в области противодействия коррупции получило свое дальнейшее развитие. Так, ст. 3 Судебника 1550 г. гласила, что «если боярин, окольный, дворецкий или дьяк получат взятку и вынесут неправое решение и это подтвердится, вся тяжесть ответственности ложится на указанных судей и они уплачивают истцу всю сумму иска и возвращают в тройном размере все судебные издержки, понесенные истцом. Наказание взяточникам по усмотрению Государя». А в ст. 4 и 5 предусматривалась юридическая ответственность за взяточничество иных должностных лиц: дьяка и подьячего.

Примечательно, что Судебник 1550 г. сохранил нормы, запрещающие не только брать взятки, но и превышать установленный размер пошлин, взимаемых за ведение дела и составление судебных документов. Вместе с тем, осознавая роль и значение государственных служащих в механизме государства, законодатель в рассматриваемом памятнике закрепляет положения, направленные на защиту чиновников от ложного доноса или обвинения: «если кто-либо сознательно ложно обвинит боярина, окольного, дворецкого, казначея, дьяка или подьячего и подтвердится, что он солгал, этого клеветника сверх того наказывать торговой казнью, бить кнутом и посадить в тюрьму».

Конец XVI в. и начало XVII в. представляют собой период глубоких потрясений всего государственного механизма. Историки называют этот период «смутным временем». Сам престол становится предметом интриг и противоречий, тем не менее и в этот период законодательство о взяточничестве продолжает совершенствоваться. Так, в Соборном уложении 1649 г. появляются нормы, запрещающие принимать «посулы» не только самим чиновникам, но и третьим лицам — родственникам судьи, с его ведомо или нет (ст. 7, 8).

Великий русский историк Г. Катошихин обосновывал появление данной нормы следующими обстоятельствами: «...хотя на такое дело положено наказание и чинят о тех посулах крестное целование к жестоким проклинательством, что посулов не имати и делати вправду, по царскому указу и по Уложению, ни во что их есть вера и заклинательство, и наказания не страшатся, от прелести очей своих и мысли содержать не могут и руки свои ко взятию скоро допущают». Судьи берут не сами лично, но «по задней лестнице через же-

ну, или дочь, или через сына и брата, и чело века, и не ставят того себе во взятые посулы, будто про то и не ведают»⁶.

Вместе с тем Уложение существенно расширило и дифференцировало правовые нормы, направленные на борьбу с коррупционными проявлениями того времени, хотя не устранило всех проблемных вопросов, существовавших в судебной практике по разрешению данной категории дел.

Петром I были установлены различные формы контроля за деятельностью должностных лиц: во-первых, контроль Сената за всем государственным аппаратом. Во-вторых, ведомственный контроль коллегий за органами и лицами, находящимися в их ведении. В-третьих, финансовый контроль ревизион-коллегии за всеми государственными органами. В-четвертых, был учрежден институт фискалов во главе с генерал-фискалом. Фискалы присутствовали на заседаниях, осуществляли общий контроль и надзор.

Более того, именным указом от 25 июля 1713 г. Петр I учреждает первую «майорскую» канцелярию имени М.И. Волконского, которая была образована для проведения предварительного следствия по совокупности преступлений, совершенных должностными лицами в Архангельской губернии, которые в том числе касались деяний, относящихся к взяткам и поборам.

Чуть позже именным указом от 25 января 1715 г. Петр I выделил некоторые составы преступлений, которые непосредственно находились под его контролем. Дела возбуждались только по инициативе императора, и чаще всего для расследования данных дел в чрезвычайном порядке им создавались «майорские» следственные канцелярии. К данной категории дел относились взяточничество и казнокрадство. *Казнокрадство — новый вид преступления, объектом которого стала Государственная казна.* О важности борьбы с казнокрадством свидетельствует Указ от 25 января 1715 г., предписывавший доносить самому государю или через дежурного офицера о хищениях из казны⁷.

Помимо вышеназванных составов к коррупционным преступлениям того времени можно отнести: во-первых, незаконные поборы с населения при сборе податей, оформлении документов, принесении присяги и т.д. Во-вторых, причинявшие убытки государству

⁶ См.: Катошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. 4-е изд. СПб., 1906; Голованова Е.И. Правовые основы борьбы с коррупцией в России в XVI–XIX вв. (историко-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук / Е.И. Голованова. М., 2002.

⁷ ПСЗ. Т. V. № 2877.

злоупотребления чиновников. Петр I сократил расходы своего двора. Он считал, что роскошь в одежде — это «кража наша великого государя казны»⁸. В связи с чем появился новый состав коррупционных преступлений — расточительство. В-третьих, Генеральный Регламент и Наказ земским дьякам от 20 апреля 1720 г. закрепляли такой состав преступлений как подлог, т.е. искажение документа с помощью печати или фальшивых поправок.

Необходимо отметить, что Петр I понимал, что одним ужесточением мер коррупцию в стране не искоренить. В связи с чем император, во-первых, пытался создавать необходимые условия для правильной деятельности должностных лиц. Он обнадеживал их «своею особливою протекцией и высокою милостию» и обещал «по учиненной пробе в верности во всемилостивейшей памяти содержать и по заслугам награждать»⁹. Во-вторых, в Указе 1724 г. Петр I установил, что для достижения положительных результатов и успешной борьбы со взяточничеством необходим положительный пример чиновников высшего ранга, служба которых должна быть безупречной. Принцип равенства юридической ответственности всех должностных лиц является важной гарантией эффективной деятельности аппарата государства.

Как и Петр I, Екатерина II одновременно с борьбой против коррупционных преступлений посредством мер наказания старалась найти и создать общие условия, способствующие искоренению данного вида преступлений.

В первой половине XIX в. основными источниками уголовного права являлись: Свод законов Российской империи, принятый в 1832 г., и Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, принятое в 1845 г. В пятом разделе Свода законов была введена ответственность чиновников за должностные преступления. В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. правонарушения должностных лиц, так же как и в Своде законов, сведены в пятый раздел «О преступлениях и проступках по службе государственной и общественной»¹⁰.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. закрепляло некоторые виды правонарушений, которые можно считать подпадающими под понятие коррупционных, это неисполнение именных или объявляемых

в установленном порядке высочайших указов и повелений и указов Правительствующего сената, а также других присутственных мест, необъявление поступивших к чиновникам или рассылаемых для обнародования указов и постановлений, мздоимство и лихоимство, превышение власти и ее бездействие, присвоение и растрата, подлог и некоторые другие.

Мздоимству и лихоимству (или взяточничеству) посвящена шестая глава пятого раздела Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Несмотря на то, что данная глава называется «О мздаимстве и лихоимстве», определение этих понятий в рассматриваемом законе отсутствует. На основании судебной практики можно прийти к выводу, что мздоимство — это получение взятки должностным лицом и совершение им действий или бездействия в пределах круга его полномочий, а лихоимство — это получение должностным лицом взятки за совершение им действий или бездействия, нарушающих его служебные обязанности.

Наказания за коррупционные преступления предусматривались как уголовные, так и исправительные. Согласно Уложению самым строгим наказанием признавалось лишение всех прав состояния и ссылки в каторжные работы в рудниках без срока. В случае если лицо могло подвергаться телесным наказаниям, то дополнительным наказанием являлись удары плетьюми чрез палачей с наложением клейм.

Уложение предусматривало исправительные наказания за коррупционные правонарушения, такие как: отстранение от должности или увольнение со службы; заключение на время от одного года до двух лет в крепости; лишение всех благ, прав, преимуществ и привилегий; ссылка в Томскую или Тобольскую губернии на постоянное проживание; тюремное заключение на срок от одного до двух лет; выговор или замечание и др.

Однако следует сказать, что в XIX в. должностные лица могли избежать юридической ответственности. В частности, возбудить уголовное дело против должностного лица было возможно только с согласия его начальника. На стадии окончания предварительного расследования также решение о предании обвиняемого суду или прекращении уголовного дела принималось совместно с начальником обвиняемого. Более того, по делам о должностных преступлениях существовала привилегированная подсудность. По свидетельству Н.В. Муравьева, строгие наказания, установленные во многих статьях раздела V Уложения о наказаниях, на практике применялись крайне редко. Так, «из общего количества приговоренных за служебные пре-

⁸ Развитие русского права второй половины XVII–XVIII вв. М., 1992.

⁹ ПСЗ. Т. VI. № 3534.

¹⁰ Российское законодательство X–XX веков. Законодательство первой половины XIX века. М., 1988. Т. 6.

ступления приговаривается к уголовным наказаниям только 0,3%». Оправдательных же приговоров по данной категории дел за период с 1872 по 1876 г. было вынесено 60%¹¹.

Александр II продолжил работу по борьбе с коррупционными преступлениями. В ноябре 1862 г. он издал указ «Об изыскании причин и представлении средств к исполнению сей язвы». После чего Сенат созвал специальный комитет по изучению этого явления. В результате своей деятельности комитет пришел к выводу, что причинами коррупционных преступлений являются: во-первых, несовершенство законов, которые закрепляют строгие наказания, но допускают способы избежать его; во-вторых, бедственное (близкое к нищете) положение большей части чиновников, которое даже самого благорасположенного и нравственного чиновника превращает во врага правительству; в-третьих, отсутствие деления преступлений, совершенных из жадности и корысти и совершенных из нужды.

Следует отметить, что во второй половине XIX в. определенная часть должностных лиц не получала жалования. В частности, такой вид мировых судей как почетные мировые судьи рассматривали дела на безвозмездной основе.

В предреволюционный период, в 1911 г., министр юстиции И.Г. Щеглов внес в Государственную Думу развернутый законопроект

«О наказуемости лиходейства». Согласно данному законопроекту дача взятки считалась самостоятельным преступлением, а взяткодатель признавался виновным независимо от будущих действий взяткополучателя. Виновность последнего признавалась лишь при неисполнении им служебных обязанностей либо злоупотреблении властью. Однако данный законопроект не был принят, ввиду того что, вероятно, Николай II считал, что его принятие будет затруднять борьбу с коррупцией.

И только спустя пять лет, в связи с процветанием коррупции во время Первой мировой войны, в чрезвычайном порядке был издан Закон от 31 января 1916 г., который ужесточил наказание за коррупционные преступления.

Таким образом, анализ природы возникновения коррупции и истории антикоррупционного законодательства показал, что ужесточение мер юридической ответственности не способствует искоренению или, по меньшей мере, сдерживанию роста коррупционных правонарушений. Противодействовать коррупции, как показало наше исследование, при помощи одних лишь юридических санкций невозможно. Нормы права действуют эффективно лишь в условиях сложившейся и устоявшейся системы морально-нравственных принципов, а также в условиях экономической, социальной и политической стабильности государства.

¹¹ Голованова Е.И. Правовые основы борьбы с коррупцией в России в XVI–XIX вв. (историко-правовое исследование) : дис. ...канд. юрид. наук. М., 2002.

Литература

1. Богословский М. Петр Великий и его реформа / М. Богословский. М. : Центр. т-во «Кооперативное изд-во», 1920. 117 с.
2. Борисов А.В. Полиция Российской империи : монография / А.В. Борисов, А.Я. Малвгин, Р.С. Мулукаев. М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2014. 319 с.
3. Васильев С.А. Формы, направления и способы антикоррупционного мировоззрения / С.А. Васильев, С.С. Зенин // Юридический мир. 2015. № 3. С. 20–25.
4. Волженкин Б.В. Ответственность за взятничество по российскому уголовному законодательству второй половины XIX — начала XX в. / Б.В. Волженкин // Правоведение. 1991. № 2. С. 60–68.
5. Голованова Е.И. Правовые основы борьбы с коррупцией в России в XVI–XIX вв. (историко-правовое исследование) : дис. ...канд. юрид. наук / Е.И. Голованова. М., 2002. 187 с.
6. Дювернуа Н.Л. Источники права и суд в древней России / Н.Л. Дювернуа. М. : Университетская тип., 1869. 416 с.
7. Зенин С.С. Политико-правовые идеи Д. Дидро о власти сквозь призму современных конституционных ценностей / С.С. Зенин // История государства и права. 2013. № 19. С. 2–6.
8. Рубаник В.Е. Государство, право и суд в Киевской Руси: историко-юридический очерк / В.Е. Рубаник. М. : Юрлитинформ, 2013. 352 с.
9. Соловьев С.М. История России с древнейших времен / С.М. Соловьев. М. : Соцэкгиз, 1962. Кн. VII (т. 13–14). 726 с.
10. Чуманов А.В. Правовая политика в сфере противодействия коррупции в России (вопросы теории и истории) : дис. ...канд. юрид. наук / А.В. Чуманов. Волгоград. 2007. 261 с.

References

1. Bogoslovsky M. Petr Velikiy i ego reforma [Peter the Great and His Reform] / M. Bogoslovsky. Moskva : Tsentr. t-vo «Kooperativnoe izd-vo» — Central partnership Cooperative Publishing House, 1920. 117 s.
2. Borisov A.V. Politsiya Rossiyskoy imperii : monografiya [Police of the Russian Empire : monograph] / A.V. Borisov, A.Ya. Malvgin, R.S. Mulukaev. Moskva : YUNITI-DANA : Zakon i pravo — Moscow : YUNITI-DANA : Act and Law, 2014. 319 s.
3. Vasilyev S.A. Formy, napravleniya i sposoby' antikorrupcionnogo mirovozzreniya [Forms, Areas and Means of Anti-Corruption Worldview] / S.A. Vasilyev, S.S. Zenin // Yuridicheskiy mir — Legal World. 2015. № 3. S. 20–25.

4. Volzhenkin B.V. Otvetstvennost za vzyatochnichestvo po rossiyskomu ugovnomu zakonodatelstvu vtoroy poloviny XIX — nachala XX v. [Liability for Bribery under the Russian Criminal Laws of the Second Half of the XIX to the Early XX Century] / B.V. Volzhenkin // Pravovedenie — Legal Studies. 1991. № 2. S. 60–68.
5. Golovanova E.I. Pravovy'e osnovy' borby' s korrupsiei v Rossii v XVI–XIX vv. (istoriko-pravovoe issledovanie) : dis. ... kand. yurid. nauk [Legal Grounds of Corruption Combating in Russia in the XVI to the XIX Century (Historical and Legal Research) : thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / E.I. Golovanova. Moskva — Moscow, 2002. 187 s.
6. Duvernois N.L. Istochniki prava i sud v drevney Rossii [Law Sources and Court in the Ancient Russia] / N.L. Duvernois. Moskva : Universitetskaya tip. — Moscow : University printing office, 1869. 416 s.
7. Zenin S.S. Politiko-pravovy'e idei D. Didro o vlasti skvoz prizmu sovremenny'kh konstitutsionny'kh tsennostey [D. Diderot's Political and Legal Ideas about Power from the Perspective of Modern Constitutional Values] / S.S. Zenin // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2013. № 19. S. 2–6.
8. Rubanik V.E. Gosudarstvo, pravo i sud v Kievskoy Rusi: istoriko-yuridicheskiy ocherk [Government, Law and Court in the Kievian Rus: a Historical and Legal Essay] / V.E. Rubanik. Moskva : Yurlitinform, 2013. 352 s.
9. Solovyev S.M. Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen [Russian History from the Ancient Times] / S.M. Solovyev. Moskva : Sotsekgiz — Moscow : Publishing House of Socioeconomic Literature, 1962. Book VII (Vol. 13–14). 726 s.
10. Chumanov A.V. Pravovaya politika v sfere protivodeystviya korrupsii v Rossii (voprosy' teorii i istorii) : dis. ... kand. yurid. nauk [The Legal Policy in Combating Corruption in Russia (Issues of Theory and History) : thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / A.V. Chumanov. Volgograd — Volgograd, 2007. 261 s.

DOI : 10.18572/1812-3805-2018-3-28-33

Проект государственных реформ М.М. Сперанского

*Беляева Ольга Маратовна,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Казанского (Приволжского) федерального университета,
кандидат юридических наук, доцент
olga.believa@mail.ru*

М.М. Сперанский — представитель российского либерализма и видный реформатор, разработал в 1809 г. проект государственных преобразований страны, который, к сожалению, так и не был до конца реализован на практике. В историю Российской империи Сперанский вошел как великий кодификатор, при непосредственном руководстве которого была проведена систематизация российских законов, начиная с «Уложения» 1649 г. царя Алексея Михайловича до конца царствования Александра I.

Ключевые слова: разделение властей, Государственная Дума, министерства, Сенат, государство, самодержавие, крепостное право, коренные законы, Свод законов Российской империи, кодификация права.

The Project of M.M. Speransky's Government Reforms

*Belyaeva Olga M.
Assistant Professor of the Department of Theory and History of State
and Law of the Kazan (Volga Region) Federal University
Candidate of Legal Sciences
Assistant Professor*

M.M. Speransky is a representative of Russian liberalism and outstanding reformist; in 1809 he developed a project of state reforms which has not been thoroughly implemented in practice, unfortunately. M.M. Speransky entered the history of the Russian empire as a great codifier; he directly guided the process of systematization of the Russian laws from Aleksey Mikhailovich Code of 1649 up to the end of the reign of Alexander I.

Keywords: division of authorities, State Duma, the Ministries, the Senate, state, autocracy, serfdom, indigenous laws, the Code of laws of the Russian Empire, law codification.

Михаил Михайлович Сперанский (1772–1839) — видный государственный деятель, ре-

форматор, кодификатор, автор проекта государственных преобразований России. Именно

при Сперанском были подготовлены и изданы «Полное собрание законов Российской империи» в 45 томах (1830) и «Свод законов Российской империи» в 15 томах (1832–1839). Сперанский явился инициатором создания Государственного совета в 1810 г. и реорганизации министерств. Сперанский мыслил создать Государственную Думу как законодательный орган, сформированный на выборных демократических началах. В проектах реформатора была и отмена крепостного права, которая планировалась в два этапа. Сначала необходимо было законодательно ограничить власть помещиков над крепостными, определив размер крестьянских повинностей и разрешив крестьянам выкупать землю. Затем вернуть крестьянам древнее право перехода — Юрьев день. «Крепостничество несовместимо с цивилизованной государственностью», — отмечал Сперанский.

Россия ждет перемен, был убежден Сперанский, но не революционным путем, как в странах Запада, а исключительно эволюционным, «через правильные законы», жалованные императором народу. Как указывают исследователи¹, в творчестве Сперанского буржуазное юридическое мировоззрение приспосабливается к феодальному порядку России.

М. Сперанский родился в семье сельского священника Третьякова во Владимирской губернии. В духовной семинарии мальчик поражал своих учителей так, что ему дали другую фамилию — Сперанский (от лат. *speranto* — надежда). Вскоре Сперанский устраивается личным секретарем у князя А.Б. Куракина. При вступлении на престол Павла А.Б. Куракин назначается генерал-прокурором Сената, а Сперанский переходит на работу в министерство внутренних дел. Поскольку министр В.П. Кочубей часто болел, доклады государю делал М.М. Сперанский. Нетрудно догадаться, что его дарования, интеллект и энергия были замечены Александром I, и император приблизил его к себе. В 36 лет Сперанский приобрел большую известность не только в России, но и за границей. Рассказывали, будто бы во время встречи Александра I с Наполеоном в Эрфурте в 1808 г. Наполеон так оценил достоинства Сперанского: «Не угодно ли Вам будет, государь, променять этого человека на какое-либо королевство?»².

Самостоятельно изучив политическую литературу на английском, французском и немецком языках, Сперанский испытывал воздействие Вольтера и французских энцикло-

педистов. Де Местр, встретившийся со Сперанским в Петербурге, характеризовал его в «Петербургских письмах» как последователя и «великого обожателя» И. Канта³. Также Сперанский специально приезжал в Берлин в 1830 г. для бесед с действующим министром юстиции Пруссии Ф.К. фон Савиньи. А в ходе подготовки государственного проекта преобразований 1908 г. Сперанский переводит работы Монтеスキё, Бенгтама, Юма, конституцию Франции и ряд английских конституционных законов⁴. Биограф Сперанского, барон М.А. Корф, усматривал причину блестящей карьеры Сперанского в том, что «он далеко превосходил всех своих сотоварищей по способностям»⁵.

О государстве и праве

Государство как общественный союз, по Сперанскому, есть надклассовая организация, созданная «для пользы и безопасности людей», подвластных закону. Высшая «державная» власть вручена монарху для твердого соблюдения закона⁶.

Государство, пишет Сперанский, — это договор, основанный на соглашении народа и правительства, в соответствии с которым индивиды передают власти известное количество своих прав: физических сил (они образуют войско), финансовых средств (деньги) и уважения (почести)⁷. Главное, чтобы был баланс этих сил в государстве, а правительство умело ими распоряжаться.

Право по Сперанскому — это являющаяся результатом общественного согласия нравственно оправданная мера свободы лица, охраняемая публичной властью. Исходя из этого, реформатор отвергает существование естественных прав в качестве субъективных притязаний, «определяемых одним чистым разумом»⁸. Естественными, по мнению Сперанского, могли быть законы, а не право. Иными словами, право — это результат нескольких волей, которые выражены в законе,

³ История политических и правовых учений / под ред. О.Э. Лейста, В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2009. С. 414.

⁴ Графский В.Г. История политических и правовых учений. М.: Проспект, 2005. С. 408.

⁵ Исаев И.А., Золотухина Н.М. История политических и правовых учений России. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 231.

⁶ Рассолов М.М. История политических и правовых учений. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. С. 306.

⁷ Мухаев Р.Т. История политических и правовых учений. М.: Приор-издат, 2004. С. 559.

⁸ Козлихин И.Ю., Поляков А.В., Тимошина Е.В. История политических и правовых учений. СПб.: Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, Изд.-во юрид. фак-та СПбГУ, 2007. С. 572.

¹ История политических и правовых учений / под ред. О.В. Мартышина. М.: Норма, 2007. С. 408.

² Там же. С. 407.

т.е. результат согласия, юридически оформленный государством⁹.

Поскольку Сперанский был приверженцем исторической школы права, он рассматривает право как явление, необходимо сопровождающее общество на всех этапах его исторического развития: от семейного и родового союзов до гражданского общества и государства. Сперанский не возражает против заимствования чужого опыта при составлении законов, но призывает делать это с осторожностью. Законодатель должен знать свой народ, чувствовать свое время и «помнить, что каждая страна и каждый век имеют свою физиономию»¹⁰. Реформатор считает недопустимым произвольное законодательное вмешательство в органическое, естественное развитие права, созданного «народным духом». И поэтому неэффективно заимствование правовых институтов, поскольку они созданы «духом» другого народа¹¹.

План конституционных реформ империи

Представляя императору в 1809 г. план государственных преобразований России — «Введение к Уложению государственных законов», Сперанский объяснял необходимость реформ тем, что «настоящая система правления несвойственна уже более состоянию общественного духа и... настало время переменить ее и основать новый вещей порядок» во избежание «жестких политических превращений»¹². В противном случае неизбежен «переход от феодального правления к республиканскому», но этот процесс будет сопровождаться революционными потрясениями¹³.

Как отмечается в литературе¹⁴, записки и проекты Сперанского 1809 г. гораздо радикальнее прежних. Вместе с тем в них содержится много ссылок на практику Франции, Англии, «Соединенных Американских областей» и др.

Уже в 1803 г. при непосредственном участии Сперанского был подготовлен знаменитый Указ о вольных хлебопашцах, восприня-

тый косным душевладельческим дворянством чуть ли не как начало революции. Согласно этому указу помещики получили право отпустить крепостных на «волю», наделяя их землей, за которую надо было платить долгие годы¹⁵. По некоторым данным, за годы царствования Александра I по данному указу было освобождено порядка 37 тысяч человек.

В 1809 г. реформатор принял два закона о чиновниках, согласно которым были введены квалификационные требования к чиновникам, а именно, наличие аттестата об университетском образовании или сдача экзаменов на государственный чин в объеме университетского курса по весьма обширному списку предметов.

В целях предотвращения революции Сперанский предлагает Александру I дать стране конституцию, которая должна будет только «облечь правление самодержавное всеми, так сказать, внешними формами закона, оставив в существе его ту же силу и то же пространство самодержавия»¹⁶. Однако, подчеркивал реформатор, конституция останется лишь бумагой, если у законодательной власти не будет сил заставить исполнительную власть ее соблюдать. Поэтому коренные законы государства должны быть «столько неподвижными и непеременимыми, чтобы никакая власть преступить их не могла»¹⁷.

Цель преобразований Сперанский видел в том, чтобы «правление, доселе самодержавное, постановить и учредить на непрременном законе»¹⁸. «В государстве должны быть три власти («силы»), одна из них «действует в образовании закона, другая — в исполнении, третья — в части судной». «Нельзя основать правление на законе, если одна державная власть будет и составлять закон, и исполнять его»¹⁹.

Иными словами, Сперанский предлагал установить в России конституционную монархию, в которой был бы проведен принцип разделения властей.

Проект государственных преобразований Сперанского предусматривал проведение ряда реформ: 1) государственного строя, 2) законодательства, 3) отмены крепостного права.

Законодательная власть, по замыслу Сперанского, отводится Государственной Думе, власть исполнительная находится у министров и правительства (в дальнейшем должен быть создан Правительствующий сенат), а су-

⁹ Земцов Б.Н. История политических и правовых учений. М.: Юрайт, 2015. С. 296.

¹⁰ Нерсисянц В.С. История политических и правовых учений. М.: Норма, 2007. С. 464.

¹¹ История государственно-правовых учений / отв. ред. В.В. Лазарев. М.: Спарк, 2006. С. 566.

¹² Там же. С. 563.

¹³ История политических и правовых учений / под ред. О.В. Мартышина. М.: Норма, 2007. С. 410.

¹⁴ История политических и правовых учений / под ред. О.Э. Лейста, В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2009. С. 414.

¹⁵ Рассолов М.М. Указ. соч. С. 305.

¹⁶ Правовая мысль: Антология / науч. ред.-сост. В.П. Малахов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011. С. 373.

¹⁷ Там же. С. 920.

¹⁸ Радько Т.Н. Теория государства и права: Хрестоматия. М.: Академический Проект, 2005. С. 122.

¹⁹ Правовая мысль: Антология. С. 373.

дебную власть необходимо передать Сенату и судам (волостным, окружным и губернским). Предполагалось, что Сенат будет разделен на фактически два органа: Сенат правительствующий и Сенат судебный. В силу различных причин Сенат так и не был реформирован при Сперанском, да и сам реформатор пришел к выводу, что эти изменения нужно отсрочить.

Сперанский предусматривает и существование четвертой власти — власти державной, которая концентрируется в руках самого императора и носит всеохватывающий характер: «В порядке законодательном никакой закон не может иметь силы, если не будет утвержден державной властью. В порядке исполнительном все уставы и учреждения воспринимает силу и действие от державной власти. В порядке судебном охранение правосудия и утверждение судей, избрание предназначенных принадлежит державной власти. Державная власть на всем пространстве заключается в особе императора»²⁰.

Кроме того, при императоре создается Государственный совет, назначение которого — соединить высшую законодательную, исполнительную и судебную власти. Члены Государственного совета назначаются императором «из мудрейших и более знания имеющих в делах» людей, «особ высочайшей доверенностью в сословие сие призываемых». Первым председателем Государственного совета стал канцлер граф Н.П. Румянцев, а Сперанский был назначен государственным секретарем. Совет состоял из 4 департаментов: «законов, дел военных, гражданских и духовных, государственной экономии». Этот орган был призван предварительно рассматривать законопроекты, которые затем поступали к императору, а потом передавались в Государственную Думу на одобрение.

Дума заседает сессионно и состоит из двух палат. «Никакой новый закон не может быть издан без уважения Думы. Установление новых податей, налогов и повинностей уважается в Думе». Законы, «коиными вводятся кака-либо перемена в отношении государственных или в отношении частных лиц между собой», утверждаются исключительно Государственной Думой. Закон, отвергнутый большинством голосов Думы, оставляется без действия (это единственный случай, когда воля депутатов Госдумы может противостоять воле императора).

В период с 1810 по 1811 г. была реорганизована работа центральных исполнительных органов, а именно, реформирована министерская система управления. Так, упразднена

министерство коммерции, дела которого распределялись между министерствами финансов и внутренних дел, для решения дел о внутренней безопасности было образовано министерство полиции. Учрежденные новые ведомства — государственного контроля, духовных дел иностранных вероисповеданий и путей сообщения — стали существовать со значением министерств²¹. Министры теперь ответственны перед Государственной Думой и отчитываются перед ней за свою деятельность.

Верховным органом судебной власти является Сенат судебный, назначаемый из числа кандидатов, рекомендованных губернскими думами. Для рассмотрения особо важных преступлений (государственная измена, бунт и т.п., а также преступлений, совершенных членами Госсовета и Госдумы) предусматривается создание особого суда при Сенате — Верховного уголовного суда, состав которого формирует сам император из числа сенаторов, членов Госсовета и депутатов Госдумы.

Более того, Сперанский не просто последовательно проводит принцип разделения властей, но закладывает в нем систему сдержек и противовесов:

«1) законодательное сословие должно быть так устроено, чтобы оно не могло совершать своих положений без державной власти, но чтобы мнения его были свободны и выражали бы собою мнение народное;

2) сословие судебное должно быть так образовано, чтобы в бытии своем оно зависело от свободного выбора, и один только надзор форм судебных и охранение общей безопасности принадлежали правительству;

3) власть исполнительная должна быть вся исключительно вверена правительству; но поскольку власть эта распоряжениями своими под видом исполнения законов не только могла бы обезобразить их, но и совсем уничтожить, то и должно ее поставить в ответственность от власти законодательной»²².

О форме государственного устройства

По форме государственного устройства «Российская империя есть государство нераздельное, монархическое, управляемое державной властью по законам государственным».

В административно-территориальном устройстве Российская империя состоит из областей и губерний. Областей всего 5: Сибирь, край Кавказский и Астраханский с Грузией, край Оренбургский, земли донских каза-

²⁰ Радько Т.Н. Указ. соч. С. 127.

²¹ Рубаник В.Е., Рубаник С.А. История политических и правовых учений. М.: Волтерс Клаувер, 2011. С. 240.

²² Правовая мысль: Антология. С. 373.

ков и край Новороссийский. Вся оставшаяся территория империя была поделена на губернии, которые, в свою очередь, имели в своем составе округа и волости.

Реформаторская деятельность Сперанского вызывала против него сильное раздражение и интриги со стороны реакционного дворянства, которое не желало никаких преобразований. Политическим антиподом Сперанского стал консерватор Н.М. Карамзин. В записке «О древней и новой России» он писал, что «государственные преобразования, совершаемые Сперанским, есть не что иное, как произвольное подражание революционной Франции, которая является очагом революционной заразы и безбожия». В марте 1813 г. по доносу о шпионаже Сперанского в пользу Франции реформатор был отстранен императором от всех должностей и сослан сначала в Нижний Новгород, а затем в Сибирь. Только в 1821 г. Сперанскому было позволено вернуться в Петербург. Однако здоровье реформатора было окончательно подорвано.

О систематизации законодательства

В 1826 г. император Николай I поручил Сперанскому составление свода законов Российской империи. Комиссией под руководством Сперанского «Полное собрание законов Российской империи» было инкорпорировано за четыре года и составило 45 томов, изложенных последовательно в историко-хронологическом порядке начиная с Соборного Уложения 1649 г. царя Алексея Михайловича до конца царство-

вания Александра I. А к 1839 г. было подготовлено 15-томное издание, кодифицирующее действующее российское законодательство — «Действующий свод законов Российской империи». Николай I пожаловал за этот труд Сперанскому графский титул (1839) и наградил орденом св. Андрея Первозванного (1833).

Р.С. Николай I, узнав о смерти Сперанского, сказал М.А. Корфу: «Я нашел в нем самого верного и ревностного слугу, с огромною опытностью, с неустававшею никогда деятельностью. Теперь все знают, чем я, чем Россия ему обязаны, и клеветники давно замолчали».

Последующие реформы во многом реализовали проекты Сперанского: в 1864 г. Сенат был преобразован преимущественно в судебный орган, а в 1905 г. созвана I-я Государственная Дума. Многие исследователи с уверенностью утверждают, что если бы проект Сперанского был своевременно применен в Российской империи, то февральской революции могло бы и не быть.

К сожалению, реализация проектов Сперанского растянулась во времени: частично их осуществил Александр II, а ограничение верховной власти «на непрременном законе» опоздало на сто лет и было произведено только при Николае II, но эти запоздалые меры уже не смогли обеспечить эволюционный путь развития России к новым формам жизни, как о том мечтал Сперанский²³.

²³ Нерсесянц В.С. Указ. соч. С. 467.

Литература

1. Графский В.Г. История политических и правовых учений / В.Г. Графский. М. : Проспект, 2005. 600 с.
2. Земцов Б.Н. История политических и правовых учений / Б.Н. Земцов. М. : Юрайт, 2015. 440 с.
3. Исаев И.А. История политических и правовых учений России / И.А. Исаев, Н.М. Золотухина. М. : Норма: ИНФРА-М, 2013. 592 с.
4. История государственно-правовых учений / отв. ред. В.В. Лазарев. М. : Спарк, 2006. 672 с.
5. История государственно-правовых учений : хрестоматия / под ред. В.В. Лазарева. М. : Спарк, 2006. 1071 с.
6. История политических и правовых учений / под ред. О.В. Мартышина. М. : Норма, 2007. 912 с.
7. История политических и правовых учений / под ред. О.Э. Лейста, В.А. Томсинова. М. : Зерцало, 2009. 584 с.
8. Козлихин И.Ю. История политических и правовых учений / И.Ю. Козлихин, А.В. Поляков, Е.В. Тимошина. СПб. : Изд. дом С.-Петербур. гос. ун-та, Изд-во юрид. фак-та СПбГУ, 2007. 856 с.
9. Мухаев Р.Т. История политических и правовых учений / Р.Т. Мухаев. М. : Приор-издат, 2004. 608 с.
10. Нерсесянц В.С. История политических и правовых учений / В.С. Нерсесянц. М. : Норма, 2007. 704 с.
11. Правовая мысль : Антология / науч. ред.-сост. В.П. Малахов. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2011. 903 с.
12. Радько Т.Н. Теория государства и права : Хрестоматия / Т.Н. Радько. М. : Академический Проект, 2005. 720 с.
13. Рассолов М.М. История политических и правовых учений / М.М. Рассолов. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2010. 431 с.
14. Рубаник В.Е. История политических и правовых учений / В.Е. Рубаник, С.А. Рубаник. М. : Волтерс Клувер, 2011. 432 с.

References

1. Grafsky V.G. Istoriya politicheskikh i pravovy'kh ucheniy [History of Political and Legal Doctrines] / V.G. Grafsky. Moskva : Prospekt — Moscow : Prospect, 2005. 600 s.
2. Zemtsov B.N. Istoriya politicheskikh i pravovy'kh ucheniy [History of Political and Legal Doctrines] / B.N. Zemtsov. Moskva : Yurayt — Moscow : Urait, 2015. 440 s.
3. Isaev I.A. Istoriya politicheskikh i pravovy'kh ucheniy Rossii [History of Russian Political and Legal Doctrines] / I.A. Isaev, N.M. Zolotukhina. Moskva : Norma : INFRA-M — Moscow : Norm : INFRA-M, 2013. 592 s.
4. Istoriya gosudarstvenno-pravovy'kh ucheniy / отв. red. V.V. Lazarev [History of State and Legal Doctrines] Moskva : Spark — Moscow : Spark, 2006. 672 s.

5. Istoriya gosudarstvenno-pravovy'kh ucheniy : khrestomatiya / pod red. V.V. Lazareva [History of State and Legal Doctrines : anthology] Moskva : Spark — Moscow : Spark, 2006. 1071 s.
6. Istoriya politicheskikh i pravovy'kh ucheniy / pod red. O.V. Marty'shina [History of Political and Legal Doctrines] Moskva : Norma — Moscow : Norm, 2007. 912 s.
7. Istoriya politicheskikh i pravovy'kh ucheniy / pod red. O.E. Leysta, V.A. Tomsinova [History of Political and Legal Doctrines] Moskva : Zertsalo — Moscow : Mirror, 2009. 584 s.
8. Kozlikhin I.Yu. Istoriya politicheskikh i pravovy'kh ucheniy [History of Political and Legal Doctrines] / I.Yu. Kozlikhin, A.V. Polyakov, E.V. Timoshina. Sankt-Peterburg : Izd. dom S.-Peterb. gos. un-ta, Izd-vo yurid. fak-ta SPbGU — Saint Petersburg : Publishing house of the St. Petersburg State University, Publishing house of the Law Faculty of the SPbSU, 2007. 856 s.
9. Mukhaev R.T. Istoriya politicheskikh i pravovy'kh ucheniy [History of Political and Legal Doctrines] / R.T. Mukhaev. Moskva : Prior-izdat — Moscow : Prior-izdat, 2004. 608 s.
10. Nersesyants V.S. Istoriya politicheskikh i pravovy'kh ucheniy [History of Political and Legal Doctrines] / V.S. Nersesyants. Moskva : Norma — Moscow : Norm, 2007. 704 s.
11. Pravovaya mysl : Antologiya / nauch. red.-sost. V.P. Malakhov [Legal Thought : anthology] Moskva : YUNITI-DANA — Moscow : YUNITI-DANA, 2011. 903 s.
12. Radko T.N. Teoriya gosudarstva i prava : Khrestomatiya [Theory of State and Law : Anthology] / T.N. Radko. Moskva : Akademicheskii Proekt — Moscow : Academic Project, 2005. 720 s.
13. Rassolov M.M. Istoriya politicheskikh i pravovy'kh ucheniy [History of Political and Legal Doctrines] / M.M. Rassolov. Moskva : YUNITI-DANA — Moscow : YUNITI-DANA, 2010. 431 s.
14. Rubanik V.E. Istoriya politicheskikh i pravovy'kh ucheniy [History of Political and Legal Doctrines] / V.E. Rubanik, S.A. Rubanik. Moskva : Volters Kluver — Moscow : Wolters Kluwer, 2011. 432 s.

DOI : 10.18572/1812-3805-2018-3-33-37

История развития общественного контроля в дореволюционной России

*Бердникова Елена Валерьевна,
доцент кафедры конституционного и муниципального права
Саратовского национального исследовательского
государственного университета имени Н.Г. Чернышевского,
кандидат политических наук, доцент
brev79@yandex.ru*

Статья посвящена исследованию генезиса и развития общественного контроля в Российском государстве в период, предшествующий Октябрьской революции 1917 года. Автор развивает идею о том, что, несмотря на абсолютистский тип монархической власти рассматриваемого периода, в России были изначально сформированы основы участия общественности в решении политических вопросов. Элементы демократии в управлении государством носили не столько естественный характер, сколько зачастую искусственно и патерналистски стимулировались самим правительством, что во многом обусловило специфическую природу российского гражданского общества и функциональную своеобразность взаимоотношений с властными структурами. Акцентировано внимание на важной роли первых Государственных Дум в активизации народного сознания и, как следствие, в переходе на новый этап развития основ общественного строя.

Ключевые слова: гражданское общество, общественный контроль, вече, земства, демократия, Земские соборы, общественные организации, Государственная Дума.

History of Public Control Development in Pre-Revolutionary Russia

*Berdnikova Elena V.
Assistant Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law
of the Saratov State University
Candidate of Political Sciences
Assistant Professor*

The article is devoted to the investigation of the genesis and development of public control in the Russian state in the period preceding the October Revolution of 1917. The author develops the idea that despite the

absolutist type of monarchical power of the period under consideration, in Russia the foundations of public participation in solving political issues were initially formed. The elements of democracy in state administration were not so much a natural one, but as many, often artificially and paternally, stimulated by the government itself, which in many respects determined the specific nature of Russian civil society and the functional originality of relationships with the government structures. The attention is focused on the important role of the first State Duma in the activation of popular consciousness, and, as a consequence, in the transition to a new stage in the development of the foundations of the social system.

Keywords: civil society, public control, veche, zemstva, democracy, Zemsky Sobor, public organizations, the State Duma.

Развитие Российского государства на всем протяжении своей многовековой истории характеризовалось противостоянием государственного и общественного элементов в системе публичного управления: верховная власть стремилась к авторитаризации государства, стараясь всеми средствами исключить возможность реализации народного суверенитета, но вместе с тем окончательно подавить волю народа ей не удавалось, и граждане, которые были всецело заинтересованы в участии в управлении делами государства, периодически заявляли о своем желании на представительство. Долгие годы монопольного доминирования государства во всех сферах общественных отношений обусловили продолжительное, по сравнению с западными странами, отсутствие полноценного гражданского общества.

Так или иначе, традиции учета общественного мнения в государственном управлении были заложены еще в период развития Древнерусского государства, проявившись в форме вечевых собраний, возникших в X в. из племенных собраний славян и предоставлявших народу определенную возможность воздействовать на политическую жизнь и в дальнейшем пришедших им на смену в XVI в. Земских соборов. Они представляли собой исторические прототипы современных общественных обсуждений и публичных слушаний, создаваемые для рассмотрения наиболее важных общественно значимых вопросов. Конечно, в классическом правопонимании народовластия данные институты носили квазидемократический характер по причине ограничительных механизмов всеобщего волеизъявления и реализации в первую очередь интересов князя, обеспечивая легитимность принимаемых решений. Однако широкий круг вопросов, выносимых на вече для обсуждения, позволяет говорить о его высоких функциональных возможностях в сфере законодательной, исполнительной и даже судебной власти.

Как и вече, Земские соборы, привлекая отдельные категории населения к правотворческому процессу, решению вопросов политической и экономической значимости, войны и мира, играли важную роль и в обеспечении

открытости государственного управления, и в выражении общественного мнения.

Опыт народовластия оказался под угрозой в связи с процессами абсолютизации власти. Совершенно понятно, что абсолютизм как форма государственного управления, утвердившаяся и просуществовавшая в России вплоть до начала XX в., препятствовал формированию основ гражданского общества и развитию частной инициативы. Однако и категорично утверждать, что в царской России отсутствовали даже зачатки политически активных общественных структур, было бы неверным. Так, С.А. Котляревский указывал, что «...и в абсолютистском государстве общественное мнение и даже общественное настроение представляет несомненную силу, с которой правительство, хотя и не принуждаемое к этому никаким текстом закона, на деле считается»¹.

Думается, что в дореволюционной России важным этапом генезиса гражданского общества становится период царствования Александра II, правление которого ознаменовалось целой плеядой реформ, способствовавших развитию частных интересов. Как отмечает О.Д. Попова, особая ценность заключалась даже не в содержании самих преобразований, а в том, что к их подготовке привлекались представители общественности².

Большинство исследователей сходятся во мнении, что особую роль в реформационном процессе сыграло создание земств, призванных решать вопросы местного самоуправления. Следует отметить, что земские учреждения были практически полностью лишены каких-либо контрольных функций в отношении органов государственной власти, однако идеи участия представителей данных структур в процессе принятия государственных решений обсуждались на правительственном уровне. Например, в записке министра вну-

¹ Котляревский С.А. Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора. С.-Петербург: Типография Альшутера, 1907. С. 9.

² См.: Попова О.Д. Опыт учета общественного мнения в законотворческом процессе (на примере церковных реформ во второй половине XIX — начале XX века) // История государства и права. 2007. № 8. С. 32–35.

тренних дел П.А. Валуева к Александру II от 13 апреля 1863 г. указывалось на необходимость при проведении земской реформы включения представителей общественности в работу Государственного Совета³.

Одним из весьма прогрессивных реформационных проектов, нацеленных на привлечение народных представителей к участию в осуществлении государственного управления и обеспечивающих открытость законодательного процесса, была так называемая Конституция М.Т. Лорис-Меликова, разработанная в 1881 г. Основной идеей данного документа являлось создание при Государственном Совете Общей комиссии — особого совещательного органа, в который должны были поступать все законопроектные перед их непосредственным обсуждением⁴. Принцип формирования данного органа предусматривался смешанный: часть членов назначалась Императором, другие были выборные от губерний и городов. Слабостью этого проекта являлся совещательный характер решений, выносимых Общей комиссией, таким образом, Государственный Совет мог принимать законы и при их негативной оценке со стороны комиссии.

Следует отметить, что ни Конституция М.Т. Лорис-Меликова, ни иные прогрессивные реформационные проекты, направленные на активизацию гражданского участия и открытость государственного управления, не обрели формального нормативного выражения, хотя к обсуждению отдельных законопроектов все же стали привлекать представителей общественности. Как указывает Б.В. Чернышев, в XVIII–XIX вв. механизм подготовки и принятия законопроектов включал в себя возможность консультирования с обществом. Так, во второй половине XIX в. обсуждение законопроектов проходило не только в министерствах, но и в специальных комитетах, куда приглашались эксперты от общества и сословных организаций дворянства, купечества. При рассмотрении вопросов о снижении выкупных платежей к обсуждению были привлечены 12 экспертов из разных областей России, о спиртных напитках — 32 советника⁵.

Также существовала практика сбора мнений от частных лиц и сословных организаций по готовящейся реформе⁶.

Несмотря на объективные сложности включения представителей земств в процедуру принятия государственных решений, думается, что данные структуры все же имели большое значение в активизации политической роли общества, способствовали самоорганизации общественной инициативы и контроля, развивая и апробируя различные механизмы участия, прежде всего в местном самоуправлении.

Помимо земств важную роль в становлении гражданского общества и формировании основ общественного контроля за деятельностью органов государственной власти во второй половине XIX — начале XX в. сыграли общественные организации. Основы государственно-правового регулирования создания и деятельности общественных организаций были заложены указом Екатерины II об образовании Вольного экономического общества 1762 г. и Уставом благочиния 1782 г., провозгласившими главным условием их функционирования правительственное разрешение⁷.

Вольное экономическое общество создавалось по инициативе власти, однако в его состав входили представители высших кругов интеллигенции, в первую очередь из научного и экономического сообщества. Их деятельность была направлена на реформирование, поддержку государства и одновременно помощь народу⁸.

До принятия в марте 1906 г. Временных правил об обществах и союзах в России не существовало специального нормативного акта, регулирующего основные аспекты образования и деятельности обществ и союзов. Несмотря на отсутствие четкой нормативно-правовой регламентации, общественные организации стали повсеместно создаваться уже на рубеже 60–70-х годов XIX в. Таким образом, в предреволюционное время в России сформировалась широкая сеть обществ и союзов, удовлетворявших потребности населения в образовании, научной деятельности, художественном творчестве, здравоохранении, социальной защите и т.д.

Важную роль в общественном контрольном механизме за деятельностью системы го-

³ См.: Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. Т. I. Конституционное право. С.-Пб.: Типография Спб. Акц. общ. «Слово», 1908. С. 110.

⁴ Там же. С. 111–112.

⁵ См.: Рогачева Л.И. Общественные организации и гражданское общество // Власть. 2010. № 4. С. 28.

⁶ См.: Чернышев Б.В. Разработка и принятие государственных решений в России: уроки истории

(XVIII–XX вв.). Саратов: СЮИ МВД России. 2003. С. 14.

⁷ См.: Туманова А.С. Государственно-правовое регулирование деятельности общественных организаций в России в начале XX века: автореф. дис. ... докт. юрид. наук / Академия управления МВД России. М., 2003. С. 3.

⁸ См.: Халий И.А. Общественные движения в России до конца 1920-х годов: развитие в эпоху трансформаций // Социологический журнал. 2008. № 2. С. 56–57.

сударственного управления играли объединения промышленников и предпринимателей, что во многом было обусловлено активным развитием индустриального сектора экономики, произошедшим на рубеже XIX–XX вв. Формирующиеся предпринимательские слои искали новые способы взаимодействия с властью⁹. Описывая формы воздействия общественности на власть, В.В. Гриб выделяет активно проводившиеся в начале XX в. съезды — дворянские, земские, профессиональные и т.д. Всероссийские и региональные, касавшиеся различных сторон российской жизни — образования, здравоохранения, сельского и городского хозяйства и др., — именно они являлись показателем растущего участия общественности в государственной политике¹⁰.

Одним из основных направлений контроля представителей промышленников и предпринимателей за процедурой принятия государственных решений стало их участие в особых совещаниях при Министерстве торговли и промышленности, главным образом при рассмотрении пакета законопроектов, направленных на регулирование вопросов, связанных с правовым положением и социальными гарантиями наемных рабочих. На протяжении нескольких лет попытки министерства внести в Государственную Думу хотя бы один из этих законопроектов заканчивались неудачей по причине особого контроля и давления со стороны заинтересованных крупных объединений промышленников¹¹.

Реформы 1905–1906 гг. стали новым этапом в становлении гражданского общества в России и развитии общественного контрольного механизма за деятельностью власти, создав правовое поле для его реализации. Институциональные изменения механизма государственного управления, в первую очередь связанные с учреждением Государственной Думы, также сыграли свою роль в активизации гражданского участия.

Несмотря на противоречивые оценки, сложившиеся в научном сообществе и общественном мнении по поводу исторической роли Государственной Думы, думается, что она сыграла ключевую роль в усилении взаимосвязи государства и общества, обеспечив относительную публичность процесса приня-

тия государственных решений, какой не существовало ранее. Порядок формирования, как и процессуальные особенности организации заседаний данного органа, обусловил доступ граждан к законотворческой деятельности, позволил осуществлять общественный контроль разнообразными способами. С одной стороны, публичность заседаний Государственной Думы предусматривала широкий доступ общественности. Для посетителей отводились особые ложи в зале заседаний. С другой стороны, необходимо отметить деятельность СМИ, которые обеспечивали информационную открытость, освещая подробности парламентской деятельности. Так, во время деятельности I и II Государственных Дум в Таврическом дворце были аккредитованы около 200 журналистов. Да и сама Дума вела активную издательскую деятельность, публикуя стенографические отчеты, материалы работы думских комиссий, обзоры деятельности Думы и ее структурных подразделений и т.д.¹²

Подводя итог анализу становления элементов общественного контроля в дореволюционной России, можно сделать следующий вывод: в условиях существования абсолютистской системы государственного правления, ориентированной на сугубо закрытый от широкой общественности механизм принятия решений, развитие общественного контроля как института было совершенно невозможным. Несмотря на это, царизм начиная со второй половины XIX в. под давлением общественного мнения шел на незначительные уступки по направлению децентрализации и открытости управления в виде организационного и правового закрепления отдельных форм вовлечения представителей народа в сферу политической жизни (земства, общественные организации, профессиональные объединения, съезды и т.д.). Взаимодействие государства и общества, как правило, было основано на консультативной функции последнего в виде обсуждения представителями заинтересованных общественных структур принимаемых властью решений. Главной особенностью того времени являлось то, что общественный контроль осуществлялся не по инициативе самих граждан, а по исключительному дозволению верховной власти, что делало его неэффективным и фрагментарным элементом народовластия.

⁹ См.: Ильичева Л.Е. Лоббизм и интересы предпринимательства. М.: Мысль, 2000. С. 160.

¹⁰ См.: Гриб В.В. Историческая роль и значение общественных формирований в России в развитии гражданского общества // История государства и права. 2010. № 10. С. 33–35.

¹¹ См.: Аврех А. П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. М.: Политиздат, 1991. С. 99–100.

¹² См.: Глинка В.Я. Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1917: Дневник и воспоминания / вступ. статья, подгот. текста, биогр. словарь и коммент. Б.М. Витенберг. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 13–14.

Литература

1. Аврех А. П.А. Столыпин и судьбы реформ в России / А. Аврех. М. : Политиздат, 1991. 286 с.
2. Глинка В.Я. Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1917: Дневник и воспоминания / В.Я. Глинка; вступ. статья, подгот. текста, биогр. словарь и коммент. Б.М. Витенберг. М. : Новое литературное обозрение, 2001. 400 с.
3. Гриб В.В. Историческая роль и значение общественных формирований в России в развитии гражданского общества / В.В. Гриб // История государства и права. 2010. № 10. С. 33–35.
4. Ильичева Л.Е. Лоббизм и интересы предпринимательства / Л.Е. Ильичева. М. : Мысль, 2000. 254 с.
5. Котляревский С.А. Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора / С.А. Котляревский. С.-Петербург : Типография Альтшюлера, 1907. 250 с.
6. Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. Т. I. Конституционное право / Н.И. Лазаревский. С.-Пб. : Типография Спб. Акц. общ. «Слово», 1908. 509 с.
7. Попова О.Д. Опыт учета общественного мнения в законотворческом процессе (на примере церковных реформ во второй половине XIX — начале XX века) / О.Д. Попова // История государства и права. 2007. № 8. С. 32–35.
8. Рогачева Л.И. Общественные организации и гражданское общество / Л.И. Рогачева // Власть. 2010. № 4. С. 27–29.
9. Туманова А.С. Государственно-правовое регулирование деятельности общественных организаций в России в начале XX века : автореф. дис... докт. юрид. наук / А.С. Туманова; Академия управления МВД России. М., 2003. 34 с.
10. Халий И.А. Общественные движения в России до конца 1920-х годов: развитие в эпоху трансформаций / И.А. Халий // Социологический журнал. 2008. № 2. С. 56–70.
11. Чернышев Б.В. Разработка и принятие государственных решений в России: уроки истории (XVIII–XX вв.) / Б.В. Чернышев. Саратов : СЮИ МВД России, 2003. 256 с.

References

1. Avrekh A. P.A. Stoly'pin i sudby' reform v Rossii [P.A. Stolypin and the Fates of Reforms in Russia] / A. Avrekh. Moskva : Politizdat — Moscow : Publishing House of Political Literature, 1991. 286 s.
2. Glinka V.Ya. Odinnadtsat let v Gosudarstvennoy dume. 1906–1917: Dnevnik i vospominaniya [Eleven Years in the State Duma. 1906 to 1917: Diary and Memoirs] / V.Ya. Glinka; vstup. statya, podgot. teksta, biogr. slovar i komment. B.M. Vitenberg. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie — Moscow : New Literary Overview, 2001. 400 s.
3. Grib V.V. Istoricheskaya rol i znachenie obschestvenny'kh formirovaniy v Rossii v razvitii grazhdanskogo obschestva [Historical Role and Significance of Russian Public Organizations in the Civil Society Development] / V.V. Grib // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2010. № 10. S. 33–35.
4. Ilyicheva L.E. Lobbizm i interesy' predprinimatelstva [Lobbyism and Interests of Entrepreneurship] / L.E. Ilyicheva. Moskva : My'sl — Moscow : Thought, 2000. 254 s.
5. Kotlyarevsky S.A. Konstitutsionnoe gosudarstvo. Opy't politiko-morfologicheskogo obzora [Constitutional State. Experience of Political and Morphological Survey] / S.A. Kotlyarevsky. Sankt-Peterburg : Tipografiya Altshulera — Saint Petersburg : Altshuler's printing office, 1907. 250 s.
6. Lazarevsky N.I. Lektsii po russkomu gosudarstvennomu pravu. T. I. Konstitutsionnoe pravo [Lectures on Russian State Law. Vol. I. Constitutional Law] / N.I. Lazarevsky. Sankt-Peterburg : Tipografiya Spb. Akts. obsch. «Slovo» — Saint Petersburg : printing office of Saint Petersburg Joint-Stock Company Slovo, 1908. 509 s.
7. Popova O.D. Opy't ucheta obschestvennogo mneniya v zakonotvorcheskom protsesse (na primere tserkovny'kh reform vo vtoroy polovine XIX — nachale XX veka) [Experience of Public Opinion Recognition in the Law Making Process (on the Example of the Church Reforms in the Second Half of the XIX to the Early XX Century)] / O.D. Popova // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2007. № 8. S. 32–35.
8. Rogacheva L.I. Obschestvenny'e organizatsii i grazhdanskoe obschestvo [Public Organizations and Civil Society] / L.I. Rogacheva // Vlast — Power. 2010. № 4. S. 27–29.
9. Tumanova A.S. Gosudarstvenno-pravovoe regulirovanie deyatel'nosti obschestvenny'kh organizatsiy v Rossii v nachale XX veka : avtoref. dis... dokt. jurid. nauk [State and Legal Regulation of the Russian Public Organization Activities in the Early XX Century : author's abstract of thesis of ... Doctor of Law] / A.S. Tumanova; Akademiya upravleniya MVD Rossii. Moskva — Moscow, 2003. 34 s.
10. Khaliy I.A. Obschestvenny'e dvizheniya v Rossii do kontsa 1920-kh godov: razvitie v epokhu transformatsiy [The Russian Public Movements till the Late 1920s: Development in the Epoch of Transformations] / I.A. Khaliy // Sotsiologicheskii zhurnal — Journal of Sociology. 2008. № 2. S. 56–70.
11. Chernyshev B.V. Razrabotka i prinyatie gosudarstvenny'kh resheniy v Rossii: uroki istorii (XVIII–XX vv.) [Development and Making of Government Decisions in Russia: Lessons of History (the XVIII to the XX Century)] / B.V. Chernyshev. Saratov : SYul MVD Rossii — Saratov : Saratov Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, 2003. 256 s.

Разногласия политического руководства страны и деятельность лидеров партии меньшевиков накануне корниловского мятежа 1917 г.

*Ищенко Ольга Анатольевна,
доцент по кафедре государственно-правовых дисциплин,
преподаватель колледжа
Гжельского государственного университета,
кандидат исторических наук
gip0031@yandex.ru*

В статье рассматривается деятельность руководящих органов меньшевистской партии, лидеров меньшевизма между Февральской и Октябрьской революциями, перед работой Объединительного съезда РСДРП(о) в августе 1917 г. и корниловским мятежом.

Ключевые слова: партия социал-демократов (меньшевиков), история политических партий, политическая деятельность меньшевиков, корниловский мятеж, лидеры меньшевизма, раскол в руководящих органах революционной демократии.

Disagreements within the Political Administration of the Country and the Activities of the Menshevik Party Leaders on the Eve of the Kornilov Revolt of 1917

*Ischenko Olga A.
Assistant Professor of the Department of State and Legal Disciplines
Lecturer of the College of the Gzhel State University
Candidate of Historical Sciences*

The article reviews the activities of the governing bodies of the Menshevik party, the Menshevism leaders between the February and the October Revolutions, before the start of the Unity Congress of the Russian Social Democratic Labor Party in August 1917 and the Kornilov Revolt.

Keywords: the Social Democratic (Menshevik) Party, history of political parties, political activities of the Mensheviks, the Kornilov Revolt, Menshevism leaders, crackup in the governing bodies of the revolutionary democracy.

В центре внимания авторов, изучающих историю политических партий, особенности их формирования и деятельности, многопартийности в прошлом и настоящем, — актуальные и недостаточно изученные аспекты ведущих политических партий России в начале XX в.

Изучение истории функционировавшей в России меньшевистской партии стало особенно насущным в настоящее время, в условиях развивающейся в стране многопартийности. Проблемы многопартийности к 100-летию Российской революции 1917 г. поставлены исследователями, но, к сожалению, еще далеко не изучены. Меньшевизм представляет собой исторически значимый идеологический, общественно-политический и социокультурный феномен, заслуживающий пристального вни-

мания и изучения. К его истории обращаются историки российских революций, рабочего движения, политических партий российского парламентаризма, международного социалистического движения и общественной мысли. Анализ политической деятельности меньшевиков в 1917 г., перспектив ее эволюции, изменения тактики борьбы на различных этапах революции, внутрипартийной борьбы заслуживает дальнейшего специального изучения и обобщения.

Попытка контрреволюционных буржуазных сил разгромить революционный пролетариат и большевистскую партию летом 1917 г. не увенчалась успехом. Временное правительство не смогло остановить недовольство широких слоев населения России его антинародной политикой.

В этих условиях лидеры партий меньшевиков и эсеров прилагали огромные усилия для того, чтобы ценой больших уступок сохранить коалицию с буржуазией. Проводя в жизнь центристскую политику, они считали своей основной задачей защищать Временное правительство от правых сил — контрреволюционных элементов и реакционной военщины, и от левых — большевиков, анархистов, левых эсеров и прочих революционных элементов. Соглашательская линия лидеров меньшевиков-оборонцев создавала неустойчивое положение в партии. Критика со стороны меньшевиков-интернационалистов политической линии лидеров меньшевиков вела к неустойчивому положению в партии¹.

Политическая борьба внутри меньшевистской партии была связана с отношением к составу Временного правительства. Меньшевики И.Г. Церетели, Ф.И. Дан и их единомышленники считали, что своей антибольшевистской политикой они спасают демократию и революционноуправительство². Группаменьшевиков-интернационалистов, возглавляемая Ю.О. Мартовым, была убеждена, что июльские события отбросили назад революционные силы и способствовали укреплению рядов контрреволюции. Однако и Ю.О. Мартов отказался от идеи создать чисто социалистическое правительство. Он считал, и его мнение разделяли меньшевики-интернационалисты, что после событий 3–5 июля 1917 г. принимать открытую борьбу с реакционными силами и Временным правительством не следует. И в качестве крайней меры, полагал Ю.О. Мартов, можно прибегнуть к отзыву из состава кабинета министров-социалистов³.

24 июля 1917 г. было сформировано новое Временное правительство. В его состав вошли кадеты, эсеры, энесы и меньшевики. Новое коалиционное правительство во главе с А.Ф. Керенским было одобрено более 60% членом ВЦИК. Иными словами, значительная часть членом ВЦИКа выступила против или воздержалась при голосовании за новый состав правительства.

Вхождение в состав коалиционного правительства социалистов укрепляло его деятельность. Создавалась иллюзия принципа «паритета советских представителей с представителями несоциалистической демократии»⁴.

Одновременно А.Ф. Керенский получил неограниченные полномочия в деле борьбы с анархистскими и правомаксималистскими силами, которые, по мнению Ф.И. Дана, в перспективе стремились к установлению военной диктатуры⁵.

Решение ВЦИКа и ИК Совета крестьянских депутатов о провозглашении кабинета А.Ф. Керенского правительством спасения революции укрепляло властные органы. В воззвании от имени ЦИКа Советов, подписанном лидерами партий меньшевиков и эсеров, говорилось: «Мы признали Временное правительство правительством спасения революции. Мы признали за ним неограниченные полномочия и неограниченную власть. Его приказы да будут законом для всех»⁶.

Но даже эта неограниченная власть не могла удовлетворить правительства Англии и Франции. Английский посол в России Д. Бьюкенен требовал применить против большевиков и революционных рабочих и солдат самые дисциплинарные меры: «в тылу, какие были санкционированы на фронте...»⁷. В донесении комиссара Временного правительства во Франции С.Г. Сватикова говорилось, что ее правящие круги интересовались, «есть ли в России кто-либо с твердой рукой, который был бы способен начать не на словах, а на деле насаждение порядка»⁸.

Отечественная буржуазия после июльских событий убедилась в неспособности управлять страной, сдержав революционный порыв российского пролетариата, лидеров меньшевистской и эсеровской партий. В этих условиях кадеты на предложения А.Ф. Керенского войти в состав правительства Астрова, Кишкина, Набокова и потребовали от него «положить в основу создания сильной власти суровую необходимость вести войну, поддерживать боеспособность армии и восстановить хозяйственную мощь государства»⁹.

Наиболее жесткую политику по отношению к Советам, а следовательно, к лидерам меньшевиков и эсеров, к революционному пролетариату заняли торгово-промышленные круги России. Так, на состоявшемся 3 августа Втором Всероссийском торгово-промышленном съезде в Москве миллионер П.П. Рябушинский в своем выступлении отметил:

¹ См.: Октябрьское вооруженное восстание: Семнадцатый год в Петрограде. Книга вторая. А., 1967. С. 91.

² См.: Тютюкин С.В. Указ. соч. С. 370, 371; Злоказов Г.И. Меньшевистско-эсеровский ВЦИК Советов в 1917 году. М., 1997. С. 108.

³ См.: Меньшевики в 1917 году: в 3 т. Т. 2: От июльских событий до корниловского мятежа. М.: Изд-во «Прогресс-Академия», 1995. С. 144.

⁴ См.: Злоказов Г.И. Указ. соч. С. 136.

⁵ Известия. 1917. 11 июля.

⁶ См.: Басманов М.И., Герасименко Г.А., Гусев К.В. Александр Федорович Керенский. Саратов, 1996. С. 106.

⁷ Керенский А.Ф. Дело Корнилова. М., 1918. С. 5.

⁸ Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М.: Международные отношения, 1991. С. 238–239.

⁹ Иоффе А.Е. Русско-французские соглашения в 1917 г. М., 1958. С. 214.

«...В настоящий момент торгово-промышленный класс повлиять на руководящих лиц не может. Но они должны знать, что грядет финансово-экономический провал». П.П. Рябушинский по этому поводу также сказал: «То, о чем я говорю, является неизбежным. Но, к сожалению, нужна костлявая рука голода и нищеты, чтобы она схватила за горло лжедрузей народа, членов разных комитетов и Советов, чтобы они опомнились»¹⁰.

Это заявление крупнейших отечественных капиталистов вызвало растерянность среди членов Бюро ВЦИКа Совета рабочих и солдатских депутатов. Лидеры меньшевистской партии признали, что мощь Совета ослабляется, что правительство не выполняет принятых на себя обязательств, что произошло ослабление авторитета ИК. Даже И.Г. Церетели должен был признать, что «политика Правительства теперь действительно внушает сильные опасения и связывает нас по рукам и ногам...»¹¹.

Именно с ослаблением влияния Советов на рабочий класс и солдат вооруженных сил России создались условия для консолидации сил буржуазии.

На состоявшемся в июле 1917 г. Девятом съезде Партии народной свободы кадеты потребовали создания сильной власти. Поддержанные другими, более правыми организациями буржуазии и помещиков на частном совещании членов Государственной думы кадеты выступили с заявлением: «Путь только один — твердая и сильная власть, которая сурово потребовала бы от каждого и всех выполнение своего долга». В результате под давлением кадетов в основу деятельности правительства легла ее программа¹².

Потребовал от А.Ф. Керенского проведения сильной власти и российский генералитет. На состоявшемся 16 июля 1917 г. совещании в Ставке, на котором присутствовали премьер-министр А.Ф. Керенский, генералы Брусилов, Луканский, Клембовский, Деникин, Алексеев, Рузский, комиссар Савинков и полковник Марков поставили вопрос перед правительством о необходимости принять первоочередные меры о восстановлении во всей ее полноте власти командного состава армии, упразднении института комиссаров и армейских комитетов, отмене «декларации

прав солдата» и в конечном счете «изъятии политики из армии». Генералы настаивали на принятии закона о распространении «военно-революционных» судов и смертной казни с фронта на тыл — «на всех военных и гражданских лиц»¹³.

Требования командующих армиями были жесткими и ультимативными. Вместе с тем они недооценивали революционную ситуацию в России. С одной стороны, стремление А.Ф. Керенского были направлены на укрепление дисциплины и порядка в армии, на рост ее боеспособности. С другой стороны, он стремился при помощи военных укрепить свой авторитет в армии и в народе, что способствовало бы установлению режима его личной власти. Он стремился насадить на русской почве бонапартизм, военной силой подавить революцию¹⁴.

Требование генералитета российской армии об установлении военной диктатуры насторожило А.Ф. Керенского. В своем выступлении он не отклонил предложенную А.И. Деникиным программу. А.Ф. Керенский заявил, что все их требования должны быть проведены, «но так, чтобы в народе не было сознания, что мы возвращаемся к дофевральскому режиму». Присутствовавший на совещании министр Терещенко не скрывал, что правительственная программа идет иногда «дальше, чем предложения Деникина», что к ее осуществлению необходимо прийти постепенно и чтобы народные массы восприняли необходимость указанных мер¹⁵.

Колебания и опасения А.Ф. Керенского в том, что правые силы могут привести к устранению его от власти, заметили генералы. Они подчеркнули, что их расхождения с Временным правительством носят тактический характер — лишь по вопросам о темпах и мерах выполнения совместных программ¹⁶.

Выполняя свои обещания командующим армиями, А.Ф. Керенский обрушил репрессии на революционный рабочий класс, на крестьянство и на большевистскую партию. По мнению И.Г. Церетели, большевики «оказались вынужденными прекратить свою разрушительную работу»¹⁷. Об этом говорил и премьер-министр А.Ф. Керенский утверждал, что «после восстания 4 июля большевики в со-

¹⁰ День. 1917. 25 июля.

¹¹ ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 173. Л. 1 об. — 2.

¹² Буржуазия и помещики в 1917 году: частные совещания членов Государственной Думы / под ред. А.К. Дрезена; предисл. З.Б. Лозинского; подгот. в печ. М.И. Ахун, Д.М. Зиневич и С.Б. Окунь; Ленингр. отд. Центр. ист. архива РСФСР. М.; Л. : Парт. изд-во, 1932. С. 193 ; Речь. 1917. 25 июля.

¹³ ГАРФ. Ф. 683. Оп. 2. Д. 21. Л. 90 об.

¹⁴ См.: Спирин Л.М. Россия. 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М. : Мысль, 1987. С. 210.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 683. Оп. 2. Д. 21. Л. 23 — 25 об.

¹⁶ См.: Иванов Н.Я. Контрреволюция в России в 1917 году и ее разгром. М. : Мысль, 1977. С. 66.

¹⁷ Церетели И.Г. Воспоминания о Февральской революции. Книга вторая. С. 377–378.

ветах, особенно в провинции, практически потеряли всякое влияние»¹⁸.

Недооценка лидером государства и его советниками в лице И.Г. Церетели, Ф.И. Дана, В.М. Чернова и других современной им политической обстановки, возможностей и способностей большевистских организаций, их влияния на рабочий класс, крестьянство и солдат российской армии делало его внутреннюю и внешнюю политику довольно сомнительной и несостоятельной. Проводя широкую репрессивную политику против трудящихся и солдат России, А.Ф. Керенский и его советники надеялись на усмирение и стабилизацию положения в стране, на ликвидацию угрозы со стороны левых сил к концу лета 1917 г.¹⁹

А.Ф. Керенский недооценил угрозы государственного переворота справа. Он не видел того раскола, который «созрел в руководящих органах революционной демократии», он не замечал, что «Центральный исполнительный комитет советов все более и более расходился с Петроградским советом как по вопросам принципиальным, в особенности о конструкции верховной власти, так и вследствие претензии обоих на роль высшего представительства демократии». А.Ф. Керенский не замечал, что Петроградский комитет неуклонно шел к большевизму. Он и слышать не хотел, что в Петроградском совете обозначилась по основным вопросам революции «прочная коалиция меньшевиков-интернационалистов, левых социал-революционеров и большевиков», что начался процесс разложения главной опоры правительства партии социалистов-революционеров, что из ее рядов выделились, откололись левые эсеры²⁰.

Генерал А.И. Деникин отметил, что в июле-августе 1917 г. было «трудно учесть и разграничить зависимость двух аналогичных явлений полного разброда — среди правящих и руководящих верхов с одной стороны и народной массы — с другой...». А.И. Деникин писал, что в России «все стороны народной жизни быстро и неизменно шли к полному расстройству», что в стране летом 1917 г. «разгорелась социальная борьба, принимая все более сумбурные, жестокие и негосударственные формы», что правительство не хотело видеть, что большевики явно подготавливали восстание²¹.

¹⁸ Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М.: Республика, 1993. С. 227.

¹⁹ См.: Басманов М.И., Герасименко Г.А., Гусев К.В. Указ. соч. С. 113.

²⁰ См.: Деникин А.И. Очерки русской смуты. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 г. — апрель 1918 г. М., 1991. С. 11.

²¹ Там же. С. 11, 12.

Деникин считал, что только власть «одухотворенная решимостью беспощадной борьбы с большевизмом могла спасти страну, почти обреченную». Этого не могли сделать Советы, руководимые меньшевиками и эсерами, этого не мог и не хотел сделать и Керенский, некогда грозивший большевикам «железом и кровью»²².

Командующие армиями и лидеры партии кадетов видели, что премьер-министр стремился укрепить личную свою власть, что он «крепко держался за власть»²³. О том, что А.Ф. Керенский стремился «к режиму единоличной власти», что он удалял из правительства неугодных ему министров²⁴, писал В.М. Чернов. А.Ф. Керенский видел свой идеал, писал И.Г. Церетели, «во внепартийной и надпартийной национальной власти», в личной диктатуре²⁵. А.Ф. Керенскому нужна была абсолютно бесконтрольная, ничем не ограниченная власть²⁶.

Таким образом, после июльских событий политическая обстановка обострилась. Усилился процесс размежевания революционных и контрреволюционных сил. Созданное второе коалиционное правительство кадеты определили как переходное к установлению неограниченной диктатуры буржуазии. Если это не произойдет путем изменений в составе правительства, путем «мирной эволюции» в сторону «сильной власти», «то речь будет другая»²⁷. Это была прямая угроза Временному правительству и премьер-министру. Используя политическую деятельность меньшевиков и эсеров в правительстве, в Советах и в др. общественных и государственных организациях, усыпляя их бдительность, правые силы, в первую очередь лидеры партии кадетов, стали готовить контрреволюционный переворот. Генералитет был «руками заговора», а «мозгом его была кадетская партия»²⁸.

Следовательно, кадеты накануне созываемого Демократического Сопещения в Москве готовили гражданскую войну. Возглавить контрреволюционные силы должен был генерал А.Г. Корнилов²⁹.

²² Там же. С. 12.

²³ Милуков П.Н. Указ. соч. С. 346.

²⁴ См.: Чернов В.М. 1917 год: народ и революция // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции. М., 1991. С. 355.

²⁵ Церетели И.Г. Указ. соч. С. 388.

²⁶ Басманов М.И., Герасименко Г.А., Гусев К.В. Указ. соч. С. 114.

²⁷ Речь. 1917. 26 июля.

²⁸ Капустин М.И. Заговор генералов. М., 1968. С. 175.

²⁹ См.: Непролетарские партии России: Урок истории. С. 274.

Накануне созыва Демократического Совещания в Москве обострились отношения между А.Ф. Керенским и А.Г. Корниловым. Этому способствовал Б. Савинков, заместитель военного министра. Используя свое положение, он попытался провести в жизнь особую политическую линию, не учитывая указаний военного министра. С помощью А.Г. Корнилова Б. Савинков стремился вынудить правительство «принять программу самых серьезных военных мер на фронте и в тылу, без санкции Керенского», и без предварительного доклада о них военному министру³⁰.

«Эта попытка, предпринятая непосредственно перед Московским государственным совещанием, не увенчалась успехом, но при этом возбудила большое волнение в политических кругах, что грозило проявиться на Московском совещании в острой форме. Правительство приняло меры для сохранения единства страны и защиты армии от возможных конфликтов»³¹. Однако дальнейшая поляризация сил в политическом руководстве партий способствовала поражению идеи объединения, обострению политического кризиса и вооруженного конфликта летом 1917 г.

³⁰ См.: Керенский А.Ф. Прелюдия к большевизму. М., 2006. С. 11.

³¹ Там же.

Литература

1. Басманов М.И. Александр Федорович Керенский / М.И. Басманов, Г.А. Герасименко, К.В. Гусев. Саратов : Саратовская государственная экономическая академия, 1996. 250 с.
2. Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата / Дж. Бьюкенен; пер. с англ. 2-е изд. М. : Международные отношения, 1991. 344 с.
3. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Том II. Борьба Генерала Корнилова. Август 1917 г. — апрель 1918 г. / А.И. Деникин. М. : Наука, 1991. 386 с.
4. Злоказов Г.И. Меншевицско-эсеровский ВЦИК Советов в 1917 году / Г.И. Злоказов. М. : Наука, 1997. 336 с.
5. Иванов Н.Я. Контрреволюция в России в 1917 году и ее разгром / Н.Я. Иванов. М. : Мысль, 1977. 272 с.
6. Иоффе А.Е. Русско-французские соглашения в 1917 г. / А.Е. Иоффе. М. Госполитиздат, 1958. 356 с.
7. Капустин М.И. Заговор генералов / М.И. Капустин. М. : Мысль, 1968. 266 с.
8. Керенский А.Ф. Дело Корнилова / А.Ф. Керенский. М. : Тип. Т-ва Печатного и Издательского Дела «Задруга», 1918. 194 с.
9. Керенский А.Ф. Прелюдия к большевизму / А.Ф. Керенский. М. : Центрполиграф, 2006. 320 с.
10. Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары / А.Ф. Керенский. М. : Республика, 1993. 384 с.
11. Меншевики в 1917 году : в 3 т. Т. 2. От июльских событий до корниловского мятежа / под общ. ред. З. Галили, А. Ненарокова, Л. Хеймсона. М. : Прогресс-Академия; РОССПЭН, 1995. 832 с.
12. Спирин Л.М. Россия, 1917 год: из истории борьбы политических партий / Л.М. Спирин. М. : Мысль, 1987. 333 с.
13. Церетели И.Г. Воспоминания о февральской революции : в 2 т. Т. 2. Париж : Mouton & Co, 1963. 429 с.
14. Чернов В.М. 1917 год: народ и революция / В.М. Чернов // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции. М. : Книга, 1991. 480 с. С. 355.

References

1. Basmanov M.I. Aleksandr Fedorovich Kerenskiy [Aleksandr Fedorovich Kerenskiy] / M.I. Basmanov, G.A. Gerasimenko, K.V. Gusev. Saratov : Saratovskaya gosudarstvennaya ekonomicheskaya akademiya — Saratov : Saratov State Academy of Economics, 1996. 250 s.
2. Buchanan J. Memuary' diplomata [Diplomatic Memories] / J. Buchanan; per. s angl. 2-e izd. Moskva : Mezhdunarodny'e otnosheniya — Moscow : International Relations, 1991. 344 s.
3. Denikin A.I. Ocherki russkoy smuty: Tom II. Borba Generala Kornilova. Avgust 1917 g. — aprel 1918 g. [Essays on Russian Unrest. Vol. II. Struggle of General Kornilov. August 1917 to April 1918] / A.I. Denikin. Moskva : Nauka — Moscow : Science, 1991. 386 s.
4. Zlokazov G.I. Menshevistsko-eserovskiy VTsIK Sovetov v 1917 godu [Menshevik and Socialist Revolutionary All-Russian Central Executive Committee of the Soviets in 1917] / G.I. Zlokazov. Moskva : Nauka — Moscow : Science, 1997. 336 s.
5. Ivanov N.Ya. Kontrevolyutsiya v Rossii v 1917 godu i ee razgrom [Counter-Revolution in Russia in 1917 and Its Crushing Defeat] / N.Ya. Ivanov. Moskva : My'sl — Moscow : Thought, 1977. 272 s.
6. Ioffe A.E. Russko-frantsuzskie soglasheniya v 1917 g. [Russian-French Agreements in 1917] / A.E. Ioffe. Moskva : Gospolitizdat — Moscow : Publishing House of Political Literature, 1958. 356 s.
7. Kapustin M.I. Zagovor generalov [Generals' Conspiracy] / M.I. Kapustin. Moskva : My'sl — Moscow : Thought, 1968. 266 s.
8. Kerenskiy A.F. Delo Kornilova [The Kornilov's Affair] / A.F. Kerenskiy. Moskva : Tip. T-va Pечатного i Izdatel'skogo Dela «Zadruga» — Moscow : printing office of the Printing and Publishing House Zadruga, 1918. 194 s.
9. Kerenskiy A.F. Preludiya k bolshevizmu [Prelude to Bolshevism] / A.F. Kerenskiy. Moskva : Tsentrpoligraf — Moscow : Tsentrpoligraf, 2006. 320 s.
10. Kerenskiy A.F. Rossiya na istoricheskom povorote. Memuary' [Russia at the Historical Turning Point. Memoirs] / A.F. Kerenskiy. Moskva : Respublika — Moscow : Republic, 1993. 384 s.
11. Mensheviki v 1917 godu : v 3 t. T. 2. Ot iyul'skikh soby'tiy do kornilovskogo myatezha / pod obsch. red. Z. Galili, A. Nenarokova, L. Kheymsona [Mensheviks in 1917 : in 3 vol. Vol. 2. From the July Events to the Kornilov Revolt] Moskva : Progress-Akademiya ; ROSSPEN — Moscow : Progress-Academy ; RUSSIAN POLITICAL ENCYCLOPEDIA, 1995. 832 s.

12. Spirin L.M. Rossiya, 1917 god: iz istorii borby' politicheskikh partiy [Russia, 1917: from the History of Struggle between Political Parties] / L.M. Spirin. Moskva : My'sl — Moscow : Thought, 1987. 333 s.
13. Tsereteli I.G. Vospominaniya o fevral'skoy revolyutsii : v 2 t. T. 2 [Recollections about the February Revolution] Parizh : Mouton & Co — Paris : Mouton & Co, 1963. 429 s.
14. Chernov V.M. 1917 god: narod i revolyutsiya [1917: the People and the Revolution] / V.M. Chernov // Strana gibnet segodnya. Vospominaniya o fevral'skoy revolyutsii — The Country Dies Today. Recollections about the February Revolution] Moskva : Kniga — Moscow : Book, 1991. 480 s. S. 355

DOI : 10.18572/1812-3805-2018-3-43-47

Обстоятельства создания Временного комитета членов Государственной Думы

*Игнатъев Сергей Константинович,
главный специалист Управления Министерства юстиции
Российской Федерации по Республике Татарстан,
государственный советник юстиции Российской Федерации 3 класса
sk891790412@mail.ru*

В статье рассматривается деятельность депутатов Государственной Думы на совещании от 27 февраля 1917 г. и обстоятельства создания ими Временного комитета членов Государственной Думы.

Ключевые слова: Февральская революция, Государственная Дума, совет старейшин, частное совещание, Временный комитет членов Государственной Думы.

Peculiarities of Establishment of the Provisional Committee of the State Duma

*Ignatyev Sergey K.
Chief Specialist of the Department of the Ministry of Justice
of the Russian Federation for the Republic of Tatarstan
Class 3 State Counsellor of Justice of the Russian Federation*

The article deals with the activities of the deputies of the State Duma on February 27, 1917 and the circumstances of their creation of an interim committee of members of the State Duma.

Keywords: February revolution, State Duma, Council of Elders, private meeting, Provisional Committee of the State Duma members.

События Февральской революции, столетие которой мы отметили в прошлом году, многократно описаны и в мемуарной литературе, и в научных исследованиях. Вместе с тем противоречия в воспоминаниях ее участников и характерная для первых дней революции скудность документальной базы до сих пор оставляют место для некоторых уточнений связанных с нею обстоятельств. К числу последних относятся и обстоятельства возникновения Временного комитета членов Государственной Думы.

Начавшиеся в конце февраля 1917 г. беспорядки в Петрограде вызвали обеспокоенность председателя Государственной Думы М.В. Родзянко, вместе с тем он попытался ис-

пользовать происходящие события для повышения роли Думы в политической жизни страны. Согласно ст. 17 Основных Государственных Законов назначение и увольнение председателя Совета Министров, а также министров относилось к исключительному ведению Государя Императора¹, однако прогрессивный блок — объединение, включавшее в себя большинство фракций Государственной Думы — при поддержке думского руководства также пытался оказывать влияние на формирование российского правительства. В русле этой тенденции 26 февраля Родзянко напри-

¹ Свод законов Российской Империи. Том первый. Часть I. Свод основных государственных законов. СПб. : Государственная типография, 1906. С. 5.

вил находящемуся в Ставке Николаю II телеграмму, в которой, в частности, говорилось: «Народные волнения, начавшиеся в Петрограде, принимают стихийный характер и угрожающие размеры. Основы их — недостаток печеного хлеба и слабый подвоз муки, внушающий панику, но, главным образом, полное недоверие к власти, неспособной вывести страну из тяжелого положения». И далее, после перечисления стоящих перед страной трудностей: «Государь, безотлагательно призовите лицо, которому может верить вся страна, и поручите ему составить правительство, которому будет доверять все население»². Имя потенциального премьер-министра названо не было, но предполагалось, что им должен стать кто-либо из связанных с думскими кругами общественных деятелей.

В то же время власть, видя в деятельности Думы одну из возможных причин происходящих беспорядков, приняла решение о приостановлении работы обеих палат российского парламента. Указами от 25 февраля 1917 г. занятия Государственного Совета и Государственной Думы были прерваны с 26 февраля по апрель 1917 г.³ В ночь с 26 на 27 февраля список Именного Высочайшего Указа «О перерыве и сроке возобновления занятий Государственной Думы» был препровожден ее председателю для ознакомления.

Однако вечером 26 февраля, еще не зная о состоявшихся указах, думская фракция кадетов, а также присоединившиеся к ним прогрессисты и трудовики поставили вопрос о необходимости созыва экстренного заседания Государственной Думы на следующий день, тогда как очередное заседание было назначено только на 28 февраля. Это предложение не встретило поддержки других фракций, и Родзянко, в качестве своеобразного компромисса между депутатами, распорядился созвать 27 февраля в половине третьего дня совещание всех думских фракций, т.е. фактически частное совещание. На 12 часов этого же дня было назначено совещание совета старейшин⁴.

² «Протокол событий» Февральской революции // Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев, документы. М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 1998. С. 290–291.

³ Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1917. № 52. С. 1.

⁴ Сообщение газеты «Утро России» (Москва) о событиях в Государственной Думе. Принято по телефону из Петрограда 26 февраля, опубликовано 27 февраля 1917 г. // Февральская революция 1917 года. Сборник документов и материалов. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1996. С. 71–72.

Совет старейшин представлял собой неформальный думский орган для согласования позиций депутатских фракций и групп. Согласно ст. 12 Учреждения Государственной Думы «для соображений общих, возникающих относительно деятельности Государственной Думы, вопросов, под председательством ее Председателя, состоит Совещание, в состав коего входят Товарищи Председателя Думы, а равно Секретарь Думы и один из его Товарищей, постановлением Думы к тому назначенный»⁵. Российское законодательство не предусматривало проведения межфракционных собраний, однако на практике представители думских фракций и групп по мере необходимости созывались председателем Думы на заседания с участием членом указанного Совещания. Официальные источники именовали его совещанием президиума с представителями фракций, а неофициальные — советом старейшин или сеньорен-конвентом⁶.

27 февраля заседание совета старейшин открылось в Таврическом дворце. Ранее уже имелись случаи его созыва в межсессионные периоды, — так, например, П.Н. Милюков вспоминал о такого рода совещаниях, проводившихся летом 1915 г.⁷, так что собрание совета старейшин после перерыва занятий Думы указом от 25 февраля 1917 г. не представляло собой чего-то экстраординарного и вполне соответствовало практике депутатской работы.

К началу заседания присутствующим уже было известно о начавшемся в городе восстании запасных полков. Родзянко зачитал указ о перерыве в занятиях Государственной Думы, огласил свою вчерашнюю телеграмму царю, ответ на которую так и не был получен, и зачитал текст еще одной, только что составленной им телеграммы. Сообщая Николаю II о начавшемся в столице военном бунте, Родзянко взывал: «Повелите немедленно призвать новую власть на началах, доложенных мною вашему величеству во вчерашней телеграмме. Повелите в отмену вашего высочайшего указа вновь созвать законодательные палаты. Возвратите безотлагательно эти меры высочайшим манифестом»⁸.

⁵ Учреждение государственной Думы. Том первый. Часть II. СПб.: Государственная типография, 1906. С. 4.

⁶ Демин В.А. Государственная Дума России (1906–1917): механизм функционирования. М.: РОССПЭН, 1996. С. 96, 97.

⁷ Милюков П.Н. Воспоминания. М.: Политическая литература, 1991. С. 402, 403.

⁸ Красный Архив. Исторический журнал. Том второй (двадцать первый). 1927. С. 6.

В № 1 «Известий», издававшихся Комитетом Петроградских журналистов, единственной газеты, вышедшей 27 февраля в охваченном всеобщей забастовкой Петрограде, сообщалось, что, ознакомившись с указом, совет старейшин постановил: «Государственной Думе не расходиться. Всем депутатам оставаться на своих местах». Происхождение этого сообщения неизвестно, по крайней мере никто из непосредственных участников указанного заседания ни о чем подобном не вспоминает. Напротив, согласно присутствовавшему на нем П.Н. Милюкову, «было вынесено постановление не разъезжаться из Петрограда (а не постановление «не расходиться» Государственной Думе как учреждению, как о том сложилась легенда)»⁹. Также участвовавший в заседании А.Ф. Керенский вспоминал, что представители левой думской оппозиции внесли предложение немедленно провести официальную сессию Думы, не принимая во внимание «царский декрет». Однако большинство присутствующих, включая Родзянко, высказалось против такого шага¹⁰.

Согласно воспоминаниям еще одного из участников этого заседания, В.В. Шульгина, по итогам совещания совета старейшин было решено: «Императорскому указу о роспуске подчиниться — считать Государственную думу не функционирующей, но членам Думы не разъезжаться и немедленно собраться на «частное совещание»¹¹. Относительно частного совещания следует сказать, что такой формы парламентской деятельности российское законодательство не предусматривало. Согласно ст. 35 Учреждения Государственной Думы «ординарные» заседания Думы назначались и открывались ее председателем и назывались «общими собраниями Думы»¹². В свете этой статьи можно предположить, что назначенный председателем «частного совещания» означало неформальное собрание членов Думы для обмена мнениями без принятия каких бы то ни было официальных решений от лица Думы.

Известен по крайней мере один пример такого рода совещания, проведенного в межсессионный период. П.Н. Милюков в своих

показаниях Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства упоминал о закрытом заседании Государственной Думы с участием министров, состоявшемся в январе 1915 года в форме частного совещания¹³. Видимо, об этом же частном совещании вспоминал и член Государственной Думы А.И. Шингарев, правда, относя его проведение не к январю, а к марту 1915 г.¹⁴ Тем не менее вне зависимости от даты его проведения можно констатировать, что исполнительная власть не препятствовала проведению не предусмотренного законодательством мероприятия и даже приняла в нем участие, некоторым образом легализовав на будущее такую форму работы членов Думы.

Для того чтобы подчеркнуть, что это частное совещание членов Государственной Думы, а не заседание Государственной Думы как таковой, решено было собраться не в Большом Белом зале, а в так называемом «полуциркульном»¹⁵. Любопытно, что ранее упоминавшееся частное совещание 1915 г. также проводилось в полуциркульном зале Думы¹⁶, так что можно говорить даже о чем-то похожем на традицию порядка проведения подобных собраний.

Положение самого совещания и его участников очень точно определил А.Ф. Керенский. «Совет старейшин ... решил, как планировалось ранее, провести «неофициальное заседание». Политически и психологически это означало, что будет проведено закрытое заседание группы частных лиц, среди которых немало людей выдающихся и пользующихся большим влиянием, тем не менее всего лишь группы частных лиц. Соответственно и само заседание не могло претендовать на официальное признание»¹⁷. Сам Александр Федорович не только настаивал на проведении «общего собрания Думы», но и, согласно воспоминаниям находившегося тогда в Таврическом дворце журналиста Д.О. Заславского, пытался его открыть, подав звонок к началу официального заседания. Тщетно — законопослушные депутаты не пошли в зал¹⁸, ведь, как уже указывалось выше, открыть офици-

⁹ Милюков П.Н. История второй русской революции. СПб. : Питер, 2014. С. 40. Вместе с тем Милюков ошибочно приписывает принятие этого постановления не совету старейшин, а состоявшемуся в этот же день частному совещанию членов Государственной Думы.

¹⁰ Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М. : Республика, 1993. С. 137.

¹¹ Шульгин В.В. Дни // Дни. 1920. М. : Современник, 1989. С. 178.

¹² Учреждение Государственной Думы. С. 8.

¹³ Падение царского режима : стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства / ред. П.Е. Щеголева. М.; Л. : Госиздат. Т. VI. 1926. С. 310.

¹⁴ Падение царского режима. Т. VII. 1927. С. 21–22.

¹⁵ Шульгин В.В. Дни. С. 178.

¹⁶ Падение царского режима. Т. VI. 1926. С. 311.

¹⁷ Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. С. 137.

¹⁸ Заславский Д. В Государственной думе. Из воспоминаний // Красная панорама. 1927. № 11. С. 7.

альное заседание Думы мог только ее председатель.

Частное заседание членов Государственной Думы, как и планировалось накануне, открылось в 14 ч. 30 мин. К этому времени волны захлестывающей город анархии докатились и до стен Таврического дворца, здание Думы было сначала окружено, а затем и занято вставшими солдатами и горожанами. Таким образом, частное совещание происходило в достаточно нервной обстановке, по соседству с толпой вооруженных и никому не подчиняющихся людей.

Ход совещания отражен в так называемом Протоколе частного совещания членов Государственной Думы, составленном, предположительно, членом Государственной Думы В.М. Вершининым, а также в воспоминаниях его участников. И протокол, и воспоминания не свободны от недостатков — содержащиеся в них сведения не отличаются полнотой и зачастую противоречат друг другу. Так, например, до сих пор остается дискуссионным даже вопрос о количестве участников совещания. Вместе с тем следует иметь в виду, что их число никак не влияло на его частный, неофициальный характер, и с этой точки зрения не имеет принципиального значения.

Во вступительной речи явно растерянный Родзянко указал на необходимость принять «какое-либо» решение, но избегать при этом определенности, «так как мы еще не знаем соотношения сил». На совещании были высказаны мнения в диапазоне от передачи власти заслуживающему доверия генералу и до провозглашения Думы Учредительным собранием, однако победила более умеренная точка зрения. За основу были взяты выступления депутатов Ржевского, полагавшего необходимым организовать комитет для соглашения с армией и народом, и кн. Шаховского, считавшего, что хотя Дума распущена, но сеньорен-конвент имеется и он может избрать членов комитета, которым и можно передать власть. Большинство было принято предложение об образовании особого комитета, который должен быть избран сеньорен-конвентом немедленно с последующим докладом об этом частному совещанию¹⁹.

В заседании совещания был объявлен перерыв. По итогам работы совета старейшин в состав сформированного им комитета вошли члены президиума Думы — ее председатель М.В. Родзянко, товарищ председатель Н.В. Некрасов, секретарь Думы И.И. Дмитриев и его товарищ — В.А. Ржевский, а также представители фракций и групп, кроме

крайне правых — В.В. Шульгин, В.Н. Львов, С.И. Шидловский, А.И. Коновалов, П.Н. Милуков, А.Ф. Керенский, Н.С. Чхеидзе и М.А. Караулов — всего 12 человек²⁰. По сути, сеньорен-конвент трансформировался из собиравшегося от случая к случаю совещания в постоянно (на какой-то, пока еще не определенный период времени) действующий орган.

В 5 часов вечера частное совещание возобновилось, ему было доложено постановление совета старейшин. Присутствовавшие опять-таки в неизвестном количестве депутаты одобрили создание комитета.

Так как никакого документа, регулирующего деятельность комитета, принято не было, то можно сказать, что на момент создания полномочия этого органа содержались исключительно в его наименовании. Участники событий в своих воспоминаниях называют его по-разному; вышедшие в день его создания «Известия» приводят даже два варианта этого названия: «Временный Комитет для поддержания порядка в Петрограде и для сношения с различными учреждениями и лицами» и «Комитет Государственной Думы для водворения порядка в Петрограде и для сношения с учреждениями и лицами». П.Н. Милуков пояснял: «Эта неуклюжая формула обладала тем преимуществом, что, удовлетворяя задаче момента, ничего не предвещала в дальнейшем. Ограничиваясь минимумом, она все же создавала орган и не подводила думцев под криминал»²¹. Местом деятельности Временного комитета была указан только Петроград. Умеренная политика «для поддержания (водворения) порядка и сношения с учреждениями и лицами» изначально предполагала благонамеренность созданного комитета, а неопределенность его полномочий позволяла явочным порядком изменять их объем в зависимости от складывающейся обстановки. Предложения ряда участников частного совещания о передаче создаваемому органу власти остались всего лишь выступлениями с мест, и наполнить деятельность Временного комитета конкретным содержанием предстояло самим членам этого учреждения.

Разночтения в «полном» названии комитета не имеют принципиального значения, так как уже со следующего дня он сократил свое наименование до нескольких слов, отбросив осторожные «в Петрограде» и «для сношений». Вместе с тем представляется очевидным, что частное совещание членов Думы, так и не ставшее заседанием собственно Государствен-

¹⁹ Протокол частного совещания членов Государственной Думы // Февральская революция 1917 года. С. 146–148.

²⁰ Список членов комитета приводится по сообщению «Известий» № 1 от 27 февраля. С. 1.

²¹ Милуков П.Н. Воспоминания. С. 454.

ной Думы, не имело полномочий формировать органы Думы, но могло создать только орган *членов* Государственной Думы — участников совещания. Тем не менее в приведенных выше названиях комитета слово «членов» отсутствует, и в последующих сообщениях, распространяемых в дни революции «Известиями» Комитета Петроградских журналистов, это слово систематически выпадает: комитет называется то Временным комитетом Государственной Думы, то Временным Исполнительным комитетом Государственной Думы. Впрочем, сами члены Временного комитета прекрасно понимали свое положение и по крайней мере в своих внутренних документах называли его так, как ему и положено называться, — «Временный комитет *членов* Государственной Думы»²².

Частное совещание закрылось; в 5½ часа дня список членов Временного комитета был расклеен на улицах столицы.

²² Напр.: Журнал заседаний Временного комитета членов Государственной Думы» от 1 марта 1917 г. // Февральская революция 1917 года. С. 153–154.

Подводя итоги рассматриваемым событиям, следует отметить, что в этот период думское руководство еще пыталось действовать в рамках законодательства, не заявляло о своих претензиях на власть и лишь стремилось договориться с царем по поводу формирования нового состава Совета Министров. Родзянко так и не решился открыть официальное заседание Думы «явочным» порядком. Депутаты остались в «правовом поле», однако то обстоятельство, что Временный комитет был создан не Государственной Думой — органом представительной власти, за которым стояли миллионы избирателей, а всего лишь неформальным собранием группы депутатов, делало источник его полномочий неясным, размытым, неубедительным. При этом проявленная осторожность дорого обошлась и самим депутатам: занятия Государственной Думы так и не были возобновлены ни Николаем II, ни пришедшим ему на смену Временным Правительством. Дума фактически прекратила свое существование.

Литература

1. Демин В.А. Государственная Дума России (1906–1917): механизм функционирования / В.А. Демин. М. : РОССПЭН, 1996. 214 с.
2. Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары / А.Ф. Керенский. М. : Республика, 1993. 384 с.
3. Милуков П.Н. Воспоминания / П.Н. Милуков. М. : Политическая литература, 1991. 528 с.
4. Милуков П.Н. История второй русской революции / П.Н. Милуков. СПб. : Питер, 2014. 752 с.
5. Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев, документы / вступ. ст. Л. Китаева, М. Кольцова. М. : ТЕРРА — Книжный клуб, 1998. 336 с.
6. Шульгин В.В. Дни. 1920 / В.В. Шульгин. М. : Современник, 1989. 560 с.

References

1. Demin V.A. Gosudarstvennaya Duma Rossii (1906–1917): mekhanizm funktsionirovaniya [The Russian State Duma (1906 to 1917): Functioning Mechanism] / V.A. Demin. Moskva : ROSSPEN — Moscow : RUSSIAN POLITICAL ENCYCLOPEDIA, 1996. 214 s.
2. Kerensky A.F. Rossiya na istoricheskom povorote. Memuary' [Russia at the Historical Turning Point. Memoirs] / A.F. Kerensky. Moskva : Respublika — Moscow : Republic, 1993. 384 s.
3. Milyukov P.N. Vospominaniya [Recollections] / P.N. Milyukov. Moskva : Politicheskaya literatura — Moscow : Political Literature, 1991. 528 s.
4. Milyukov P.N. Istoriya vtoroy russkoy revolyutsii [History of the Second Russian Revolution] / P.N. Milyukov. Sankt-Peterburg : Piter — Saint Petersburg : Peter, 2014. 752 s.
5. Otrechenie Nikolaya II: Vospominaniya ochevidtsev, dokumenty' / vstup. st. L. Kitaeva, M. Koltsova [Renunciation of Nicholas II: Recollections of Eyewitnesses, Documents] Moskva : TERRA — Knizhny'y klub — Moscow : TERRA — Book Club, 1998. 336 s.
6. Shulgin V.V. Dni. 1920 [Days. 1920] / V.V. Shulgin. Moskva : Sovremennik — Moscow : Contemporary, 1989. 560 s.

Российская государственность на изломе 1917 года (политико-правовой аспект)

*Левчук Сергей Владимирович,
доцент кафедры теории права и сравнительного правоведения
Юридического факультета Института экономики, управления и права (ИЭУП)
Российского государственного университета (РГУ),
кандидат юридических наук
Levchuk65@gmail.com*

В работе рассмотрены причины, закономерности и последствия политической трансформации российской государственности в начале XX в. В центре внимания автора — правовые основы режима самодержавия накануне революции.

Ключевые слова: правовые основы, закономерности, государственность, революция, кризис, партии, императорские полномочия, отречение царя.

The Russian Statehood on the Verge of 1917 (the Political and Legal Aspect)

*Levchuk Sergey V.
Assistant Professor of the Department of Theory of Law and Comparative Legal Studies
of the Law Faculty of the Institute for Economics, Management and Law (IENL)
of the Russian State University for the Humanities
Candidate of Legal Sciences*

The article focuses on the causes and consequences of political transformation of the Russian statehood in the early twentieth century. In the centre of author's attention — the legal basis of the regime of the autocracy before the revolution.

Keywords: legal framework, laws, statehood, revolution, crisis, party, Imperial powers, the abdication of the king.

Никто не знает всей правды, но лишь собирая ее крупинцы можно попытаться понять смысл происходящего. Историки всех мастей спорят о событиях в России столетней давности, не находя искомого консенсуса. Реальность всегда богаче и проще наших представлений о закономерностях развития государства, права и общества. Нельзя однозначно оценивать конкретную историческую личность и события вне социума и времени, за пределами реальности, отраженной в закономерностях. Изучение закономерностей немислимо без анализа законодательства, где последние находят прямое или косвенное отражение. Уникальность любого события состоит в своеобразии преломления в нем разных закономерностей, но это никак не исключает сами закономерности. Важнейшим признаком верной исторической оценки является наличие взаимосвязанных обоснованных фактов, доказывающих объективный процесс, вопреки избытию «приукрашенно-

го» субъективизма. Нельзя из «пирога» мировой истории тенденциозно выдергивать «изюминки» — факты и тем самым тенденциозно и красиво обосновывать субъективизм. За рамками дискуссионных проблем зачастую остаются именно государственно-правовые аспекты развития как России, так и ведущих стран мира. Одной из таких фундаментальных проблем являются причинно-следственные связи и закономерности государственно-правовой трансформации Российской государственности в первой четверти XX в.

Русская православная церковь обоснованно канонизировала и причислила к лику мучеников «царственных страстотерпцев» всех невинно убиенных членов царской семьи, но так ли разумно это отнести к Николаю II, отречение которого 2 марта 1917 г. от престола лишило Россию государственной опоры — верховной власти? Монархия в России была не только формой правления и политическим режимом, но и ментальной основой правосо-

знания народа, связующим звеном между обществом и государством. Утрата Россией исконных государственно-правовых основ в условиях мировой войны и реальной угрозы революции — главная причина всех последующих событий. «Власть самодержавная, выступая как положительный фактор на протяжении всей русской истории, входит в состав базовых идей нашей цивилизации, в ее генетический код; самодержавие не может уйти из русского мира без патологии его организма»¹.

С февраля 1917 г. Россия вступила в эпоху радикального либерализма и анархии, что неизбежно порождало революционный террор и диктатуру. Хаос не регулируется правом и демократическими институтами власти.

На момент февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. в России действовали «Основные государственные законы Российской империи»² (далее — «ОЗ») от 23 апреля 1906 г. Являясь первой Конституцией Российской империи, Законы регламентировали работу всех ветвей государственной власти, их компетенцию и порядок взаимоотношений, устанавливали процедуру выборов и механизм законодательной деятельности. В них закреплена новая форма правления — дуалистическая монархия, сочетавшая обширную власть монарха с ответственным перед ним правительством, и парламентское правление с ограниченной законодательной властью. Новый режим власти в полной мере обеспечивал государственную стабильность при условии сохранения монархии.

Статус императора не претерпел существенных изменений и закреплялся по формуле М.М. Сперанского: «...верховная власть правит тем родом дел, кои она сама себе непосредственно предоставила»³. Не случайно ст. 4 «ОЗ» отводила императору «верховную самодержавную власть», повиновать которой «...сам Бог повелевает... не только за страх, но и за совесть». Верховенство правового статуса государя императора оставалось бесспорным, что прямо закреплено в «ОЗ» Российской империи: ст. 5 — «Особа государя императора священна и неприкосновенна»; ст. 7 — «Государь император осуществляет законодательную власть в единении с Государствен-

ным Советом и Государственной Думою»; ст. 8–9 — «Государю императору принадлежит почин по всем предметам законодательства...» и «...утверждение законов». Статья 10–11 — «Власть управления во всем ее объеме принадлежит государю императору в пределах всего Государства Российского» и «действует непосредственно, на основе указов и повелений»; ст. 12. «Государь император есть верховный руководитель внешних сношений Российского Государства...» и он же — «...державный вождь российской армии и флота...» ст. 14.

Статья 15 — «Государь император объявляет местности на военном или исключительном положении», что означает возможность введения прямого правления; ст. 17 — «Государь назначает и увольняет Председателя Совета Министров, министров и глав, управляющих отдельными частями государства, а также прочих должностных лиц...». От имени императора «...осуществляется судебная власть... и выносятся приговоры» статья 22, а «Закон о военном положении» 1892 г. (введенный с 1914 г.) позволял императору легитимно применять силу к любым нарушителям режима и приостанавливать действие законов. В отличие от английского принципа «контрасигнатуры», когда подпись монарха скреплялась подписью ответственного министра, «ОЗ» закрепляли лишь формальную аналогию этой процедуры (ст. 26), тогда как реальная власть и ответственность Государя Российского оказалась на порядок выше. За ним сохранялось право на «абсолютное вето» и право роспуска Государственной Думы. А для преодоления системы взаимных сдержек, по которой законы принимались и утверждались при согласии Государственного Совета, Государственной Думы и Государя императора, вводилась 87 статья «ОЗ». По этой статье правительство и Государь император получили право в период между сессиями Госдумы издавать чрезвычайные указы с силой закона. И хотя все указы такого рода требовали их формального внесения на рассмотрение ближайшей сессии парламента, акт априори действовал как закон. Более того, «...исполнительная власть полностью оставалась за царем (в этом выразился дуалистический принцип «ОЗ»), министры были ответственны не перед народным представительством (Думой), а перед монархом»⁴. По сути, Император в полном объеме сохранил чрезвычайные полномочия как глава государства и мощную опору на административ-

¹ Смолин М.Б. Публицистика государственной самобытности // Захаров Н.А. Система русской государственной власти. М. : Москва, 2002. С. 21.

² Хрестоматия по истории отечественного государства и права, X век — 1917 год / сост. В.А. Томсинов. М. : Зерцало, 1998.

³ Захаров Н.А. Система русской государственной власти. Новочеркасск, 1912. Цитируется по изданию: Захаров Н.А. Система русской государственной власти. М., 2002. С. 239.

⁴ Исаев И.А. История государства и права России : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрист, 2004. С. 50.

но-исполнительную и военно-полицейскую власть.

Несмотря на традиционное отставание России от более развитых европейских государств, именно консервативная модель Основных законов Российской империи вполне соответствовала духу времени конца XIX — начала XX в. и конституциям: Японии (1889 г.), Австрии (1848 г.), Пруссии (1850 г.) и Германской империи (1871 г.)

В это смутное время только режим чрезвычайной исполнительной власти мог остановить сползание России к революционной пропасти. Однако «...дистанция, обозначившаяся между закрепленными в законодательных актах правовыми нормами и их практической реализацией, породила диспропорции в российской политической практике, что стало важнейшей предпосылкой революционных событий»⁵.

Угроза государственного переворота и революции всегда создает объективные условия для консолидации господствующих элит, делающих ставку на чрезвычайную власть монарха или диктатора. Империализм и межимпериалистические противоречия этого времени — не что иное, как «мировая война» господствующих элит, заложниками которой стали народы, а инструментом — государственная власть. В России ситуация осложнялась опасной тенденцией, связанной с расколом внутри господствующих элит и намеренно-деструктивной политикой влиятельных прозападных политических групп под крышей масонских и иных организаций. Не секрет, что большая часть оппозиционного Прогрессивного блока, да и членов будущего Временного правительства была связана с масонскими организациями. Практически вся придворная камарилья, расколота на либеральный и консервативный лагерь, способствовала созданию атмосферы кризиса режима накануне мировой войны. Разве не потрясает факт политической установки большинства средств массовой информации России на необходимость ее военного и политического поражения в интересах народа для свержения самодержавия?

Трудно представить более яркое проявление политического заговора и предательства либеральной оппозиции, группировавшейся вокруг масонских лож и журнала «Освобождение». Не случайно созданный на этой основе либеральный Союз Освобождения «... начал поддерживать политические выступления студентов, аграрные беспорядки, стремление национальных окраин к авто-

номии и даже оправдывать революционный террор»⁶. К 1906 г. в России насчитывалось до 50 партий, но политически значимыми на тот период были две: Конституционалисты-демократы (кадеты — лидер П.Н. Миллюков) и партия 17 октября (октябристы — лидер А.И. Гучков). Программа кадетской партии предусматривала преобразование России мирным парламентским путем в буржуазное государство. Предполагалось решение аграрных проблем, перестройка местных органов власти на началах самоуправления, проведение судебной реформы и обеспечение реализации прав и свобод граждан. Социальную базу Союза 17 октября составили крупная буржуазия, дельцы-предприниматели, крупные землевладельцы и другие. Программа октябристов предусматривала сохранение империи как формы устройства России, сильную монархическую власть, сохранение помещичьего землевладения, уравнение крестьян в правах с другими сословиями и облегчение их выхода из общины. Одновременно происходила консолидация правых сил в «Совете объединенного дворянства», выражавшего интересы царской семьи, земельной аристократии, придворной камарильи, аппарата власти и генералитета, духовенства и наиболее консервативной части помещиков. Аналогичные интересы выражали и черносотенные организации: Союз русского народа (лидер А.И. Дубровин), Союз Михаила Архангела (лидер В.М. Пуришкевич) и другие, спонсируемые Департаментом полиции. Интересы рабочего класса отражала Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП). После раскола в 1903 г. меньшевики во главе с Л. Мартовым считали, что в грядущей революции будет доминировать буржуазия, а не пролетариат, что позволит использовать мирные парламентские средства для социалистического преобразования общества. Большевики и их лидер В.И. Ленин считали, что главной движущей силой в революции должен стать рабочий класс в союзе с крестьянством, а после победы революции, свержения самодержавия и учреждения демократической республики следует как можно быстрее перейти к социалистической революции и социализму, на основе диктатуры пролетариата. Интересы крестьянства выражала партия социалистов-революционеров (эсеров), лидером которой был В. Чернов. Их программа предусматривала экспроприацию капиталистической собственности и реформу общества на социалистических началах, через социализацию земли. Главным тактическим средством

⁵ История государства и права России (XIX — начало XXI в.) : учебное пособие / Н.В. Михайлова. М. : КНОРУС, 2016. С. 18.

⁶ Исаев И.А. Указ. соч. С. 495.

они предполагали индивидуальный террор с целью вынудить Правительство пойти на созыв Учредительного собрания и провозглашение в России демократической республики. Все названные партии и движения легально действовали на политической арене России, участвовали в выборах Госдумы, имели в ней свои фракции. Возникает закономерный вопрос: насколько оправданной была легализация и легитимация деятельности радикальных политических структур в условиях кризиса, чрезвычайного и военного положения?

С самого начала войны Николай II пытался избавиться от Думы и восстановить в полном объеме самодержавную власть, устои которой пошатнулись в глазах народа и придворной камарильи ввиду влияния фаворита царя Григория Распутина. В этой ситуации разведки западных стран не могли упустить выгоду смуты и сделала все, чтобы не допустить сепаратного союза между Россией и Германией. Канву трагических событий 1917 г. следует дополнить недалекими решениями и действиями Николая II: смещение великого князя Николая Николаевича Романова с должности Верховного главнокомандующего и назначение себя на эту должность без опыта и компетентности; упорное противодействие Государственной Думе по созданию Прогрессивного блока и «ответственного правительства» в 1916 г.; правительственная «чехарда» в системе государственного управления. Все это свидетельствовало о полном отсутствии авторитета у Николая II и доверия к нему не только со стороны политической и военной элит, но и простого народа. Трудно сомневаться в том, что отречение 2 марта 1917 г. Николая II от престола являлось хорошо спланированным государственным переворотом. *Безвольность и политическая близорукость императора — смертный приговор Российской империи и его собственной семье.* Это акт очевидной измены Государя народу, разрушивший всю вертикаль власти в России, породивший революцию и хаос.

По закону о престолонаследии Государь не вправе был отказываться от престола в чью-либо пользу, он мог произвести отказ лишь по отношению к собственной персоне, предоставляя воцарение лицу, имеющему на то законное право. Поэтому Николай II не мог передать власть брату Михаилу, и тот, не имея никаких гарантий в условиях нарастающей революции, отказался принять престол и Манифестом от 3 марта предоставил право для решения вопроса будущему Учредительному собранию. Тем самым власть перешла в руки Временного комитета Государственной

Думы, а затем и Временного правительства России. Характерно, что ни одна из предложенных форм либерально-демократической организации власти, пришедших на смену монархической, так и не стала легитимной и полноценной до утверждения диктатуры пролетариата, когда полноценность была принесена в жертву революционной целесообразности. При этом комплекс либеральных реформ Временного правительства, требующий глубокого анализа, — по существу первый опыт либеральной демократии в России. Тем не менее опыт реформ оказался неостребованным и деструктивным, в условиях мировой войны и угрозы распада Российской империи. Власть так и не смогла решить главные вопросы буржуазной революции: о войне и мире, о земле, рабочий вопрос и другие. Именно поэтому «февральской революцией не только не была достигнута ни одна национальная задача русского народа, но произошел как бы национальный обморок, полная потеря национального сознания. Через наших высших представителей мы как нация потерпели духовный крах...»⁷.

Слабость центральной власти неизбежно породила сепаратизм национальной буржуазии и разорвала империю на части, каждая из которых искала правовые, политические и экономические формы национального суверенитета. Начиная с марта 1917 г. всю страну охватила лихорадка демократических выборов, голосований и проектов сессии, а в это время Правительство вело курс на войну до победы, что исключало политический компромисс и увеличивало отрыв власти от народа. Помимо этого, развитие основ российского капитализма было опосредовано полным контролем со стороны феодально-монархического режима и преобладанием государственного регулирования экономики, что объективировало монархическую власть на фоне слабой национальной буржуазии.

Два альтернативных проекта государственности — Российская демократическая республика и Республика Советов — были обречены на провал, так как оба не отвечали требованиям времени по организации сильной исполнительной власти. В отличие от населения стран Европы и США, граждане России, в большинстве своем крестьяне, не могли быть полноценными участниками рыночных отношений. В России начала XX в. только крупный собственник имел возможность гарантировано вложить капитал и получить сверхприбыль, при условии выполне-

⁷ Солженицын А. Размышления над Февральской революцией // Российская газета. 2007. 27 февраля. С. 14.

ния государственного заказа и лояльности власти. Поэтому российская индустриализация строилась путем привлечения крупного иностранного капитала, что привело к преобладанию зарубежных банков. Иностранный капитал достаточно легко брал под свой контроль многие средства массовой информации, спонсировал деятельность масонских организаций и политических партий, революционных групп, тем самым устраняя экономического конкурента и подрывая устойчивость российской государственности. Ослабление России — извечная парадигма стратегии Запада.

Таким образом, закономерности государственно-правового развития России в начале XX в. предполагали целый комплекс буржуазно-либеральных реформ и переходный режим дуалистической монархии. Однако реформы не затронули глубинных основ самодержавия, не решили наиболее острых проблем и тем самым спровоцировали революционную смуту. Поскольку война и либерализм не допускают совмещения, то отречение от престола царя неизбежно соединило несоединимое, а это и стало началом подлинной революции и политического излома России, которая до сих пор не избавилась от его причин и последствий.

Литература

1. Захаров Н.А. Система русской государственной власти / Н.А. Захаров. Новочеркасск, 1912. 324 с.
2. Захаров Н.А. Система русской государственной власти / Н.А. Захаров. М. : Москва, 2002. 400 с.
3. Исаев И.А. История государства и права России : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. / И.А. Исаев. М. : Юрист, 2004. 797 с.
4. История государства и права России (XIX — начало XXI в.) : учебное пособие / Н.В. Михайлова. М. : КНОРУС, 2016. 376 с.
5. Смолин М.В. Публицистика государственной самобытности // Захаров Н.А. Система русской государственной власти. М. : Москва, 2002. С. 5–28.
6. Солженицын А. Размышления над Февральской революцией // Российская газета. 2007. 27 февраля. С. 14.
7. Хрестоматия по истории отечественного государства и права, X век — 1917 год / сост. В.А. Томсинов. М. : Зерцало, 1998. 381 с.

References

1. Zakharov N.A. Sistema russkoy gosudarstvennoy vlasti [The Russian System of Public Authorities] / N.A. Zakharov. NovoCherkassk — NovoCherkassk, 1912. 324 s.
2. Zakharov N.A. Sistema russkoy gosudarstvennoy vlasti [The Russian System of Public Authorities] / N.A. Zakharov. Moskva : Moskva — Moscow : Moscow, 2002. 400 s.
3. Isaev I.A. Istoriya gosudarstva i prava Rossii : uchebnik. 3-e izd., pererab. i dop. [The History of Russian State and Law : textbook] / I.A. Isaev. Moskva : Yurist — Moscow : Lawyer, 2004. 797 s.
4. Istoriya gosudarstva i prava Rossii (XIX — nachalo XXI v.) : uchebnoe posobie [The History of Russian State and Law (the XIX to the Early XXI Century) : textbook] / N.V. Mikhaylova. Moskva : KNORUS — Moscow : KNORUS, 2016. 376 s.
5. Smolin M.V. Publitsistika gosudarstvennoy samoby'tnosti [Publicistic Writing on the State Identity] // Zakharov N.A. Sistema russkoy gosudarstvennoy vlasti. Moskva : Moskva — Moscow : Moscow, 2002. S. 5–28.
6. Solzhenitsyn A. Razmy'shleniya nad Fevral'skoy revolyutsiei [Speculations on the February Revolution] // Rossiyskaya gazeta. 2007. 27 fevralya — Russian Gazette. 2007. February 27. S. 14.
7. Khrestomatiya po istorii otechestvennogo gosudarstva i prava, X vek — 1917 god / sost. V.A. Tomsinov [Anthology of the History of National State and Law, the X Century to 1917] Moskva : Zertsalo — Moscow : Mirror, 1998. 381 s.

DOI: 10.18572/1812-3805-2018-3-53-57

Отражение революционных событий 1917 года в российском общественном сознании

*Лавицкая Марина Ивановна,
профессор кафедры теории права и сравнительного правоведения
Российского государственного гуманитарного университета,
доктор исторических наук
marinalv2010@yandex.ru*

*Буреев Александр Александрович,
профессор кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин
Международного юридического института,
кандидат исторических наук
bureev50@yandex.ru*

В статье постулируется тезис о том, что революционные события 1917 года в российском общественном сознании воспринимаются двойственно: как исторические события и инструмент политики памяти и идентичности. Авторами делается вывод о необходимости формирования нового нарратива о революции 1917 г. в качестве актуальной задачи современного политического дискурса, в котором революция, будучи включенной в общенациональный исторический миф, не отменяющий возможности выработки собственного отношения к ней в рамках политики памяти, уже не будет использоваться как маркер идентичности, но будет восприниматься как продукт уже не актуальных в наше время противоречий.

Ключевые слова: революция 1917 г., Октябрьский переворот, идентичность, политика памяти, единый исторический нарратив.

Reflection of the Revolutionary Events of 1917 in the Russian Public Conscience

*Lavitskaya Marina I.
Professor of the Department of Theory of Law and Comparative Legal Studies
of the Russian State University for the Humanities
Doctor of History*

*Bureev Aleksandr A.
Professor of the Department of Theory of Law and State and Legal Disciplines
of the International Law Institute
Candidate of Historical Sciences*

The article postulates the thesis that the revolutionary events of 1917 in the Russian public consciousness are perceived in a dual way: as historical events and an instrument of the policy of memory and identity. The authors conclude that it is necessary to form a new narrative about the revolution of 1917 as an actual task of modern political discourse, in which the revolution, being included in a national historical myth that does not abolish the possibility of developing its own relations to it within the framework of the policy of memory, will no longer be used as a marker of identity, but will be perceived as a product of already irrelevant contradictions in our time.

Keywords: revolution of 1917, October revolution, identity, politics of memory, single historical narrative.

В российском общественном сознании революция 1917 г. существует в двух ипостасях: как реальное историческое событие, полное знание о котором до сих пор не сформировано, несмотря на то, что в историческом на-

учном сообществе говорят о наставшем времени для «скрупулезного, беспристрастного, профессионального изучения этого действительно великого исторического события в истории России, революции европейского

масштаба и мирового звучания»¹; и как инструмент политики памяти и политики идентичности, используемой для легитимации общественных сил или претензий социальных групп, проводимой властью политики и т.д., что позволило Е.Ю. Семеновой по результатам изучения ведущих научных направлений в исследовании событий 1917 г. в России на протяжении последнего десятилетия даже сделать неутешительный вывод: «...не преодолен кризис политизации в исследовании столь значимого для последующего развития России процесса, как процесс 1917 года. Более того, он приобрел новый виток. Поле дискуссий, «боев за историю», иногда превращается в поле «боев» против историзма, а также «отстаивание собственного реноме, и даже «политического проекта», преследующего цель оправдать историческими уроками современное развитие государственных процессов и сопрягаемых с ним целей части политической элиты»².

Революция как инструмент политики памяти особенно актуальна для поддержания «красной» идентичности, для которой она является фундаментальным элементом исторического нарратива. Однако не меньшее значение она имеет для идентичности «антисоветской», которая выстраивает свою легитимацию, исходя из противопоставления себя «советской» идентичности, берущей свое начало в революционных событиях 1917 г., но не замыкающейся на «красной» идее.

Ввиду этого обстоятельность известные в российском информационном пространстве оценки революции, проистекающие из потребностей политики идентичности, зачастую носят абсолютный, идеалистический характер. Особенно распространен пропагандистский подход к революции — обосновать «правоту» или «преступный характер» той политической силы настоящего или прошлого, к которой исследователь питает симпатии или которую ненавидит, либо обосновать «правоту» или «преступный характер» каких-то рекомендаций для настоящего. Это разительно отличается от собственно научной мотивации. В соответствии с известным разделением на фундаментальные и прикладные исследования в зависимости от того, идет ли

постановка задачи из внутренней логики изучаемого объекта или из необходимости получить конкретный практический ответ, собственно научных мотивов может быть два. Одни специалисты-историки движимы научным интересом, желанием узнать взаимосвязи исследуемой эпохи безотносительно к возможным утилитарным приложениям этого знания; постановка задачи ученого выводится из вопросов, возникших в предыдущих исследованиях этой эпохи. В рамках же прикладного анализа революции и ставится задача извлечь из произошедших событий уроки, важные в контексте сегодняшней повестки дня³, или вынести из этих уроков рекомендации для политической практики, найти правильный способ действий для достижения цели, важной для конкретного исследователя или его заказчика.

Следует отметить, что попытка назвать пропагандистский подход субъективным, а научный — объективным дает сбой. Ввиду невозможности полного отстранения от симпатий даже фундаментальное историческое исследование может вестись с подсознательным стремлением приукрасить одну из сторон противостояния и осудить другую. В результате, как отмечает П.Ф. Никулин, например, применительно к одному из самых дискуссионных вопросов эпохи правления последнего императора — столыпинской аграрной реформе: «...утвердились разнообразные, зачастую взаимоисключающие оценки целей, содержания и результатов аграрной модернизации 1906–1916 гг.»⁴, причину этого ученый видит прежде всего в разных социально-политических взглядах исследователей, а также в различиях теоретико-методологических подходов историков. Прикладное же исследование, ставящее задачу извлечения уроков и получения практических рекомендаций, тем более не может быть объективным ввиду того, что сами цели, ради достижения которых требуются рекомендации, тоже зависят от ценностей. Чаще всего субъективные пристрастия или мнение о предмете у исследователя складывается еще до начала исследования, и он непроизвольно «подбирает» удобные ему факты, соответствующие его априорным представлениям и лучше укладывающиеся в заранее готовую концепцию. В то же время максимальная добросовест-

¹ Космач В.А. Великая Российская революция 1917–1922 гг. и ее последствия: опыт сравнительно-исторического анализа // *Метаморфозы истории*. 2014. № 5. С. 391.

² Семенова Е.Ю. К оценке ситуации историографического дискурса о событиях 1917 г. в России последних десяти лет: «Шаг вперед, два шага назад» // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2017. Т. 19. № 3. С. 163.

³ Виктор В.В. Уроки революций 1917 года для современной России // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2017. № 4. С. 33–39.

⁴ Никулин П.Ф. Основные направления и итоги столыпинской аграрной реформы (1906–1916 гг.) // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2012. № 1 (17). С. 5.

ность и тщательное тестирование гипотез позволяют минимизировать ущерб объективности, который вносит наличие личных симпатий; с другой стороны, наличие симпатий может сыграть положительную мотивирующую роль, заставляя исследователя углубляться в тему намного больше, чем он это делал бы без эмоционального подтекста.

На первый взгляд, задача современной исторической науки в исследовании революционных событий 1917 г. в России состоит в максимально возможном преодолении «пропагандистского» подхода к событиям вековой давности, когда изначальной целью ставится не получение всестороннего объективного знания, а оправдание или ниспровержение (опорочивание) какой-либо позиции, актуальной в наши дни. Между тем политическая возможность достижения такой степени «объективности» вызывает серьезные сомнения.

Единого исторического нарратива в отношении революции современная российская идентичность не имеет. Есть официальный «примирительный настрой»⁵, который не дает четких оценок, и конкурирующие идеологические трактовки со стороны носителей «красного» и «антисоветского» нарратива, получающие простор для распространения в своих нишах и поддержания борьбы в тлеющем состоянии. Это позволяет любым влиятельным силам в любой момент обострить исторический конфликт и использовать его для политической мобилизации либо, наоборот, деморализации определенной части общества, это и происходит в отдельных постсоветских государствах⁶.

По всей видимости, конструктивным выходом из сложившейся ситуации может стать формирование нового нарратива о революции 1917 г., позволяющего преодолеть тлеющее противостояние имеющихся односторонних мифологических конструктов и его насаждение с одновременным прекращением искусственной поддержки устаревших конфликтных «красных» и «антикрасных» нарративов. При этом, несмотря на то, что новый национальный нарратив также будет иметь необъективный характер, поскольку выставит на первый план только один срез исторической действительности, необходимо позабо-

титься о преодолении тех установок, которые привели к тупиковому характеру нарративов, конкурирующих в современных условиях. По крайней мере, на этапе выработки нового нарратива придется полностью отказаться от пропаганды уже существующих.

К сожалению, на настоящий момент говорить об успешном уходе от пропагандистского подхода не приходится. Связано это в том числе и с высокой востребованностью пропагандистских псевдоисторических материалов в средствах массовой информации, актуальной публицистике, аналитике и т.д. Левые политические силы, позиционирующие себя как наследники революционеров 1917 г., пытаются дополнительно легитимизировать себя через оправдание и восхваление революционных деятелей, обоснование их «правоты» и неизбежности иного выхода для них в конкретной исторической ситуации. Их оппоненты или конкуренты, напротив, делегитимизируют современных левых через разоблачение «порочных практик» их предшественников. Представляется, что при этом сложно говорить не только об объективности, но и о достоверности полученных выводов, поскольку ангажированный подход приводит к методологически грубым ошибкам.

Так, очень частым явлением стало некорректное моделирование в рамках «альтернативной истории», основанное на экстраполяции субъективно выбранных краткосрочных тенденций дореволюционных лет. Современные критики революционеров экстраполируют подобранные ими позитивные показатели быстрого промышленного роста и образовательного уровня в Российской империи в предвоенный период, делая вывод о якобы неизбежном выходе Российской империи на роль самой развитой и мощной державы к середине XX в., если бы революция удалось избежать. Чтобы опровергнуть их, сторонники революционеров, напротив, подбирают свои показатели, по которым положение России оставалось неудовлетворительным, и тоже их экстраполируют, уверенно рассуждая о гипотетически неизбежном крахе России в том случае, если бы не было революций 1917 г.

Анализ данных подходов показывает, что они явно некорректны. Так, короткий период бурного промышленного роста, тем более с минимальных стартовых позиций и после нескольких циклических кризисов, отбросивших страну назад, не позволяет сделать вывод о дальнейшем развитии в том же темпе, особенно с учетом известных на данный момент ограничений дореволюционной России (низкая товарность и медленная реформируемость сельского хозяйства, технологическое

⁵ См., например: Сергей Нарышкин: революционные события 1917 года больше не раскалывают общество. URL: <http://tass.ru/opinions/interviews/4699298> (дата обращения: 15.01.2018).

⁶ Сапрыкина М.Г. Октябрьская революция 1917 г. как фактор социально-политической идентификации на постсоветском пространстве: постановка проблемы // Наука. Мысль : электронный периодический журнал. 2016. № 8–1. С. 64.

отставание, слабость национального капитала и пр.). Разумеется, если бы Российская империя не решила аграрные проблемы и сохранила отсталые институты, то промышленность не смогла бы и дальше развиваться экспоненциальными темпами.

С другой стороны, предположения современных сторонников революции, что все «болезни» страны остались бы и усугубились, также не имеют под собой достаточных оснований. Эти презумпции приписывают сложной структуре страны свойства неживой, чисто механической системы, не способной к сознательному изменению своих параметров. Поскольку в стране были люди, нацеленные на устранение существующих социальных недостатков в соответствии с их интересами, у государства была элита, осознававшая проблемы, стоящие перед страной, и необходимость промышленного и аграрного развития, в Российской империи работала система общественного диалога, то нет никаких поводов для утверждения, что все социальные болезни Российской империи, тормозившие ее развитие, остались бы в изначальном виде и даже усугубились.

Сторонники революционеров часто приводят аргументы, в которых провал тех или иных дореволюционных начинаний, связанный со сломом жизнеустройства в ходе революционных событий, подается как неизбежный результат дореволюционного устройства, а не революции (например, столыпинская реформа). Однако, на наш взгляд, нет достаточных оснований говорить о полном провале столыпинской реформы, поскольку эксперимент был прерван. Впрочем, как и нет оснований утверждать, что она смогла бы улучшить положение в сельском хозяйстве достаточно быстро. Любая из выбранных стратегических линий, как правило, поддавалась корректировке, и в худшем случае власти вполне могли изменить или скорректировать ход реформы в соответствии с новым пониманием, следующим из недостаточной успешности исходного замысла.

В основе описанного подхода лежит марксистская попытка представить исторические события как неизбежный результат действия безличных «исторических сил», а не выработать понимание революции как следствия интересов и тактики политических игроков тех времен.

Как уже говорилось, некорректные исторические экстраполяции описанного типа не связаны с добросовестным и беспристрастным добыванием объективного знания и преследуют цель политической дискредитации оппонентов, которые считают себя наследни-

ками либо дореволюционной, либо постреволюционной традиции. Следует заметить, что точно такие же экстраполяции применяют сейчас сторонники и противники СССР, при этом первые экстраполируют в будущее наиболее успешные десятилетия экономического развития страны, а вторые — восьмидесятые годы XX в. Очевидно, что в одном случае игнорируется невозможность постоянного превышения в промышленной экономике темпов роста над мировыми, а в другом — невозможность постоянной стагнации. Эти упражнения не дают аналитических инструментов, которые помогли бы в поиске решения сегодняшних проблем.

По нашему мнению, если вместо пропагандистского подхода избрать «технологический» подход «извлечения уроков», то это снизит эмоциональный накал восхваления или осуждения деятелей прошлого, но при этом позволит осознанно принимать более удачные политические решения с учетом исторического опыта. С точки зрения национальных интересов не приходится говорить, что революции 1917 г. были удачным решением. В частности, страна потеряла стратегически важные территории и возможность дальнейшего расширения, миллионы людей погибли, остались за границей или были туда изгнаны, общественный диалог загнан в узкие рамки марксистской парадигмы. Вышесказанное никак не отрицает такие бесспорные заслуги советской власти, как принятие эффективных государственных программ в области образования, медицинской помощи, аграрного и промышленного развития (часть из которых была разработана в царский период, но воплощена только в годы советской власти), повышение социальной мобильности, изменение роли женщин в обществе, вовлечение народных масс в социальные проекты, сглаживание социальной дифференциации.

Однако и принятие критического подхода к революции 1917 г. не следует переводить из разряда сожаления о крушении российской государственности в разряд осуждения, хотя бы потому, что все участники этих событий не имеют возможности оправдаться, и нам в полной мере недоступна их мотивация, несмотря на предпринимаемые в историческом сообществе попытки осмысления их воззрений⁷.

⁷ Начапкин М.Н. Русская революция 1917 года в оценках российских консервативных мыслителей первой трети XX века // Научный диалог. 2016. № 11 (59). С. 278–289; Шелохаев В.В., Соловьев К.А. Либеральные оценки Февральской революции 1917 года // Новейшая история России. 2017. № 2. С. 33–43; Гаврилов А.Ю. Октябрь 1917: взгляд из

Исходя из задач дальнейшего развития России, наиболее целесообразным представляется такой подход к выработке нового нарратива, в котором революция уже не будет использоваться как маркер идентичности: включаясь в общенациональный исторический миф, она должна восприниматься

меньшевистской эмиграции // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2009. № 3. С. 57–63. и др.

как продукт уже не актуальных в наше время противоречий, что снимет необходимость для современников солидаризироваться с одной из сторон противостояния. В то же время это не избавляет нас от необходимости выработать определенное отношение к революции как к одному из событий в спектре тех вопросов, вокруг которых ведется «политика памяти».

Литература

1. Викторов В.В. Уроки революций 1917 года для современной России / В.В. Викторов // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2017. № 4. С. 33–39.
2. Космач В.А. Великая Российская революция 1917–1922 гг. и ее последствия: опыт сравнительно-исторического анализа / В.А. Космач // *Метаморфозы истории*. 2014. № 5. С. 391–423.
3. Начапкин М.Н. Русская революция 1917 года в оценках российских консервативных мыслителей первой трети XX века / М.Н. Начапкин // *Научный диалог*. 2016. № 11 (59). С. 278–289.
4. Никулин П.Ф. Основные направления и итоги столыпинской аграрной реформы (1906–1916 гг.) / П.Ф. Никулин // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 1 (17). С. 5–10.
5. Сапрыкина М.Г. Октябрьская революция 1917 г. как фактор социально-политической идентификации на постсоветском пространстве: постановка проблемы / М.Г. Сапрыкина // *Наука. Мысль : электронный периодический журнал*. 2016. № 8–1. С. 63–67.
6. Семенова Е.Ю. К оценке ситуации историографического дискурса о событиях 1917 г. в России последних десяти лет: «Шаг вперед, два шага назад» / Е.Ю. Семенова // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2017. Т. 19. № 3. С. 160–166.
7. Шелохаев В.В. Либеральные оценки Февральской революции 1917 года / В.В. Шелохаев, К.А. Соловьев // *Новейшая история России*. 2017. № 2. С. 33–43.
8. Гаврилов А.Ю. Октябрь 1917: взгляд из меньшевистской эмиграции / А.Ю. Гаврилов // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2009. № 3. С. 57–63.

References

1. Viktorov V.V. Uroki revolyutsiy 1917 goda dlya sovremennoy Rossii [Lessons of the Revolution of 1917 for Modern Russia] / V.V. Viktorov // *Gumanitarny'e nauki. Vestnik Finansovogo universiteta* — The Humanities. Bulletin of the Financial University. 2017. № 4. S. 33–39.
2. Kosmach V.A. Velikaya Rossiyskaya revolyutsiya 1917–1922 gg. i ee posledstviya: opyt sravnitelno-istoricheskogo analiza [The Great Russian Revolution of 1917 to 1922 and Its Consequences: Experience of the Comparative and Historical Analysis] / V.A. Kosmach // *Metamorfozy istorii* — Historical Metamorphoses. 2014. № 5. S. 391–423.
3. Nachapkin M.N. Russkaya revolyutsiya 1917 goda v otsenkakh rossiyskikh konservativnykh mysliteley pervoy treti XX veka [The Russian Revolution of 1917 in Assessments of the Russian Conservative Thinkers of the First Third of the XX Century] / M.N. Nachapkin // *Nauchnyy dialog* — Scientific Dialogue. 2016. № 11 (59). S. 278–289.
4. Nikulin P.F. Osnovny'e napravleniya i itogi stolypinskoy agrarnoy reformy' (1906–1916 gg.) [The Main Areas and Results of the Stolypin Agrarian Reform (1906 to 1916)] / P.F. Nikulin // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* — Bulletin of the Tomsk State University. History. 2012. № 1 (17). S. 5–10.
5. Saprykina M.G. Oktyabrskaya revolyutsiya 1917 g. kak faktor sotsialno-politicheskoy identifikatsii na postsovetском prostranstve: postanovka problemy' [The October Revolution of 1917 as a Factor of Sociopolitical Identification in the Countries of the Former Soviet Union: Problem Setting] / M.G. Saprykina // *Nauka. My'sl : elektronnyy periodicheskiy zhurnal* — Science. Thought : electronic periodical. 2016. № 8–1. S. 63–67.
6. Semenova E.Yu. K otsenke situatsii istoriograficheskogo diskursa o soby'tiyakh 1917 g. v Rossii poslednykh desyati let: «Shag vpered, dva shaga nazad» [On Assessment of the Situation of a Historiographic Discussion about the Events of 1917 in Russia in the Last Ten Years: "A Step Forward, Two Steps Back"] / E.Yu. Semenova // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* — News of the Samara Research Center of the Russian Academy of Sciences. 2017. Vol. 19. № 3. S. 160–166.
7. Shelokhaev V.V. Liberalny'e otsenki Fevral'skoy revolyutsii 1917 goda [Liberal Assessments of the February Revolution of 1917] / V.V. Shelokhaev, K.A. Solovyev // *Noveyshaya istoriya Rossii* — Contemporary History of Russia. 2017. № 2. S. 33–43.
8. Gavrilov A.Yu. Oktyabr 1917: vzglyad iz menshevistskoy emigratsii [October 1917: a View from the Menshevik Emigration] / A.Yu. Gavrilov // *Vestnik assotsiatsii vuzov turizma i servisa* — Bulletin of the Association of Tourism and Service Universities. 2009. № 3. S. 57–63.

«Господарь всея Руси»: титул великого князя Московского в XVI в.

*Савченко Дмитрий Александрович,
декан юридического факультета
Новосибирского государственного университета экономики и управления,
кандидат юридических наук, доцент
s-d-63@mail.ru*

В статье представлены результаты исследования источников (текстов печатей и монет), отражающих титулатуру главы Московского государства XVI в. Установлено, что великий князь Московский имел титул «господарь», который зафиксирован в источниках в полной или сокращенной («ГДРЬ») форме. Использование в этот период великим князем Московским титула «государь» источниками не подтверждается.

Ключевые слова: великий князь Московский, титул, господарь, государь, правовое средство.

'Hospodar of All Rus': the Title of the Grand Prince of Moscow in the XVI Century

*Savchenko Dmitry A.
Dean of the Law Faculty of the Novosibirsk State University
of Economics and Management
Candidate of Legal Sciences
Assistant Professor*

The article presents the results of research of sources (texts of pec-chates and coins) reflecting the titlature of the head of the Moscow state of the 16th century. It is established that the Grand Duke of Moscow had the title "Gospodar" ("sovereign"), which is fixed in the sources in full or abbreviated form ("ГДРЬ"). The use of the title «Gosudar» in this period by the Grand Duke of Moscow is not confirmed by sources.

Keywords: Grand Duke of Moscow, title, "Gospodar", dominus, legal instrument.

1. Титул главы государства имеет важное политическое и юридическое значение. Он в концентрированной форме выражает правовой статус носителя публичной власти, характеризует полномочия и общую правосубъектность, является правовым средством охраны его политических интересов. Изменения титула главы государства отражают особенности организации политической власти в соответствующий исторический период.

Для истории отечественной юриспруденции особое значение имеет форма и содержание титула монарха периода формирования русского централизованного государства вообще и XVI в. в частности. Их уточнение позволяет лучше понять механизмы и закономерности политического развития страны, объяснить его специфические черты и характеристики.

Титул монарха имеет сложное содержание. Он отражает территориальные пределы государственной власти, а также источник власти и ее религиозные характеристики. Отдельно внимания заслуживают те элементы титула, которые характеризуют особенности по-

литического статуса, отражают место монарха в системе внутренних и внешних политических связей, его роль в политической системе. В титуле главы Московского государства они выражались понятиями «князь» («великий князь»), «царь» и «господарь» («великий господарь»). Последний из указанных элементов титула нуждается в специальном рассмотрении.

2. В современной юридической историографии наличие у главы Московского государства титула «господарь» («осподарь»), как правило, не упоминается и, как следствие, не анализируется. Это связано с представлением о том, что уже в рассматриваемый период великий князь Московский именовался «государем», а возглавляемая им политическая система — «государством». Однако обращение к первоисточникам не подтверждает подобные мнения.

Наиболее надежным источником информации о фактическом содержании титула главы Московского государства являются его печати. Применительно к XVI в. речь идет о печатях великих князей и царей Рюриковичей:

Ивана III Васильевича, Василия III Ивановича, Ивана IV Васильевича и Федора Ивановича, а также Бориса Федоровича Годунова.

Основа титулатуры главы Московского государства XVI в. была заложена Иваном III. Титульная надпись на его великокняжеской печати 1497 г. гласит: «ИОАН БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ ГОСПОДАРЬ ВСЕЯ РУСИ И ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ»¹.

«Господарем» или «великим государем» Иван III называет себя в посланиях к правителю Кафы и Тамани (1484 г.)² и венгерскому королю (1488 г.)³, в верительных грамотах императору Фридриху и римскому королю Максимилиану (1489 г.)⁴, а также Папе Римскому Александру (1499 г.)⁵.

Иван III именовался «господарем» («осподарем») также на московских деньгах: «Князь великий Иван Васильевич осподарь всея Руси»⁶.

Титул «господарь» сохраняли за собой и наследники Ивана III. Об этом, в частности, свидетельствуют монеты Ивана IV («Князь великий Иван Васильевич осподарь всея Руси»)⁷, а также тексты на печатях Василия III (1506–1507, 1514, 1517, 1521 гг.), Ивана IV (1539, 1562, 1577 и 1583 гг.) и Федора Ивановича (1584, 1585 и 1589 гг.). «Господарем» именовал себя в текстах государственных печатей и избранный царь Борис Федорович Годунов (1599 г.)⁸.

Кроме того, на многих печатях титул «господарь» отражен в сокращенной форме «ГДРЬ». Она установилась и получила широкое распространение с конца XV в. как «проявление графической адаптации слова к церковнославянской графической системе»⁹.

При этом ни на одной из известных в настоящее время печатей великих князей Московских не отражен титул «государь». Исследователям не известны и иные первоисточники, где бы глава Московского государства XVI в. именовался «государем», а возглавляемая им политическая система — «государством». А. Золтан убедительно показал, что лишь русско-французский словарь-разговорник полярного исследователя Ж. Соважа, побывавшего в 1586 г. в Архангельске¹⁰, отражает использование в русском языке наряду со словами «аспадаре», «аспадарыня» слова «асударь» — как формы вежливо-го обращения к человеку¹¹.

Те издания документов этого периода, в которых сокращенное слово «ГДРЬ» раскрывается как «государь», опираются на неподтвержденное источниками мнение, сложившееся в XVIII в. Оно было выражено В.Н. Татищевым в подготовленном им в 1730–40 гг. «Лексиконе российском историческом, географическом, политическом и гражданском»: «Государь, никому кроме монарха не дается..., пишутся сокращенно или под титулом за преимущество... за государь *гдрь*...; иногда называли государя господарь, но оно ныне токмо волоскому и мултанскому воеводам дается»¹².

Аналогичный подход (произвольная замена «господаря» «государем») применялся и к переводам иностранных текстов. Так, например, в предисловии к рукописи гетмана Жолкевского 1611 г., изданной на русском языке в 1835 г., говорилось: «...слова *Hospodar*, *Hospodarstwo*, *Господарь*, *Господарство*, вышедшие совершенно из употребления, мы решили заменить следующими: ...*Государь*, *Государство*»¹³.

3. Слово «господарь» в значении «хозяин» имело общеславянские корни. При этом собранные И.И. Срезневским материалы по-

¹ Агоштон М. Великокняжеская печать 1497 г. К истории формирования русской государственной символики. М.: Древлехранилище, 2005. С. 143.

² Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Ногайской ордами и с Турцией. С 1474 по 1505 г., эпоха свержения татарского ига в России / под ред. Г.Э. Карпова. Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 41. СПб., 1884. № 10. С. 41.

³ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 1. Дипломатические сношения с империей Римской (с 1488 по 1594 год). СПб., 1851. Стб. 165.

⁴ Там же. Стб. 15–16.

⁵ Казакова Н.А. Грамота Ивана III папе Александру VI // Археографический ежегодник за 1973 год. М., 1974. С. 27.

⁶ Федоров Г.Б. Московские деньги времени великих князей Ивана III и Василия III // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М., Л., 1949. Вып. 30. С. 70–76.

⁷ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. Т. 2. СПб., 1902. С. 735.

⁸ Акты русского государства 1505–1526 гг. / сост. С.Б. Веселовский. М., 1975. С. 32, 40, 193. Снимки древних русских печатей, государственных, царских, областных, городских, присутственных мест и частных лиц / под ред. Ф. Бюлера. Выпуск 1. М., 1882. С. 4–7, 9, 12, 16, 19, 22, 23, 25, 27, 30.

⁹ Золтан А. К предьстории русского «государь» // Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1 (Киевская и московская Русь). М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 584.

¹⁰ Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 году. Открытие Арктики французами в XVI веке. М.: Новое литературное обозрение, 2017.

¹¹ Золтан А. Указ. соч. С. 585.

¹² Татищев В.Н. Избранные произведения / под общей ред. С.Н. Валка. А., 1979. С. 244.

¹³ Рукопись Жолкевского. М., 1835. С. IV.

казывают, что в древнерусском языке слово «господарь» («осподарь»)¹⁴ обозначало три основных понятия: «глава семьи» (го-сподин для членов семьи, распорядитель ее имущества), «хозяин» (господин для работников, собственник и руководитель хозяйственной единицы) и «государь» (владелец определенной территории и ее населения). Их генетическая связь в определенной мере отражает историческую эволюцию социальной власти: от семейной (родственной) к корпоративной (хозяйственный коллектив), а затем — к политической (территориальной).

Как элемент титула монарха слово «господарь» «проникает в Московскую Русь в XV веке из Литвы»¹⁵.

Впервые в таком качестве слово отмечается в грамотах, подготовленных в русской канцелярии польского короля Казимира III (1330–1370). В связи с присоединением к Польше Галицкого княжества в титулатуре Казимира III появилась фраза «господарь русской земли»¹⁶, которая представляла собой русский перевод латинского выражения «dominus Russiae». Так в некоторых латинских грамотах именовались последние галицко-волинские князья¹⁷.

В последующем, в период унии Польши и Литвы слово «господарь» как аналог лат. dominus становится частью титула великого князя Литовского.

Во внутривластическом смысле титул закреплял императивный, служебный (хозяин — слуга) характер отношений великого князя с удельными князьями и другими подданными. Он отражался, в частности, в текстах присяги удельных князей с обязатель-

ством «не искать иных государев... мимо нашего милого государя»¹⁸.

Во внешнеполитическом значении он характеризовал монарха, самостоятельно владеющего определенной территорией. В этом смысле великий князь Витовт в начале XV в. именовался, в частности, «многих русских земель государем»¹⁹. Так его называл в договорной грамоте и великий князь Тверской Борис Александрович (1427 г.)²⁰. «Государем моим» именовал Витовта великий князь рязанский Иван Федорович (1430 г.): «...осподарь мой, князь великий Витовт, принял меня... на службу»²¹.

В этих условиях принятие великим князем Московским титула «господарь» имело важное политическое значение. Так закреплялся его статус и политические полномочия, которые уравнивались со статусом великого князя Литовского. В условиях острой политической конкуренции и борьбы за «русские земли» принятие титула «господарь» стало правовым средством защиты политических интересов Московского государства.

Во внутривластических отношениях принятие этого титула означало утверждение императивной природы отношений с удельными князьями и символизировало единство централизованной политической системы во главе с великим князем Московским.

Применение титула «господарь» как в начале, так и в конце XVI в. свидетельствует о том, что его политическое и юридическое значение сохранялось в течение всего периода формирования и укрепления Московского царства как единого русского централизованного государства.

¹⁸ Грамоты XIV ст. / Упорядок., вст. ст., ком. і слов.-показ. М.М. Пещак. Київ, 1974. № 81. С. 145–146.

¹⁹ Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. I. СПб., 1846. № 24. С. 33.

²⁰ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / подгот. к печати Л.В. Черепнин. М.-Л., 1950. № 23. С. 62.

²¹ Там же. № 25. С. 67–68.

¹⁴ Срезневский И.И. Указ. соч.

¹⁵ Золтан А. Указ. соч. С. 557.

¹⁶ Там же. С. 558.

¹⁷ Срезневский И.И. Древние памятники русского письма и языка (X–XIV вв.). Общее повременное обозрение. СПб., 1882. С. 177, 185.

Литература

1. Агоштон М. Великокняжеская печать 1497 г. К истории формирования русской государственной символики / М. Агоштон. М.: Древлекхранилище, 2005. 464 с.
2. Акты русского государства 1505–1526 гг. / сост. С.Б. Веселовский. М.: Наука, 1975. 437 с.
3. Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 году. Открытие Арктики французами в XVI веке / Б. Виане. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 512 с.
4. Грамоты XIV ст. / Упорядок., вст. ст., ком. і слов.-показ. М.М. Пещак. Київ: Наукова думка, 1974. 256 с.
5. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / подгот. к печати Л.В. Черепнин. М.-Л., 1950. 585 с.
6. Жолкевский С. Рукопись Жолкевского (Начало и успех Московской войны в царствование Е.В. короля Сигизмунда III, под начальством его милости, пана Станислава Жолкевского, воеводы Киевского, напольного коронного гетмана) / изданная Павлом Мухановым, действительным членом Императорских обществ: М. Испытателей природы, М. Сельского хозяйства, Ст.-Петербургского вольного экономического и Общества истории и древностей российских / С. Жолкевский. М., 1835. 344 с.
7. Золтан А. К предьстории русского «государь» // Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1 (Киевская и московская Русь) / А. Золтан. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 554–590.

8. Казакова Н.А. Грамота Ивана III папе Александру VI / Н.А. Казакова // Археографический ежегодник за 1973 год. М. : Наука, 1974. С. 26–28.
9. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Ногайской ордями и с Турцией. Т. 1. С 1474 по 1505 г., эпоха свержения татарского ига в России / под ред. Г.Э. Карпова. Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 41. СПб., 1884. 631 с.
10. Снимки древних русских печатей, государственных, царских, областных, городских, присутственных мест и частных лиц / под ред. Ф. Бюлера. Вып. 1. М., 1882. 204 с.
11. Срезневский И.И. Древние памятники русского письма и языка (X–XIV вв.). Общее повременное обозрение / И.И. Срезневский. СПб. : Тип. Императорской Академии Наук, 1882. 392 стб.
12. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. Т. 2 / И.И. Срезневский. Л.-П. СПб. : Отд. рус. яз. и словесн. Имп. АН, 1902. 1803 стб.
13. Татищев В.Н. Избранные произведения / под общ. ред. С.Н. Валка / В.Н. Татищев. Л. : Наука, 1979. 464 с.
14. Федоров Г.Б. Московские деньги времени великих князей Ивана III и Василия III / Г.Б. Федоров // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1949. Вып. 30. С. 70–81.

References

1. Agoshton M. Velikoknyazheskaya pechat 1497 g. K istorii formirovaniya russkoy gosudarstvennoy simboliki [The Seal of Grand Prince of 1497. On the History of Origination of the Russian State Symbolism] / M. Agoshton. Moskva : Drevlekhranilische — Moscow : Archives, 2005. 464 s.
2. Akty' russkogo gosudarstva 1505–1526 gg. / sost. S.B. Veselovskiy [Acts of the Russian State of 1505 to 1526] Moskva : Nauka — Moscow : Science, 1975. 437 s.
3. Vianey B. Puteshestvie Zhana Sovazha v Moskoviyu v 1586 godu. Otkry'tie Arktiki frantsuzami v XVI veke [Jean Sauvage's Trip to Moscovia in 1586. Discovery of the Arctic by the French in the XVI Century] / B. Vianey. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie — Moscow : New Literary Overview, 2017. 512 s.
4. Gramoti XIV st. [Charters of the XIV Century] / Uporyadk., vst. st., kom. i slov.-pokazh. M.M. Peschak. Kiiv : Naukova dumka — Kiev : Scientific Thought, 1974. 256 s.
5. Dukhovny'e i dogovorny'e gramoty' velikikh i udelny'kh knyazey XIV–XVI vv. [Spiritual and Contractual Charters of Grand and Apanage Princes in the XIV to the XVI Century] / podgot. k pechatu L.V. Cherepnin. Moskva — Leningrad — Moscow — Leningrad, 1950. 585 s.
6. Zholkevsky S. Rukopis Zholkevskogo (Nachalo i uspekh Moskovskoy voyny' v tsarstvovanie E.V. korolya Sigizmunda III-go, pod nachalstvom ego milosti, pana Stanislava Zholkevskogo, vovody' Kievskogo, napolnogo koronnogo getmana) / izdannaya Pavlom Mukhanovym, deystvitelny'm chlenom Imperatorskikh obschestv: M. Ispytateley prirody, M. Selskogo khozyaystva, St.-Peterburgskogo volnogo ekonomicheskogo i Obschestva istorii i drevnostey rossiyskikh [Zholkevsky's Manuscript (the Start and Success of the Muscovite War in the Period of the Reign of His Majesty King Sigismund III, under the Command of His Grace Pan Stanislav Zholkevsky, the Kievan Voivode, the Field Crown Hetman) / published by Pavel Mukhanov, Active Member of the Emperor's Societies: the Moscow Nature Investigation Society, the Moscow Agricultural Society, the Saint Petersburg Free Economic Society and the Society of History and Russian Antiquities] / S. Zholkevsky. Moskva — Moscow, 1835. 344 s.
7. Zoltan A. K predy'storii russkogo «gosudar» // Iz istorii russkoy kultury'. T. II. Kn. 1 (Kievskaya i moskovskaya Rus) [On Prehistory of the Russian 'Hospodar' // From the History of Russian Culture. Vol. II. Book 1 (the Kievan and Muscovite Rus)] / A. Zoltan. Moskva : Yazy'ki slavyanskoy kultury' — Moscow : Languages of the Slavic Culture, 2002. S. 554–590.
8. Kazakova N.A. Gramota Ivana III pape Aleksandru VI / N.A. Kazakova [The Charter of Ivan III to Pope Alexander VI] // Arkheoграфический ежегодник за 1973 год. Moskva : Nauka — Moscow : Science, 1974. S. 26–28.
9. Pamyatniki diplomaticheskikh snosheniy Moskovskogo gosudarstva s Kry'mskoy i Nogayskoy ordami i s Turtsiyey. T. 1. S 1474 po 1505 g., epokha sverzheniya tatarskogo igi v Rossii / pod red. G.E. Karpova. Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obschestva. T. 41 [Monuments of the Diplomatic Relations between the Moscow State and the Crimean and Nogai Horde and Turkey. Vol. 1. From 1474 to 1505, the Era of Overthrow of the Mongol-Tatar Yoke in Russia / edited by G.E. Karpov. Collection of the Imperial Russian Historical Society. Vol. 41] Sankt-Peterburg — Saint Petersburg, 1884. 631 s.
10. Snimki drevnikh russkikh pechaty, gosudarstvenny'kh, tsarskikh, oblastny'kh, gorodskikh, prisutstvenny'kh mest i chastny'kh lits [Images of the Ancient Russian Seals, State, Tsar, Provincial, City Public Offices and Individuals] / pod red. F. Byulera. Vy'p. 1. Moskva — Moscow, 1882. 204 s.
11. Sreznevsky I.I. Drevnie pamyatniki russkogo pisma i yazy'ka (X–XIV vv.). Obschee povremennoe obozrenie [Ancient Monuments of the Russian Script and Language (the X to the XIV Century). General Periodic Overview] / I.I. Sreznevsky. Sankt-Peterburg : Tip. Imperatorskoy Akademii Nauk — Saint Petersburg : printing office of the Imperial Academy of Sciences, 1882. 392 stb.
12. Sreznevsky I.I. Materialy' dlya slovaryi drevnerusskogo yazy'ka po pismenny'm pamyatnikam : v 3 t. T. 2 [Materials for the Dictionary of the Ancient Russian Language on Written Monuments] / I.I. Sreznevsky. L.-P. Sankt-Peterburg : Otd. rus. yaz. i slovesn. Imp. AN — L.-P. Saint Petersburg : Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences, 1902. 1803 stb.
13. Tatischev V.N. Izbranny'e proizvedeniya / pod obsch. red. S.N. Valka [Selected Works] / V.N. Tatischev. Leningrad : Nauka — Leningrad : Science, 1979. 464 s.
14. Fedorov G.B. Moskovskie dengi vremeni velikikh knyazey Ivana III i Vasiliya III [The Moscow Money of the Times of Grand Princes Ivan III and Vasily III] / G.B. Fedorov // Kраткие сообщения Института истории материальной культуры' — Short Messages of the Institute for the History of Material Culture. 1949. Issue. 30. S. 70–81.

Анализ историко-правового процесса формирования понятия эмиссионного института государственной власти в контексте евразийской интеграции

*Айвазидис Ахиллес Кириакович,
преподаватель кафедры конституционного
и муниципального права Юридического института
Пятигорского государственного университета
daichimaru803@gmail.ru*

В статье представлен анализ исторического аспекта формирования и развития понятия эмиссионного института государственной власти. Показаны исторические этапы становления и развития правовых основ денежной эмиссии и ее формирования как неотъемлемой части государственной политики. Раскрыта проблема соотношения государственной монополии и негосударственной, частной инициативы в деятельности по осуществлению денежной эмиссии, на различных исторических этапах становления и развития эмиссионного института государственной власти. Освещены современные проблемы в правовом обеспечении, научной обоснованности и практической разработке понятия эмиссионного института государственной власти. Предложена авторская концепция понятия эмиссионного института государственной власти.

Ключевые слова: *Центральный Банк, эмиссионный институт, Национальный Банк, конституционно-правовой статус, Центральный Банк Российской Федерации, Национальный Банк Республики Беларусь, Национальный Банк Республики Казахстан, Центральный Банк Республики Армения.*

Analysis of the Historical and Legal Process of Origination of the Emission State Power Institution Notion within the Framework of the Eurasian Integration

*Ayvazidis Akhilles K.
Lecturer of the Department of Constitutional and Municipal Law
of the Law Institute of the Pyatigorsk State University*

The article presents an analysis of the historical aspect of the formation and development of the concept of the issuing institution of state power. The historical stages of the formation and development of the legal foundations of monetary emission and its formation as an integral part of state policy are shown. The problem of the correlation of the state monopoly and non-state, private initiative in the activities for the implementation of money issue, at various historical stages of the formation and development of the issuing institution of state power is disclosed. Modern problems in legal support, scientific substantiation and practical development of the concept of the issuing institution of state power are highlighted. The author's conception of the concept of the issuing institution of state power is proposed.

Keywords: *Central Bank, issuing institution, the National Bank, the constitutional status of the Central Bank of the Russian Federation, the National Bank of the Republic of Belarus, the National Bank of the Republic of Kazakhstan, the Central Bank of the Republic of Armenia.*

На современном этапе развития правовых и экономических институтов Российская Федерация столкнулась с целым рядом сложностей как международного, так и регионального характера. Глобальный экономический кризис, дополненный экономическими санкциями, оказал негативное влияние на экономическое состояние российского государства. Политическая конфронтация между Российской Федерацией и «странами Запада» спо-

собствовала изменению вектора отношений, что привело к усилению интеграционных связей России с Европейско-Азиатским Экономическим Союзом (далее — ЕАЭС). Полагаем, что данное сближение представляется перспективным направлением во внешнеполитической деятельности нашего государства. Это подтверждается выводами, сделанными российскими исследователями, отметившими перспективность новой формы интеграцион-

ного сотрудничества, соответствующей тенденции глобальной регионализации в настоящее время¹.

Среди массы направлений финансовой интеграции стран ЕАЭС особое значение имеет интеграция банковских систем этих стран, подразумевающая под собой такие направления как: стандартизация банковского регулирования и надзора, система обеспечения прозрачности банковской деятельности, устойчивость кредитных организаций и другие виды деятельности. Нельзя не согласиться с Заявлением Правительства РФ и Центрального Банка РФ от 5 апреля 2011 г.² в том, что «Основной целью развития банковского сектора Российской Федерации согласно Стратегии развития банковского сектора Российской Федерации на период до 2015 года является активное участие в модернизации экономики на основе существенного повышения уровня и качества банковских услуг, предоставляемых организациям и населению, и обеспечения его системной устойчивости».

Однако в контексте Европейско-Азиатской экономической интеграции России становится очевидной проблема соотношения экономических и правовых систем государств, входящих в ЕАЭС. Одной из основополагающих проблем являются коренные различия в сфере правового обеспечения эмиссионной политики и конституционно-правового статуса органов, осуществляющих эту функцию в государствах — членах ЕАЭС. Стоит отметить, что проблема координации процесса реформирования затрагивает не только сферу частных отношений стран ЕАЭС между собой, но и сферу единого направления экономической политики во взаимоотношениях со странами, не являющимися членами ЕАЭС. К тому же, как справедливо утверждает Л.И. Волова, необходимым признаком ЕАЭС (как и ЕС) в качестве интеграционного объединения становится создание собственных постоянно действующих органов, определяющих институциональную структуру и обеспечивающих функционирование союза³, и такие наднациональные институты, как Международный Инвестиционный Банк ЕАЭС, стал-

квиваются с рядом трудностей при выработке оптимальной экономической стратегии, в немалой степени вследствие различий в правовом обеспечении эмиссионной политики стран ЕАЭС.

Одним из ключевых моментов оптимизации процесса преодоления этих сложностей является научная разработка и прогнозирование результатов такой деятельности. Всесторонний анализ экономических и политических последствий реформирования существующего правового положения институтов, осуществляющих эмиссионную политику в странах ЕАЭС, — приоритетная задача для достижения надлежащего результата. Но такой анализ невозможен без разработки соответствующей понятийной системы, и краеугольным камнем такой системы должно стать понятие ключевого предмета исследования — понятие эмиссионного института государственной власти. Разработка научно выработанного, формально определенного и принятого международным научным сообществом понятия эмиссионного института государственной власти является одновременно и приоритетной задачей научного сообщества в сфере банковского права, и началом разработки эффективной понятийной структуры банковского права как отрасли науки.

Для достижения этих целей нужно обобщить имеющийся научный материал, который будет включать, наряду с юридическими и экономическими, еще и историко-политический аспект формирования как банковского дела в общем, так и понятия Центрального или Национального Банка в частности.

Ключевое влияние на развитие банковского дела в России оказала византийская государственно-правовая традиция, включающая монополизацию государством денежной эмиссии и банковского сектора. Следствием этого стало отсутствие в России частных банков до XIX в. Это ключевое отличие российской модели банковской системы от системы, распространившейся в Западной Европе. К примеру, банковская система Англии складывалась целиком на частной инициативе, а государственный Банк Англии был сформирован только к 1694 г., как средство государственного контроля над уже имеющейся системой частных банков. Стоит отметить, что Банк Англии не обладал монопольным правом денежной эмиссии и получил его только в 1844 г. В России же формирование такой системы оформилось с созданием Государственного Банка, основанием которого послужил коммерческий, государственный банк. Именно с его созданием началось интенсивное формирование системы частных банков России.

¹ Васильева Н.А., Лагутина М.А. Формирование Евразийского Союза в контексте глобальной регионализации // Евразийская Экономическая интеграция. 2012. № 3 (16). С. 23–24.

² Заявление Правительства РФ и ЦБР № 1472п-П13, 01-001/1280 «О Стратегии развития банковского сектора Российской Федерации на период до 2015 года» // СПС «Гарант». URL: <http://base.garant.ru/591345/#ixzz50UEfnZ9f>

³ Волова Л.И. Формирование финансовой (валютной) системы Евразийского экономического союза // Финансовое право. 2016. № 6. С. 27–32.

К 1914 г. эта система представляла собой двухуровневое состояние, где к первому уровню относились государственные — специализированные банки, контролирувавшиеся Государственным Банком России, и частный банковский сектор. Однако после Октябрьской революции банки были национализированы, в конечном итоге сформировав исключительно государственной сектор банковской деятельности. Вновь коммерческие банки появляются только в конце 80-х годов. Это было вызвано причинами, имеющими скорее политический, чем экономический характер, и эффективность их деятельности была невысока, чему способствовало и непроработанное законодательство в области банковского дела. Возникла острая необходимость в разработке соответствующего правового обеспечения деятельности как коммерческих банков, так и государственной банковской сферы. Этим и было обусловлено принятие законов «О Центральном банке РСФСР (Банке России)» и «О банках и банковской деятельности в РСФСР» (2 декабря 1990 г.). Разработка данных нормативных актов велась российскими законодателями в значительной степени с опорой на опыт европейских стран и США, при этом по большей части игнорировались особенности «исторического пути развития» собственной банковской сферы. Как можно заметить, банковская сфера стран ЕАЭС развивалась централизованно, посредством целенаправленной нормотворческой деятельности государства, в отличие от «стран западной цивилизации», которые лишь урегулировали уже существующую банковскую систему.

К тому же российские законодатели столкнулись с проблемами в понимании сущности Центрального Банка, так как этот вопрос оставался дискуссионным и среди «западного» научного сообщества. В частности, как справедливо отмечают в своей работе О.В. Беспалова и Т.Г. Ильина, «с течением времени понимание сущности ЦБ изменялось — от отождествления центрального банка и коммерческого банка до их полного разделения»⁴. Стоит ли говорить, что ни целостной понятийной структуры, ни исчерпывающего понятия Центрального Банка к тому времени сформировано не было. Данная проблема, несмотря на усилия исследователей и законодателей разных стран, не разрешена до сих пор и приобрела еще большую остроту в свете формирования ЕАЭС.

Не будет преувеличением, если сказать, что формирование целостной понятийной структуры имеет большую актуальность в российском научном сообществе, так как ЕАЭС в научной литературе все чаще сравнивается с Европейским Союзом (далее — ЕС)⁵ как с успешным примером наднациональной правовой и экономической интеграции. Следует обратить внимание на перечень поставленных ЕС задач и достигнутых результатов, таких как: экономический и социальный прогресс стран-участников, создание экономического и валютного союза, введение единой валюты, единство внешнего политического курса, единая оборонительная политика, введение единого экономического пространства и многие другие. С учетом идентичных целей создания и деятельности данных организаций приводимые сравнения представляются весьма обоснованными и, хотя наднациональные структуры ЕАЭС обладают меньшим количеством властных полномочий и меньшим уровнем интеграции участников, перспективы развития сфер взаимодействия членов Европейско-Азиатского Союза дают основания ожидать углубления степени интеграции до уровня стран — членов Европейского Союза.

В данном контексте определение такого понятия как эмиссионный институт государственной власти представляется весьма обоснованным. Подобная форма определения обусловливается многообразием форм правового статуса и управленческих структур организаций, осуществляющих эмиссионную политику в странах ЕАЭС. Противоречия же, оказывающие негативное влияние на осуществление эффективной экономической политики стран ЕАЭС, можно условно разделить на различия в конституционно-правовом статусе институтов, осуществляющих эмиссионную политику в странах ЕАЭС, и структурно-правовое сопровождение эмиссионной политики в государствах ЕАЭС.

К первой категории можно отнести многообразие форм определения эмиссионных институтов, единое название которых не определено ни международным сообществом, ни странами — участниками ЕАЭС. В частности, Российский «Центральный Банк» — лишь одна из форм и может быть отнесен далеко не ко всем организациям подобного типа. К примеру, институтом, осуществляющим эмиссионную политику в Республике Беларусь, является «Национальный Банк Республики

⁴ Беспалова О.В., Ильина Т.Г. Понятие и сущность центрального банка: современный взгляд на проблему // Проблемы учета и финансов. 2012. № 3 (7). С. 52.

⁵ Пименова О.И. Наднациональная правовая интеграция на евразийском пространстве: анализ реалий и оценка возможностей использования опыта Европейского союза // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 5. С. 21–28.

Беларусь». Не менее важной проблемой, относящейся к категории конституционно-правовых, являются различия в определении институтов, осуществляющих эмиссионную политику в государствах, — как органов государственной власти либо как частных юридических лиц. В ст. 24 «Банковского кодекса Республики Беларусь»⁶ дано четкое определение Национального Банка как органа государственной власти. Законодатели Республики Беларусь, наделяя Национальный Банк республики статусом органа государственной власти, руководствуются принципом централизации органов исполнительной власти, так как проведение эмиссионной политики есть не что иное как осуществление исполнительных функций государства. В этом случае государственный контроль за надлежащим исполнением органами государственной власти своих функций предполагается оправданным. Такого принципа придерживается и еще одна страна — член ЕАЭС, а именно Казахстан «О Национальном Банке Республики Казахстан», Национальный Банк республики является государственным органом⁷.

Диаметральную противоположность конституционно-правовому статусу эмиссионных институтов Белоруссии и Казахстана представляет «Центральный Банк» Российской Федерации. Согласно ч. 1 ст. 75 Конституции РФ в России денежная эмиссия осуществляется исключительно Центральным банком Российской Федерации⁸. Согласно законодательству РФ Банк России не определен как орган государственной власти, и хотя осуществляет деятельность, которая согласно Конституции РФ является функцией органа государственной власти, все же он является юридическим лицом. Такая характеристика применима и к «Национальному Банку Республики Армения». Согласно п. 1 ст. 1 ФЗ «О Центральном Банке Республики Армения» от 30 июня 1996 г.,⁹ эмиссионный институт Республики Армения также является юриди-

ческим лицом. В современном научном сообществе не утихают споры относительно вопроса о том, какой конституционно-правовой статус, государственного органа или юридического лица, позволяет более эффективно осуществлять эмиссионную политику в государстве. Более того, сам статус юридического лица вовсе не означает, что указанный в нормативном акте банк не является государственным органом. Но и четкий отрицательный ответ в нормативных актах Российской Федерации и Республики Армения тоже отсутствует, тем самым оставляя «широкое поле» для дискуссии. Также стоит отметить, что российский законодатель, определив ЦБ РФ как юридическое лицо, допустил появление весьма спорных моментов в правовом обеспечении такого статуса. В частности, Российская Федерация вправе пользоваться и распоряжаться имуществом, которое законодательно определено как «имущество Банка России», при этом сам Банк осуществляет свои расходы за счет собственных доходов, но государство и Банк России не отвечают по обязательствам друг друга, если это не предусмотрено федеральными законами. При этом Банк России, согласно Федеральному закону от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ (в ред. от 29.06.2015) «О Центральном Банке Российской Федерации (Банке России)»¹⁰, осуществляет свои функции независимо от других органов государственной власти, что противоречит статусу юридического лица, чье имущество принадлежит на праве собственности государству. Такой правовой казус породил многочисленные споры среди исследователей на предмет организационно-правовой формы ЦБ РФ как юридического лица, собственного имущества Банка России, имущественного права на активы Банка России, средств погашения задолженности по обязательствам ЦБ РФ.

Очевидно, что выработка оптимальной экономической политики стран ЕАЭС в условиях «неопределенности» в вопросе о конституционно-правовом статусе эмиссионных институтов ряда членов ЕАЭС является весьма затруднительной. Этот вопрос обладает высоким приоритетом для разработки наукой о банковском деле и без научно выработанного, формально определенного и принятого международным научным сообществом понятия эмиссионного института государственной власти представляется еще более затруднительным для исследования.

⁶ Банковский Кодекс Республики Беларусь от 25 октября 2000 г. № 441-З // URL: <http://kodeksy.by/bankovskiy-kodeks>

⁷ Закон Республики Казахстан от 30 марта 1995 г. № 2155 «О Национальном Банке Республики Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 11.07.2017) // URL: <https://online.zakon.kz/>

⁸ Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (в ред. от 25 марта 2004 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Закон Республики Армения от 30 июня 1996 г. № Р-69 «О Центральном Банке Республики Армения» // URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1858&lang=rus>

¹⁰ Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (действующая редакция, 2016) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37570/

Ко второй категории, структурно-правовым аспектам, относятся различия в нормативно-правовой базе, обеспечивающей деятельность эмиссионных институтов государственной власти. Данная нормативно-правовая база имеет самые радикальные различия среди стран — членов ЕАЭС. Статус Центрального Банка Российской Федерации прописан в главном законе страны, а именно в ст. 75 «Конституции Российской Федерации»¹¹. Здесь же определены главные цели и задачи Банка России как института, монополю осуществляющего эмиссионную политику в Российской Федерации. Тем не менее это не отменяет необходимости в полном освещении всех аспектов деятельности Банка России, и российские законодатели составили специализированный законодательный акт, включающий все правовые основы деятельности ЦБ РФ, не отраженные в Конституции России. Такая форма правовой структуры статуса Банка России позволяет иметь широкий спектр возможностей для оперативного решения задач, стоящих перед Банком России. Тем не менее это положение предполагает ограниченный контроль государства над эмиссионным институтом страны. Конституция страны содержит основополагающие принципы построения современного демократического государства, и ее нормы имеют самую сложную структуру реформирования. Прописав основу деятельности ЦБ РФ в Конституции, законодатели ограничили влияние государства на его деятельность. В отличие от России, Республика Казахстан не стала размещать правовой статус своего Центрального Банка в Конституции, а водворила основополагающие принципы его деятельности в специализированном нормативном акте — Законе Республики Казахстан «О Национальном Банке Республики Казахстан»¹², таким образом обеспечив себе большую свободу «маневра» в области законотворчества о ЦБ, тем самым позволяя отвечать на возникающие сложные ситуации внутри Банка Казахстана более оперативно. Схожую структуру конституционно-правового статуса определила для своего эмиссионного института и Республика Армения, в цели и задачи которого, как справедливо отметили

в своей работе Т.С. Егоян, А.Е. Папаян¹³, «наряду с регулированием краткосрочной ликвидности, поступления и расходов внешних финансовых потоков со стороны правительства, выпуска и размещения государственных облигаций, входит и выбор основных макроэкономических показателей». Для реализации столь глобальных для экономики Армении целей законодатели республики наделили ЦБ РА широким кругом полномочий, но в то же время ограничив правовое сопровождение его полномочий уровнем федерального закона.

Еще более «стесненные» условия для своего Национального Банка избрала Республика Белоруссия. В отличие от других стран — членов ЕАЭС, «Национальный Банк Республики Белоруссия» вообще не имеет специализированного законодательного акта, а его конституционно-правовой статус определен как часть банковской системы страны и прописан в Банковском Кодексе Республики¹⁴. Данный правовой акт не только определяет Национальный Банк Белоруссии как орган государственной власти, но и представляет его как составную часть банковской системы страны, что ставит его в один ряд с другими органами исполнительной власти Белоруссии и серьезно ограничивает независимость от правительства Республики в принятии решений относительно определения эмиссионной политики государства. На данный момент среди всех стран — членов ЕАЭС правовой статус Национального Банка Белоруссии обладает самым «централизованным» характером и более всех подчинен правительству страны. Стоит отметить, что данная ситуация есть целенаправленное реформирование законодательства республики, так как Беларусь тоже имела специализированный нормативный акт¹⁵, определяющий основы деятельности Национального Банка Республики, но отказалась от подобной практики и приняла курс на ограничение независимости своего эмиссионного института.

Принимая во внимание вышеперечисленные проблемы и осознавая всю «щекотливость» международной политической и экономической обстановки, а также «исторический путь» развития правового статуса банковской системы стран ЕАЭС в общем и право-

¹¹ Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Закон Республики Казахстан от 30 марта 1995 г. № 2155 «О Национальном Банке Республики Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 11 июля 2017 г.) // URL: <https://online.zakon.kz/>

¹³ Егоян Т.С., Папаян А.Е. Центральный банк Республики Армения и его правовая основа // Управление. Бизнес. Власть. 2016. № 2 (11). С. 34–35.

¹⁴ Банковский Кодекс Республики Беларусь от 25 октября 2000 г. № 441-3 // URL: <http://kodeksy.by/bankovskiy-kodeks>

¹⁵ Закон Республики Беларусь от 14 декабря 1990 г. № 464-XII «О Национальном банке Республики Беларусь» // URL: <http://pravo.levonevsky.org/bazaby/zakon/zakb1494.htm>

вого статуса Центрального Банка в частности, можно прийти к выводу, что реформирование правового обеспечения эмиссионной политики стран ЕАЭС является приоритетной задачей законодательных органов стран — членов ЕАЭС. А разработка эффективной программы реформирования, прогнозирование результатов и кооперация научного сообщества этих стран — приоритетная задача научного сообщества, и разработка научно выработанного, формально определенного понятия эмиссионного института государственной власти — первый шаг на пути к формированию наиболее полного представления об эффективной эмиссионной политике стран ЕАЭС.

Однако не будет преувеличением, если сказать, что на данный момент не сформированы даже основные критерии формирования такого понятия, а без их выработки даже и не стоит задумываться о необходимой степени научной и практической обоснованности конечного результата. Как невозможно и эффективная оптимизация не только правового и управленческого обеспечения деятельности эмиссионных институтов стран ЕАЭС, но даже и определение направлений политики оптимизации представляется весьма затруднительным. В частности, решение вопроса о том, должна ли политика оптимизации проводиться в рамках централизации либо децентрализации его управляющих структур, равно как и вопроса повышения государственного контроля осуществления Национальными Банками стран ЕАЭС своих полномочий, или же наоборот — частичной передачи контролирующих функций в руки негосударственных организаций. Исходя из сказанного выше, можно прийти к выводу, что целесообразным будет предложить научному сообществу четыре критерия формирования понятия эмиссионного института государственной власти, а именно: конституционно-правовой, гражданско-правовой, структурно-управленческий и финансово-правовой.

Предложенные критерии наиболее полно отображают принципы правового обеспечения функционирования эмиссионных институтов государственной власти. Суть конституционно-правового принципа при формировании понятия эмиссионного института государственной власти заключается в выработке оптимальной формулировки понятия в системе его правового статуса по отношению к другим органам власти. Так как не все институты подобного толка можно назвать органами государственной власти. Как справедливо отметила Ю.В. Лысова¹⁶,

¹⁶ Лысова Ю.В. О правовых статусах Банка России и их практическом значении // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 2. С. 108–118.

«сложности в определении правового статуса Центрального банка РФ вызваны наличием несочетаемых нормативных положений в специально разработанных для этих целей законе...», таким образом, разрабатываемое понятие должно как сочетать в себе всю сложность ситуации с правовым статусом эмиссионных институтов, сложившуюся на данный момент, так и давать законодателям достаточную возможность для реформирования этой ситуации. Суть гражданско-правового критерия заключается в отображении спорной ситуации в определении эмиссионных институтов как юридических лиц. Данная коллизия имеет место в российской правовой сфере, как справедливо отметил А.И. Бычков, «несмотря на прямое указание Закона, Банк России таким являться не может, поскольку не подпадает ни под одну организационно-правовую форму юридических лиц, которые имеются в действующем гражданском законодательстве РФ»¹⁷. К тому же все имущество Банка России, как и он сам, является собственностью Российской Федерации, а следовательно, он не может нести ответственность по своим обязательствам самостоятельно. Тем не менее Банк России — неотъемлемая часть гражданского правового поля, и эта непростая ситуация, как и возможность ее решения в различных вариантах, должна найти свое отображение в понятии эмиссионного института государственной власти. Сфера структурно-управленческого критерия затрагивает прежде всего внутреннюю структуру управленческих подразделений эмиссионных институтов стран ЕАЭС. Может показаться, что этот критерий не столь существенно отражается на правовом обеспечении деятельности национальных банков и сфере взаимодействия этих банков в странах ЕАЭС, однако он имеет важное значение при возникновении критических ситуаций, требующих оперативных решений. Глобальный экономический кризис и наложение экономических санкций продемонстрировали «острую» необходимость в выработке механизма, способного справляться с такими ситуациями; и «мобильность» оперативного управления деятельностью вместе с максимально возможным устранением всех «сдерживающих факторов» являются одними из самых приоритетных направлений в современной экономической науке. Очевидно, что пренебрежение этими факторами при разработке понятия эмиссионного института государственной власти окажет негативное воздействие на исследования в этой области в

¹⁷ Бычков А.И. К вопросу о правовом статусе Банка России // Государственная власть и местное самоуправление. 2011. № 8. С. 33–37.

целом. Финансово-правовой критерий является наиболее сложным для проработки. Сложность данного критерия заключается в специфичности самой области исследования, так как если конституционно-правовой статус и гражданско-правовой статус — неотъемлемая часть правового положения национальных банков, то понятие финансово-правового статуса не сформулировано до сих пор. А поскольку критерии обособления финансового права от административного не выработаны и по сей день, то само существование финансового права как области исследования вызывает споры. Но, при всех нюансах, исключение этого критерия из процесса разработки понятия эмиссионного института государственной власти приведет к «обесцениванию» самого понятия, так как эффективная эмиссионная политика — одна из самых важных, экономических задач государства, «именно финансово-правовыми нормами регламентируются правовой статус Центрального банка РФ, правовое положение самих кредитных организаций, а также отношения между указанными субъектами как особыми финансовыми институтами и надзорным органом»¹⁸.

Подводя итог, можно констатировать следующее. Во-первых, эмиссионный институт — это орган государственной власти либо организация, обладающая государственными властными полномочиями, монопольно осуществляющая эмиссионную политику в государстве и выполняющая другие задачи в рамках действующего законодательства страны. Данная формулировка наиболее полно отражает основную функцию эмиссионного института в стране. Во-вторых, в рамках обеспечения свободы движения капитала, рабочей силы, товаров, а также проведения единой согласованной, скоординированной политики в области экономики стран — участников ЕАЭС совершенствование экономических институтов, осуществляющих эту деятельность, имеет высший приоритет. И без разработки всеобъемлющей понятийной системы банковского и финансового права, краеугольным камнем которой является понятие эмиссионного института государственной власти, а также анализа невозможно ни совершенствование правового обеспечения деятельности этих организаций, ни проведение эффективной единой экономической политики.

¹⁸ Химичева Н.И., Покачалова Е.В. Принципы российского финансового права как базисные принципы

банковской деятельности // Банковское право. 2013. № 6. С. 8–18.

Литература

1. Беспалова О.В. Понятие и сущность центрального банка: современный взгляд на проблему / О.В. Беспалова, Т.Г. Ильина // Проблемы учета и финансов. 2012. № 3 (7). С. 51–55.
2. Васильева Н.А. Формирование Евразийского Союза в контексте глобальной регионализации / Н.А. Васильева, М.А. Лагутина // Евразийско-Экономическая интеграция. 2012. № 3 (16). С. 19–29.
3. Волова Л.И. Формирование финансовой (валютной) системы Евразийского экономического союза / Л.И. Волова // Финансовое право. 2016. № 6. С. 27–32.
4. Егоян Т.С. Центральный банк Республики Армения и его правовая основа / Т.С. Егоян, А.Е. Папян, Г.В. Федотова // Управление. Бизнес. Власть. 2016. № 2 (11). С. 33–34.
5. Лысова Ю.В. О правовых статусах Банка России и их практическом значении / Ю.В. Лысова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 2. С. 108–118.
6. Пименова О.И. Наднациональная правовая интеграция на евразийском пространстве: анализ реалий и оценка возможностей использования опыта Европейского союза / О.И. Пименова // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 5. С. 21–28.

References

1. Bepalova O.V. Ponyatie i suschnost tsentralnogo banka: sovremenny'y vzglyad na problem [The Notion and Essence of the Central Bank: the Modern View on the Issue] / O.V. Bepalova, T.G. Ilyina // Problemy' ucheta i finansov — Issues of Accounting and Finance. 2012. № 3 (7). S. 51–55.
2. Vasilyeva N.A. Formirovanie Evraziyskogo Soyuz v kontekste globalnoy regionalizatsii [Establishment of the Eurasian Union within the Framework of the Global Regionalization] / N.A. Vasilyeva, M.L. Lagutina // Evraziysko-Ekonomicheskaya integratsiya — Eurasian Economic Integration. 2012. № 3 (16). S. 19–29.
3. Volova L.I. Formirovanie finansovoy (valyutnoy) sistemy' Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuz — Establishment of the Financial (Currency) System of the Eurasian Economic Union / L.I. Volova // Finansovoe pravo — Financial Law. 2016. № 6. S. 27–32.
4. Egoyan T.S. Tsentralny'y bank Respubliki Armeniya i ego pravovaya osnova [The Central Bank of the Republic of Armenia and Its Legal Basis] / T.S. Egoyan, A.E. Papyan, G.V. Fedotova // Upravlenie. Biznes. Vlast — Management. Business. Power. 2016. № 2 (11). S. 33–34.
5. Lysova Yu.V. O pravovy'kh statusakh Banka Rossii i ikh prakticheskom znachenii [On Legal Statutes of the Bank of Russia and Their Practical Value] / Yu.V. Lysova // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) — Bulletin of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2016. № 2. S. 108–118.
6. Pimenova O.I. Nadnatsionalnaya pravovaya integratsiya na evraziyskom prostranstve: analiz realiy i otsenka vozmozhnostey ispolzovaniya opy'ta Evropeyskogo soyuz [Supranational Legal Integration on the Eurasian Territory: Realia Analysis and Assessment of the Possibilities of Using the Experience of the European Union] / O.I. Pimenova // Svravnitelnoe konstitutsionnoe obozrenie — Comparative Constitutional Overview. 2014. № 5. S. 21–28.

DOI : 10.18572/1812-3805-2018-3-69-73

Правовые основы и историческое многообразие органов МСУ в России до 1917 г. От Петра I до Николая II

*Андреев Игорь Владимирович,
старший преподаватель кафедры
социальных, психологических и правовых коммуникаций
Национального исследовательского Московского
государственного строительного университета
i1532@yandex.ru*

*Лебедев Игорь Михайлович,
старший преподаватель кафедры
социальных, психологических и правовых коммуникаций
Национального исследовательского Московского
государственного строительного университета
lebedev26@mail.ru*

*Мезавцов Александр Михайлович,
доцент кафедры юриспруденции Покровского филиала
Московского педагогического государственного университета
atmezvavtsov@gmail.com*

Данная статья посвящена органам МСУ в аспекте правового и исторического многообразия, которые были присущи им до 1917 г. в различных губерниях Российской империи, а также теории развития муниципалитета в период временного правительства.

Ключевые слова: самоуправление в Российской империи, правовые и исторические особенности, переходный период.

Legal Bases and Historical Variety of Local Self-Government Bodies in Russia till 1917. From Peter I to Nicholas II

*Andreev Igor V.
Senior Lecturer of the Department of Social, Psychological, and Legal Communications
of the Moscow State University of Civil Engineering (National Research University)*

*Lebedev Igor M.
Senior Lecturer of the Department of Social, Psychological, and Legal Communications
of the Moscow State University of Civil Engineering (National Research University)*

*Mezvavtsov Aleksandr M.
Assistant Professor of the Department of Jurisprudence of the Pokrov Branch
of the Moscow State University of Education*

This article is devoted to bodies of local government in aspect of legal and historical variety which were inherent in them till 1917 in various provinces of the Russian Empire, and also the theory of development of municipality in the period of provisional government.

Keywords: self-government in the Russian Empire, legal and historical features, transition period.

Система местного самоуправления не является абсолютным новшеством в истории России. Ее развитию уделялось значительное внимание на всех исторических этапах, как

в дореволюционный период, так и в современных условиях. Современная Конституция Российской Федерации содержит специальную главу, посвященную местному самоуправ-

лению, в которой изложены общие положения организации местного самоуправления в современной России. Так, ст. 130 Конституции РФ гласит: «Местное самоуправление в Российской Федерации обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью. Местное самоуправление осуществляется гражданами путем референдума, выборов, других форм прямого волеизъявления, через выборные и другие органы местного самоуправления»¹. Данные положения конкретизируются и развиваются Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Рассмотрим историческое многообразие и правовые основы создания органов МСУ в Российской империи по существующим на определенный исторический момент делениям областей, уездов и т.д., проведем сравнительный анализ органов МСУ в Российской империи и современной России, порядок их формирования и правовые рамки деятельности. Они исторически обусловлены и являются общими закономерностями организации развития и функционирования местной власти. Однако механизм их действия и использования обусловлен конкретными историческими условиями и формами организации местного самоуправления.

Возрастание роли местного самоуправления в решении вопросов местного значения, обеспечения прав и свобод местного населения, многообразие форм его организации предопределяет необходимость и важность исторического опыта функционирования местного самоуправления. Эти обстоятельства во многом предопределяют необходимость рассмотрения исторического многообразия и правовых основ создания органов МСУ в Российской империи по существующему на конкретный исторический момент административному делению на губернии, уезды, волости. Проведение сравнительного анализа органов местной власти в Российской империи и современной России позволит выявить порядок ее формирования и правовые рамки деятельности, а также выявить наиболее оптимальные механизмы ее функционирования с учетом местных исторических традиций и менталитета населения конкретного региона.

¹ Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс».

Рассматривая центральную часть империи (Малороссийские земли), стоит выделить такие административные деления, как полки, сотни, курени, которые управлялись атаманами, избранными на раде определенного поселения или на сходе.

Это характерно для генерал-губернаторства центральной, дальневосточной, закавказской и иных частей России. Петр I отменил выборность войсковых атаманов, и их назначали до 1917 г.

В селах, населенных зачастую не казаками (мужицкие поселения), а также хуторах (в основном местная власть) выбирали более грамотного человека на должность головы (главы).

Для Центральной же России более характерно управление городскими начальниками, городничими, которые совмещали до определенного момента функции и начальника полиции города, и административного управленца.

По нашему мнению, особое значение стоит уделить южным областям империи, с их характерными принципами управления, которых не было ни в Малороссии (в таком понимании, как на юге), ни в Центральной России.

Суть в том, что правовая основа образования муниципального управления на юге значительно отличалась, поскольку власть южных областей была специфичной в том плане, что управление происходило на землях с этническим проживанием казаков (примерно 95% — казачье население, остальное — иногородние), так как в донетровские времена атамана войска, например Донского казачьего войска, выбирали делегаты от юртов, станиц, что не противоречит современным основам муниципального управления, согласно Конституции РФ и федеральному законодательству, а также обычаям и традициям, которые являются источником правовых норм.

Соответственно, особенность такого самоуправления будет отличаться от иных методов управления, в том числе и казаков Малороссии. Как отмечает Р.М. Усманова: «Своеобразие муниципального права выражается в том, что отношения в системе местного самоуправления регулируются комплексом публично-правовых норм: нормами, изданными государством, и нормами, изданными органами местного самоуправления и непосредственно населением»².

Проведенная Петром I Областная реформа в 1719 г. (после Северной войны) дала но-

² Усманова Р.М. Характеристика методов публичного регулирования общественных отношений в муниципальном праве // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 5. С. 24–31.

вое понятие земских комиссаров, которые назначались в должность Камер-коллегии до 1724 г., при этом начальником провинции значился воевода. Если брать в сравнение с нынешними муниципалитетами, то воевода фактически и есть глава местного самоуправления, в чьем подчинении и находился земский комиссар. «Являясь должностным лицом местного самоуправления, глава местной администрации возглавляет местную администрацию (исполнительно-распорядительный орган местного самоуправления)»³.

С 1724 г. земских комиссаров избирали из своей среды земские землевладельцы на определенный срок, на земского комиссара, как и на воеводу, возлагалось попечение о благосостоянии и просвещении населения своего округа. В их ведении находилась сельская полиция, управляемая старостами, которая избиралась на особом сельском сходе, а также в их ведение входил и сбор подушной подати с сельского населения (сродни современному муниципальному налогообложению).

Во времена правления Екатерины I как таковых преобразований по земствам и уездам не происходило.

При Елизавете Петровне, как ревностной последовательнице, отмечается тенденция возвращения к «делам петровским», но также не отмечается изменений в земском устройстве.

«В 1775 г. императрицей Екатериной II было издано «Учреждение для управления губерний Российской империи», в соответствии с которым в 1775–1785 гг. была проведена кардинальная реформа административно-территориального деления Российской империи»⁴, согласно которому губернии стали делиться только на уезды, причем население губернии составляло 300–400 тыс. душ, а уезда — 30 тысяч душ.

«В 1766 г. издается манифест об избрании в комиссию депутатов от всех местностей и должностей для обсуждения местных нужд. Дворяне высылали от каждого уезда по депутату, городские обыватели по одному от города, прочие сословия и звания по одному от своей провинции. Выборы депутатов и вручение им наказов происходили под руководством выборного предводителя для дво-

рянских обществ и выборного головы для городских»⁵.

Такое выдвижение депутатов для решения местных нужд фактически идентично современному образованию Совета депутатов местного значения, которым Конституция РФ делегирует часть государственно-властных полномочий по решению вопросов местного значения с учетом мнения и интересов населения, проживающего на территории определенного муниципального образования.

«Административно-территориальное устройство в сельской местности по положению 1861 г. представляло собой волости. Волостное управление составляли волостной сход, волостной старшина с волостным правлением и волостной крестьянский суд. Сельский сход и сельский староста составляли сельское самоуправление. Должности крестьянского самоуправления замещались в результате выборов на три года. Помимо выборов должностных лиц, сельский сход решал вопросы о пользовании общинной землей, вопросы общественных нужд, благоустройства, призрения, обучения грамоте членов сельского общества, осуществлял раскладку казенных податей, денежных сборов»⁶ и иных, относительно сельских дел.

Павел I, продолжая унификацию административно-территориального деления, утверждает казенные волости для управления государственными крестьянами. По сути, такое учреждение и явилось впервые в России разделением по системе губерний, волостей и уездов.

При дальнейшем реформировании в Российской империи, проводимом Николаем I, такая работа была поручена М.М. Сперанскому, который в свою очередь предложил новое политическое устройство по организации местной власти, подразделяя ее на многоступенчатые представительные органы, такие как: губернские, уездные и волостные.

Назначались в управление губернией не по выслуге лет, а за реальные заслуги и с условием обязательного обучения. Уездная же власть назначалась из числа заслуженных чиновников или избиралась на сходе, а местная избиралась напрямую населением, для решения местных вопросов, сбора податей и налогов, а также поддержания порядка, а в неко-

³ Якубович В.И. Глава местной администрации как должностное лицо местного самоуправления // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 2. С. 57–61.

⁴ Губернская реформа. 1775 год. URL: <http://www.prlib.ru/History/pages/item.aspx?itemid=729> (дата обращения: 10.07.2017).

⁵ Реформы территориального управления Екатерины II. URL: <http://www.rusobschina.ru/2010-08-26-08-11-08/2010-08-26-15-09-42/845--ii> (дата обращения: 10.12.2017).

⁶ Реформы территориального управления Екатерины II. URL: <http://www.rusobschina.ru/2010-08-26-08-11-08/2010-08-26-15-09-42/845--ii> (дата обращения: 10.12.2017).

торых случаях допускалось избрание местной полиции.

Проводимая Александром II земская реформа считалась самой либеральной на тот момент времени и походила на европейскую систему местного управления, хотя отображала суть земства, устроенного еще в допетровские времена.

Основные задачи при учреждении земств, которые ставились перед ними, по реформе 1864 г. — управление хозяйственными делами. Здесь в качестве сравнения можем привести выдержку из законодательства, а именно п. 2 ст. 1. Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»: «Местное самоуправление в Российской Федерации — форма осуществления народом своей власти, обеспечивающая в пределах, установленных Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, а в случаях, установленных федеральными законами, — законами субъектов Российской Федерации, самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения исходя из интересов населения с учетом исторических и иных местных традиций»⁷.

Таким образом, можно объединить общие задачи, которые ставились перед земством во времена Александра II, и ставятся перед современными органами МСУ: строительство и управление дорог, строительство школ и больниц (в настоящее время в обязанность муниципалитетов входит также строительство детских садов), общее городское (земское) хозяйство, медицина и т.д. При этом земства были лишены политически значимых прав, при том, что сейчас муниципалитеты наделены правами, согласно Конституции РФ, проводить выборы и референдумы местного значения, в соответствии с п. 1 ст. 1. Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»: «Настоящим Федеральным законом определяются основные гарантии реализации гражданами Российской Федерации конституционного права на участие в выборах и референдумах, проводимых на территории Российской Федерации в соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральными законами,

конституциями (уставами), законами субъектов Российской Федерации, уставами муниципальных образований»⁸.

Земская реформа, которую проводил Александр III, историки советского периода именуют как контрреформа.

Согласно проведенной реформе в сфере земского управления в 1890 г., отмечается централизация власти, которая выражалась в порядке выборов чиновников местного управления. Те крестьяне, которые ранее имели право избрания, лишались такового. Волостной сход имел право выдвигать только гласных, которые окончательно утверждались губернатором. Губернии же управлялись генерал-губернатором, который лично и подробно докладывал императору о волостных делах.

Губернатору также вменялось право назначать время и место проведения земских собраний, принимать или отвергать их постановления.

Исследовав царские указы, декреты, положения, упомянутые в статье, рассмотрев современные муниципалитеты и проведя компаративистский анализ современного законодательства, регулирующего положение органов МСУ, можем сделать следующий вывод. История МСУ насчитывает несколько столетий и способов управления от назначения до выборности местных властей, от проведения выборов всеми сословиями населения до лишения низшего сословия права избирательного. Все это со временем трансформировалось в современный вид МСУ. Авторы рассмотрели лишь ограниченный интервал в истории развития МСУ, ввиду того, что необходимо отдельно рассматривать историко-правовой аспект положения земств во времена временного правительства, которые все чаще подвергались революционным веяниям и нагнетанию соответствующей обстановки, равно как и в эпоху существования муниципалитетов от Октябрьской революции и до распада СССР.

Современное управление в МСУ не входит в систему государственной власти, что свидетельствует об отсутствии централизации как таковой. Региональные власти проводят совещания глав муниципальных образований, на которых также могут быть заслушаны отчеты о деятельности муниципальных властей по развитию определенной административно-территориальной единицы. Государствен-

⁷ Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 7 июня 2017 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 26 июня 2017 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (ред. от 1 июня 2017 г.) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 28 июня 2017 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

ные программы развития регионов также направлены по своему смыслу на поддержание муниципальных образований, входящих в состав определенных регионов (как одного, так и нескольких), указанных в программе.

Это свидетельствует о масштабе государственной поддержки МСУ. Однако, как показывает исторический анализ МСУ, его эффективность, функционирование предопределяется следующими обстоятельствами:

— наличием источников финансирования формирования местного бюджета, без которого невозможно решение вопросов местного значения;

— формированием, укреплением, расширением муниципальной собственности, созданием системы муниципальных предприятий, учреждений, обеспечивающих развитие ЖКХ; совершенствованием инфраструктуры муниципальных образований;

— постоянным развитием инициативы, творчества, дисциплины и ответственности органов местного самоуправления и их должностных лиц;

— вовлечением местного населения в процесс решения вопросов местного значения. В этой связи возрастает роль и значение местной администрации, ее отделов в защите обеспечения прав, свобод и законных интересов местного населения. Реализация данных положений позволит реально обеспечить самостоятельность МСУ, подчеркнет его необходимость.

В теоретическом аспекте представляется необходимым вести поиск механизма оптимизации деятельности органов МСУ, преодоления бюрократизма в их деятельности, устранения промежуточных звеньев, типа управляющих компаний, определения соотношения муниципального (общего) и частного (бизнес) интереса в муниципальном управлении.

Литература

1. Усманова Р.М. Характеристика методов публичного регулирования общественных отношений в муниципальном праве / Р.М. Усманова // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 5. С. 24–31.
2. Якубович В.И. Глава местной администрации как должностное лицо местного самоуправления / В.И. Якубович // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 2. 2014. С. 57–61.

References

1. Usmanova R.M. Kharakteristika metodov publichnogo regulirovaniya obschestvenny'kh otnosheniy v munitsipalnom prave [Characteristics of the Methods of Public Regulation of Social Relations in Municipal Law] / R.M. Usmanova // Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie — Government and Local Self-Government. 2012. № 5. S. 24–31.
2. Yakubovich V.I. Glava mestnoy administratsii kak dolzhnostnoe litso mestnogo samoupravleniya [Head of the Local Administration as a Local Self-Government Official] / V.I. Yakubovich // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo — Constitutional and Municipal Law. 2014. № 2. 2014. S. 57–61.

Правовые аспекты реализации прав беженцев и лиц, ищущих убежище на территории Российского государства

*Каракотов Расул Муратбиевич,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Юридического института Пятигорского государственного университета,
кандидат юридических наук
info@pgu.ru*

*Константиности Марина Федоровна,
аспирант кафедры конституционного и муниципального права
Юридического института Пятигорского государственного университета
info@pgu.ru*

В работе сделан анализ действующего российского законодательства, регламентирующего защиту прав беженцев и лиц, ищущих убежище. Выявлены пробелы, деструктивно влияющие на решение правовых и социальных вопросов вышеназванной категории лиц на территории России. Основное внимание уделяется социальным и жилищным проблемам беженцев и лиц, ищущих убежище.

Ключевые слова: беженец, лицо, ищущее убежище, Центр временного размещения, фонд жилья для временного проживания.

Legal Aspects of Exercising of Rights of Refugees and Persons Seeking Asylum in the Territory of the Russian State

*Karakotov Rasul M.
Assistant Professor of the Department of Theory and History of State
and Law of the Law Institute of the Pyatigorsk State University
Candidate of Legal Sciences*

*Konstantinidi Marina F.
Postgraduate Student of the Department of Constitutional
and Municipal Law of the Law Institute of the Pyatigorsk State University*

In work done analysis of existing Russian legislation governing the protection of the rights of refugees and asylum-seekers. Identified gaps, destructively influencing the decision of legal and social issues of the above-mentioned categories of persons on the territory of Russia. Focuses on social and housing problems of refugees and asylum-seekers

Keywords: refugee, asylum seeker, Center for temporary accommodation, housing fund for temporary residence.

Вынужденная миграция населения на протяжении многих десятилетий являлась одной из острых проблем современного мира, но в последнее время она приобрела глобальный характер и затрагивает все мировое сообщество в целом. Вооруженные конфликты в Ираке, Сирии, Афганистане, а также тяжелая внутривнутриполитическая ситуация в ряде стран Африки привели к тому, что мир столкнулся с новой угрозой — глобальным миграционным кризисом. Это стало испытанием

для ряда европейских государств и затронуло все мировое сообщество¹. Это связано с тем, что основные государства-реципиенты, с одной стороны, не способны принять и разместить на своей территории всех иностранных граждан, ищущих убежище, предоставить им

¹ Аванесова А.А. Нью-Йоркская декларация о беженцах и мигрантах и перспективы принятия глобального договора о безопасной, упорядоченной и регулируемой миграции // Миграционное право. 2017. № 2. С. 21.

декларируемое социальное обеспечение, а с другой — гарантировать безопасность своим гражданам от террористических угроз, так как в сложившейся ситуации отсутствует полноценная проверка въезжающих². Данная проблема в полной мере коснулась и Российской Федерации. Основными категориями мигрантов, пересекающих внешнюю границу России, являются беженцы и лица, ищущие убежище.

Права беженцев указаны в ст. 8 Федерального закона от 19 февраля 1993 г. № 4528-1 «О беженцах». Это прежде всего:

1) получение услуг переводчика и получение информации о своих правах и обязанностях, а также иной информации в соответствии с настоящей статьей;

2) получение содействия в оформлении документов для въезда на территорию Российской Федерации в случае, если данные лица находятся вне пределов территории Российской Федерации;

3) получение содействия в обеспечении проезда и провоза багажа к месту пребывания в порядке, определяемом Правительством Российской Федерации;

4) получение питания и пользование коммунальными услугами в центре временного размещения в порядке, определяемом Правительством Российской Федерации, до убытия к новому месту пребывания;

5) охрана представителями территориального органа федерального органа исполнительной власти по внутренним делам в центре временного размещения в целях обеспечения безопасности данных лиц и др.;

6) пользование жилым помещением, предоставляемым в порядке, определяемом уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, из фонда жилья для временного поселения.

Лицо, признанное беженцем, и члены его семьи утрачивают право на пользование жилым помещением из фонда жилья для временного поселения в случае приобретения, получения, найма другого жилья;

7) медицинская и лекарственная помощь наравне с гражданами Российской Федерации в соответствии с настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, если иное не предусмотрено международными договорами Российской Федерации, а также законо-

дательством субъектов Российской Федерации³.

Но здесь нужно отметить, что не все перечисленные в ст. 8 права соответствуют смыслу этого термина. Предоставление информации и услуг переводчика, оформление документов на въезд и охрана Центра временного размещения (ЦВР) (п. 1, 2, 5) — не столько права беженцев, сколько технические обязанности уполномоченного органа в сфере миграции, связанные с работой по предоставлению убежища. Право на добровольное возвращение в страну гражданской принадлежности и выезд на место жительства в другое иностранное государство (п. 16, 17 ст. 8) — не столько права, сколько естественные возможности, осуществление которых зависит не от российских властей, а от иностранных государств. Некоторые права беженцев со статусом или признанных беженцев совпадают с теми, которые предоставлены беженцам в процедуре и лицам, получившим временное убежище: это права на обеспечение проезда и провоза багажа к месту пребывания, на проживание и питание в ЦВР, медицинскую и лекарственную помощь наравне с гражданами РФ и т.д.

Лицо, признанное беженцем, и прибывшие с ним члены его семьи обязаны:

1) соблюдать Конституцию Российской Федерации, другие федеральные законы и иные нормативные правовые акты Российской Федерации, а также законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации;

2) своевременно прибыть в центр временного размещения или иное место пребывания, определенное федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным на осуществление функций по контролю и надзору в сфере миграции, либо его территориальным органом;

3) соблюдать установленный порядок проживания и выполнять установленные требования санитарно-гигиенических норм проживания в центре временного размещения;

4) сообщить в течение семи дней в территориальный орган федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на осуществление функций по контролю и надзору в сфере миграции, сведения об изменении фамилии, имени, состава семьи, семейного положения, о приобретении гражданства Российской Федерации или гражданства другого иностранного государства либо о получении разрешения на постоянное проживание на территории Российской Федерации;

² Кривенкова М.В. Юридические основания международно-правовой ответственности государств в сфере вынужденной миграции // Миграционное право. 2017. № 2. С. 6.

³ Федеральный закон от 19 февраля 1993 г. № 4528-1 «О беженцах» (ред. от 22 декабря 2014 г.) // URL: <http://www.pravo.gov.ru>

5) сообщать о намерении переменить место пребывания на территории Российской Федерации либо выехать на место жительства за пределы территории Российской Федерации;

6) сняться с учета в территориальном органе федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на осуществление функций по контролю и надзору в сфере миграции, при перемене места пребывания и в течение семи дней со дня прибытия к новому месту пребывания встать на учет в территориальном органе федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на осуществление функций по контролю и надзору в сфере миграции;

7) проходить переучет в сроки, устанавливаемые территориальным органом федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на осуществление функций по контролю и надзору в сфере миграции, но не реже чем один раз в полтора года.

Необходимо отметить, что целый ряд этих прав остается декларативным. Миграционные органы никак не содействуют беженцам и лицам, у которых есть временное убежище, ни в медицинской помощи, ни в трудоустройстве.

Но, обобщая и делая вывод о правах и обязанностях беженцев в Российской Федерации, отмечаем, что эти права и обязанности носят как общий, так и специальный характер. Общими как для беженцев, так и для граждан Российской Федерации являются обязанность соблюдать Конституцию Российской Федерации и законодательство в целом, обязанность же сниматься с учета или проходить переучет в миграционном органе является сугубо обязанностью беженца. Часть прав, обозначенных в законе как права беженцев, являются весьма неточными по формулировке и соответствуют скорее обязанностям миграционных органов. Все вышеперечисленные права направлены на то, чтобы беженцы как можно меньше оставались в статусе беженцев и скорее натурализовались, так как по своей сути статус беженца носит временный характер, и человек не может оставаться беженцем долго. Для беженцев, как для иностранцев, недоступно право избираться и быть избранными, служить в Вооруженных силах Российской Федерации, однако нам кажется, что это не является для них принципиальным. На первом месте для них стоят вопросы социального обеспечения. Но в Федеральном законе «О беженцах» нет ни одной нормы, гарантирующей им, к примеру, обеспечение постоянным жильем, а это является весьма насущной проблемой⁴.

Говоря о проблемах реализации конституционно-правового статуса беженца, на наш взгляд, необходимо начать с основной социальной проблемы — это жилище. Многие беженцы не имеют возможности даже снять себе жилье по ряду причин: отсутствие денежных средств (особенно если мы говорим о крупных городах, таких как Москва или Санкт-Петербург), ксенофобия и неприятие со стороны местных жителей, которые не готовы сдавать свои жилые помещения беженцам, тем более семейным, и многие другие проблемы.

Представляется, что выбор в пользу процедуры приобретения статуса беженца либо лица, получившего политическое или временное убежище в Российской Федерации, должен оставаться за самим человеком исходя из его личных обстоятельств. Факт же визового или безвизового пересечения российской государственной границы не должен влиять на эти обстоятельства. Международные обязательства Российской Федерации по Конвенции 1951 г. и Соглашению СНГ о помощи беженцам и вынужденным переселенцам в редакции 1995 г. никак не связан юридически с упрощенным или формальным въездом лица на ее территорию.

Общественные отношения, возникающие в связи с предоставлением убежища в Российской Федерации, характеризуется некой эклектичностью и отсутствием целостности. Необходимо законодательное закрепление единого определения «убежище» — как предоставляемой Российской Федерацией защиты иностранным гражданам и лицам без гражданства, находящимся на территории Российской Федерации, которые не могут или не желают пользоваться защитой государства гражданской принадлежности или прежнего, обычного места жительства по причине наличия опасений стать жертвой насилия или преследований в иных формах по признаку расы, гражданства, национальности, вероисповедания, языка, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений либо возможности столкнуться с пытками или угрозой жизни, здоровью и свободе в условиях вооруженного конфликта международного или немеждународного характера либо угрозой применения смертной казни.

Что касается гарантированного временного размещения и права на наем жилого помещения — тут можно пояснить следующее. Ситуация с лицами, ищущими убежище, из Украины, очень ярко продемонстрировала не-

⁴ Буртина Е.Ю., Коростылева Е.Ю., Симонов В.И. Россия как страна убежища. Доклад об исполнении

Российской Федерации Конвенции о статусе беженца 1951 г. М. : Ваш Формат, 2015.

организованность и невозможность эффективно размещать данных лиц. Центры временного содержания, которые были построены в период чеченских кампаний, были ликвидированы и сняты с финансирования, подразделения Федеральной миграционной службы не считали для себя возможным их содержать, так как это весьма убыточно. В результате, по крайней мере на территории Ставропольского края, граждан Украины размещали в основном в санаториях или в спортивных залах общеобразовательных школ. На наш взгляд, данная ситуация является недопустимой.

Пользование жилыми помещениями на условиях найма (поднайма) для лиц, ищущих убежище, прописано в законодательстве нечетко. Во-первых, не просто найти собственника (кроме органов исполнительной власти или органов местного самоуправления), который бы взял и добровольно заключил договор найма жилого помещения с лицом, ищущим убежище. Если у собственника не будет определенных гарантий со стороны государства, он не будет заключать подобный договор с лицом, у которого отсутствует работа или постоянный доход. По нашему мнению, у государства должен быть специальный резервный фонд для этих целей в виде общежитий или других жилых помещений.

Реализация беженцами права на социальную помощь зависит от двух обстоятельств: вида социальной помощи и наличия и характера регистрации. При отсутствии регистрации возможно получение лишь одного вида помощи: пенсии по возрасту или инвалидности, без каких-либо региональных доплат. Существующая дискриминация в доступе беженцев к социальным правам по признаку регистрации противоречит не только п. 10 ч. 1 ст. 8 Федерального закона «О беженцах», устанавливающему равное право беженцев на получение социальной помощи с гражданами России, но и ст. 19 Конституции, запрещающей дискриминацию в любой форме.

Другой проблемой является натурализация. В соответствии с законом «О беженцах» признанным беженцам гарантировано право на обращение с заявлением о предоставлении права на постоянное проживание на территории России или на приобретение гражданства Российской Федерации. Однако в Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан»⁵ возможность подачи беженцами документов на вид на жительство не предусмотрена, так

что реализовать свое право на получение вида на жительство беженцы, как и другие иностранцы, могут только через год после получения разрешения на временное проживание (РВП). При этом беженцы не включены в число льготных категорий иностранных граждан, которые могут подавать заявления на РВП вне квоты, а получить РВП в счет квоты у них мало шансов. В то же время Закон «О гражданстве Российской Федерации»⁶ предоставляет беженцам более важное право — право обратиться с заявлением о приеме в гражданство России в ускоренном порядке, всего через год после получения статуса беженца (п. «в» ч. 2 ст. 13 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации»). Однако реализация этого права представляет собой неразрешимую проблему. Беженцы годами обивают пороги миграционных органов, пытаются сдать документы, а те, кому это удастся, годами ждут решения и во многих случаях получают документы обратно. Каждый раз обнаруживаются мнимые или реальные ошибки в заполняемых документах, или требуют документы, которые не предусмотрены перечнем, или после того, как документы сданы, по прошествии многих месяцев обнаруживаются новые ошибки, и в этом случае беженцу предлагается оформить РВП, затем вид на жительство, и только потом — подавать документы на гражданство. Другой проблемой для беженцев при подаче документов на гражданство Российской Федерации стало то, что теперь, с 1 января 2015 г., необходимо получить также сертификат, подтверждающий владение русским языком, знание истории России и основ законодательства Российской Федерации. Бесплатных курсов для беженцев по всем этим отраслям знания нет, а стоимость самого экзамена варьируется от 500 до 6 000 рублей.

Следующее право, которое беженцами не реализуется, — это право на судебную защиту и право обжалования решений государственных органов.

Законодатель закрепляет право лиц, ищущих убежище, на обжалование в административном или судебном порядке решений и действий органов государственной власти, органов местного самоуправления и должностных лиц, ущемляющих их права, предусмотренные законодательством Российской Федерации⁷.

⁵ Федеральный закон РФ от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3032; Российская газета. 2002. 31 июля. № 140.

⁶ Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 22. Ст. 2031.

⁷ Закон Российской Федерации от 27 апреля 1993 г. № 4866-1 «Об обжаловании в суд действий и ре-

В соответствии с этим законом каждый гражданин вправе обратиться с жалобой в суд, если считает, что неправомерными действиями (решениями) государственных органов, органов местного самоуправления, учреждений, предприятий и их объединений, общественных объединений и должностных лиц, государственных служащих нарушены его права и свободы.

К действиям (решениям) государственных органов, органов местного самоуправления, учреждений, предприятий и их объединений, общественных объединений и должностных лиц, государственных служащих, которые могут быть обжалованы в суд, относятся коллегиальные и единоличные действия (решения),

в том числе представление официальной информации, ставшей основанием для совершения действия (принятия решений), в результате которых: нарушены права и свободы гражданина; созданы препятствия осуществлению гражданином его прав и свобод; незаконно на гражданина возложена какая-либо обязанность или он незаконно привлечен к какой-либо ответственности⁸.

Подводя итог, можно сделать вывод, что в действующем российском законодательстве, регламентирующем защиту прав беженцев и лиц, ищущих убежище на территории Российского государства, имеются определенные пробелы, скорейшее их решение позволит изменить ситуацию к лучшему.

шений, нарушающих права и свободы граждан» // Российская газета. 1993. 12 мая. № 89.

⁸ См.: Радул. В.В. Правовой статус беженцев и вынужденных переселенцев в Российской Федерации: дис ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 65.

Литература

1. Аванесова А.А. Нью-Йоркская декларация о беженцах и мигрантах и перспективы принятия глобального договора о безопасной, упорядоченной и регулируемой миграции / А.А. Аванесова // Миграционное право. 2017. № 2. С. 21–22.
2. Буртина Е.Ю. Россия как страна убежища. Доклад об исполнении Российской Федерацией Конвенции о статусе беженца 1951 г. / Е.Ю. Буртина, Е.Ю. Коростылева, В.И. Симонов. М.: Ваш Формат, 2015. 344 с.
3. Кривенкова М.В. Юридические основания международно-правовой ответственности государств в сфере вынужденной миграции / М.В. Кривенкова // Миграционное право. 2017. № 2. С. 6–9.
4. Радул В.В. Правовой статус беженцев и вынужденных переселенцев в Российской Федерации: дисс ... канд. юрид. наук / В.В. Радул. М., 2001. 157 с.

References

1. Avanesova A.A. Nyu-Yorkskaya deklaratsiya o bezhentsakh i migrantakh i perspektivy' prinyatiya globalnogo dogovora o bezopasnoy, uporyadochennoy i reguliruemoy migratsii [The New York Declaration for Refugees and Migrants and the Prospects of Adoption of a Global Agreement on Secure, Organized and Regulated Migration] / A.A. Avanesova // Migratsionnoe pravo — Migration Law. 2017. № 2. S. 21–22.
2. Burtina E.Yu. Rossiya kak strana ubezhischa. Doklad ob ispolnenii Rossiyskoy Federatsiyey Konventsii o statuse bezhentsa 1951 g. [Russia as a Country of Asylum. Report on Observance of the Convention Relating to the Status of Refugees of 1951 by the Russian Federation] / E.Yu. Burtina, E.Yu. Korostyleva, V.I. Simonov. Moskva: Vash Format — Moscow: Your Format, 2015. 344 s.
3. Krivenkova M.V. Yuridicheskie osnovaniya mezhdunarodno-pravovoy otvetstvennosti gosudarstv v sfere vy'nuzhdennoy migratsii [Legal Grounds of the International Law Liability of States in the Forced Migration Sector] / M.V. Krivenkova // Migratsionnoe pravo — Migration Law. 2017. № 2. S. 6–9.
4. Radul V.V. Pravovoy status bezhentsev i vy'nuzhdenny'kh pereselentsev v Rossiyskoy Federatsii: diss ... kand. yurid. nauk [Legal Status of Refugees and Forced Migrants in the Russian Federation: thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / V.V. Radul. Moskva — Moscow, 2001. 157 s.

DOI : 10.18572/1812-3805-2018-3-79-80

Рецензия на монографию Миряшевой Екатерины Владимировны «От колоний к штатам: опыт синтетического исследования американского федерализма и судебной власти США (историко-правовые и конституционно-правовые проблемы)»

*Хабибулин Алик Галимзянович,
профессор Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова,
доктор юридических наук
21alik@mail.ru*

Review of the Monograph From Colonies to States: Experience of Synthetic Research of the American Federalism and the US Judicial Power (Historical Legal and Constitutional Legal Issues) by Ekaterina Vladimirovna Miryasheva

*Khabibulin Alik G.
Professor of the Lomonosov Moscow State University
Doctor of Law*

Исследование федерализма и судебной власти в современном мире, как показывают события последних лет, представляет исключительный научный и практический интерес. Возникает немало вопросов, в том числе о степени оригинальности и устойчивости той или иной федеративной модели, движущих силах и векторе ее развития, историко-правовом и конституционном оформлении и легитимности. В этой связи монография доктора юридических наук Е.В. Миряшевой является ценным и весьма своевременным исследовательским продуктом на чрезвычайно актуальную тему. При этом необходимо отметить, что, несмотря на несомненные достижения российской американистики, сформулированная автором тема не являлась предметом специального исследования.

Е.В. Миряшевой выбраны широкие хронологические рамки: с XVIII в. (т.е. с момента организации большинства североамериканских колоний) — до середины XX в. В авторском понимании предложена интересная концептуальная трактовка и впервые осуществлено комплексное историко-правовое исследование становления государственности штатов

и американского федерализма на различных этапах образования федеративного государства США.

Структура монографии представляется вполне логичной, где выдержан хронологически-функциональный принцип построения материала. Первая глава посвящена методологическим проблемам становления и развития американского федерализма. Вторая глава рассматривает предконституционное развитие североамериканских штатов, и значимое место в ней занимают сюжеты об идейно-теоретических предпосылках английского либерализма в европейском конституционализме как фундаменте политических и правовых представлений американских колонистов. Третья глава сконцентрирована на конституционном развитии североамериканских штатов и включает в себя вопросы о предпосылках принятия конституции штатов, традиционное и новое в политико-правовом содержании конституционно-правовых актов, конституционные истоки федеративного выбора США. Последняя, четвертая глава завершает рассмотрение темы, сочетая в себе рассмотрение правосудия на уровне штатов

и роли Верховного Суда США в укреплении американского федерализма.

Монографию Е.В. Миряшевой отличают высокий научный уровень, весомые и глубокие по содержанию теоретические положения и выводы, подтвержденные анализом социально-политической и юридической практики. Работа опирается на широкую источниковую базу: использовано около 20 нормативных актов и почти 50 судебных прецедентов, около 150 монографий, статей, авторефератов диссертаций и более 150 научных исследований на английском языке.

Особо хотелось бы остановиться на следующих моментах монографической работы. Так, несомненным ее достоинством является полнота исследования такого неоднозначного и сложного вопроса как конституционализм. В монографии ему косвенно или прямо посвящены главы вторая и третья. При уяснении данной проблемы автор показывает, что квинтэссенция европейского конституционализма XVII–XVIII вв. заключала в себе идею, что граждане не обязаны исполнять какой-либо закон или платить налог, если они предварительно ими самими не одобрены — длительным молчаливым ли согласием или через посредство их выборных представителей, что в дальнейшем отразилось на его рецепции в правовых актах. Автор добросовестно исследует и первые акты правового характера, где нашла место идея европейского конституционализма, правда, с религиозным оттенком. Речь, например, идет об «Основных приказах штата Коннектикут» (1639 г.). Многие исследователи называют этот документ первой формальной конституцией в североамериканских территориях, где закрепляется право объединиться в народное государство или содружество, «гражданские дела должны регулироваться в соответствии с законами».

Оригинально утверждение автора о том, что в состав написанной конституции, где были реализованы идеи европейского конституционализма, могут быть включены «Виргинский Билль о правах» и Декларация прав (1776 г.), «Декларация прав штата «Мэриленд» (1776 г.), а впоследствии и первые писанные конституции штатов (1776–1783 гг.), и первая Американская конституция Союза «Статьи

конфедерации и Вечного Союза» (1781 г.), а также федеральная Конституция США (1787 г.). В монографии делается вывод, что таким образом европейский конституционализм, его идеи о том, что человек и его жизнь — абсолютные ценности, а права и свободы человека универсальны, нашли полное применение в правовых актах североамериканских штатов.

Рецензируемая работа раскрывает и подчеркивает особую роль Верховного Суда США в совершенствовании судебных механизмов и процедур по обеспечению принципов федерализма, начиная с председательства Дж. Маршалла (1801–1835 гг.). Особо обращается внимание на то, что подобная деятельность протекала в острой борьбе и опиралась на доктрину «подразумеваемых полномочий» федерального центра. Этапы в развитии федерализма — в частности, дуалистический и кооперативный, иллюстрируются рассмотрением конкретных судебных решений.

Можно согласиться с выводом автора, что закрепление принципов федерализма в решениях Верховного Суда США наблюдается уже на ранних этапах развития федеративного государства, когда была поставлена под сомнение доктрина подразумеваемых полномочий федерального правительства (The Implied Powers Doctrine).

Исходя из этого, автор говорит, и, на наш взгляд, вполне справедливо, что доктрина подразумеваемых полномочий складывалась в период так называемого «монистического федерализма», концепция которого сложилась на рубеже XVII и XIX вв., в период образования федеративных государств и принятия Конституции США. Согласно этой теории большинство властных полномочий принадлежало федеральному центру, что справедливо вызывало нарекания со стороны ее составных частей. Так, при ратификации Конституции США законодательные собрания большинства штатов потребовали внесения изменений в ее текст и приняли поправку X к федеральной Конституции.

В заключение остается выразить уверенность, что столь интересная и полезная работа не останется незамеченной и будет востребована научной общественностью.